

АЗБУКА
КЛАССИКА

Письма

МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ

Письма

МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ

АЗБУКА-КЛАССИКА

Пожалуй, самым знаменитым за всю историю французской литературы произведением эпистолярного жанра являются «Письма» мадам де Севинье. После смерти мужа, убитого на дуэли, молодая маркиза посвятила себя воспитанию детей. А когда любимая дочь отправилась вслед за мужем на юг Франции, в Прованс, мать, не в силах смириться с разлукой, принялась писать ей длинные письма, рассказывая обо всем, что происходило в Париже: о политических процессах, придворных интригах, театральных премьерах, о дорожных тяготах, последних модах и прическах. Не случайно на этих страницах мелькают королевские фаворитки и военачальники, аббаты, министры, мушкетеры, философы, куртизанки, Людовик XIV, Фуке и д'Артаньян, Нион де Ланкло и Луиза Лавальер, герцог Ларошфуко, Корнель, Мольер, Лафонтен. Маркиза де Севинье была знакома решительно со всеми! До нас дошло свыше тысячи ее писем, и они до сих пор поражают остроумием, искренностью, непринужденностью. Французский язык под пером мадам де Севинье стал необыкновенно выразительным, живым, изящным и при этом удивительно естественным. «Мадам де Севинье — первая во всем своем столетии по эпистолярному стилю, — воскликнул Вольтер, — даже пустячки она излагает с грацией невероятной!» Избранные письма мадам де Севинье публикуются по русскому изданию 1903 г.

ISBN 978-5-389-02586-8

01

9 785389 025868

МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ

1626 – 1696

В оформлении обложки использованы: портрет Франсуазы-Мargarиты де Севинье, графини де Гриньян работы Пьера Миньяра (?) и портрет Мари де Рабютен-Шанталь, маркизы де Севинье работы Клода Лесфевра (1665)

www.azbooka.ru

Marie de
RABUTIN-CHANTAL
marquise de Sévigné
1626 – 1696

МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ

Письма

Санкт-Петербург
2012

УДК 82/89
ББК 84.4 Фр
М 13

Печатается по изданию 1903 года

Перевод с французского

Оформление обложки Валерия Гореликова

© Н. Лавуа, примечания, указатель, 2012
© В. Пожидаев, оформление серии, 1996
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2012
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-02586-8

1. Господину де Помпону

Сегодня, 17 ноября 1664 года, Фуке вновь занял скамью подсудимых. Он непринужденно сел, как и в первый раз. Канцлер велел ему поднять руку, на что Фуке ответил: «Я уже заявил о причине, которая не позволяет мне принести присягу». Тогда канцлер долго говорил о законности властей, о том, что палату установил король и что полномочия ее проверены верховными собраниями. Фуке ответил, что власть часто делала вещи, которые впоследствии, по спокойном размышлении, сама признавала несправедливыми.

Канцлер прервал его:

— Как! Вы говорите, что король злоупотребляет властью?

Фуке ответил:

— Не я это говорю, а вы! Моя мысль была другая, и я удивляюсь только вашему желанию ссорить меня с королем, когда я нахожусь в таком положении. Но ведь вы, сударь, вы сами хорошо знаете, что иногда можно заблуждаться. Вы подписываете приговор — вы уверены в его справедливости, а на следующий день вы же сами его кассируете, — очевидно, можно изменить свое мнение.

— Однако, — сказал канцлер, — вы не признаете власти палаты, между тем вы ей отвечаете, подаете ей прошения и сидите на скамье подсудимых.

— Правда, — ответил он, — я нахожусь здесь, но это не по доброй воле — меня сюда приводят. Есть власть, которой надо повиноваться, и я считаю это унижением, посланным мне рукою Бога. Меня, впрочем, могли бы освободить от него ввиду услуг, которые я оказал, и тех должностей, которые я имел честь занимать.

После этого канцлер продолжал допрос по соляному налогу. Фуке дал очень хорошие ответы. Допрос продолжится. Я буду посылать вам отчет обо всем. Хотела бы только знать, получаете ли вы все мои письма. Прощайте, чувствую, что начинаю болтать, и не хочу этому поддаваться — слог донесений должен быть краток.

2. Господину де Помпону

Четверг, 20 ноября 1664 года

Сегодня утром Фуке был допрошен о золотой валюте (Марс d'or). Он отвечал на все превосходно. Многие судьи поклонились ему; канцлер упрекнул их за это и сказал, что бретонцам не подобает так поступать.

— Вы потому так низко поклонились Фуке, что вы из Бретани.

Фуке, проходя через арсенал, чтобы прогуляться пешком, спросил, что это за рабочие, которых он видит. Ему ответили, что рабочие сооружают бассейн для фонтана. Он подошел и сказал им свое мнение о работе. Затем, обратившись к д'Артаньяну, смеясь, сказал:

— Вы, вероятно, удивляетесь тому, что я этим интересуюсь. Дело в том, что я когда-то был знатоком таких работ.

Люди, любящие Фуке, находят спокойствие его достойным удивления; я принадлежу к их числу; другие же говорят, что это рисовка с его стороны. Таков свет. Г-жа Фуке-мать дала королеве пластырь, выле-

чивший ее от судорог, которые бывали с нею вследствие истерии.

Многие воображают, что королева из благодарности будет просить у короля помилования для бедного узника; я же, зная немного мягкость нравов этой страны, этому совсем не верю. Удивительнее всего шум, поднятый всеми по поводу пластыря. Толкуют, что г-жа Фуке святая и творит чудеса. Сегодня, 21-го, допрашивали Фуке о налоге на воск и сахар. Он потерял терпение при некоторых вопросах, казавшихся ему смешными. Он горячился и отвечал несколько высокомерно, что не понравилось судьям. Впрочем, он поправил свою ошибку, так как эта манера нехороша. Но порой ему действительно недостает терпения. Мне кажется, что я на его месте поступила бы так же.

Суббота вечером

Фуке явился сегодня в палату; его допрашивали о пошлинах. Атака была слабой. Между нами говоря, это одно из самых тонких мест его процесса. Он очень хорошо защищался. Не знаю, какой добрый ангел надумил его отказаться от гордости. Сегодня он более не был горд, и судьи перестали ему кланяться. Заседание возобновится лишь в среду; в тот же день я вам напишу. Впрочем, если вы будете продолжать жалеть, что мне выпал труд писать вам, и просить перестать, то я наконец решу, что вам самому наскучило читать мои послания и отвечать на них. Поэтому я вам обещаю сократить мои письма как сумею и при всей любви моей к вашим письмам освобождаю вас от ответов. После таких заявлений у вас, кажется, не останется и тени надежды на прекращение переписки. Доставляя вам маленькое удовольствие, я себе доставляю большое. У меня так мало случаев выразить вам мое уважение и дружбу, что я не желаю упустить того, что мне представился. Передавайте мои приветы вашим домашним и соседям. Королева заметно поправляется.

3. Господину де Помпону

Понедельник, 24 ноября 1664 года

Если верить своему сердцу, то я должна быть вам бесконечно благодарна за внимание, с которым вы относитесь к моим сообщениям. Поверьте мне, я пишу вам письма, и это меня утешает. Писать вам доставляет мне больше удовольствия, чем вам — читать мои письма. Возбужденные ими чувства всегда неподдельны. Надежда свойственна каждому, хотя мы не знаем, почему надежда поддерживает сердце. Два дня тому назад я обедала в Сент-Мори-де-Сент-Антуан; аббатиса передала, что Пюи... навестил ее четыре раза в течение трех месяцев. Это обстоятельство крайне удивляет меня. Он рассказывал ей, что епископ Женевский (Франциск Сальский) вымолил для него необыкновенную милость во время своей болезни летом, за что он преисполнен благодарности к епископу. Он просил ее помолиться за него со всей общиной; дал тысячу экю, чтобы исполнить свой обет, и просил показать ему сердце блаженного. Приблизившись к алтарю, он упал на колени и в течение четверти часа заливался слезами. Он взывал к сердцу, умоляя его уделить и ему искру той пламенной любви к Богу, которая в нем горела. Игуменья также плакала. Она дала ему мощи святого. Он их постоянно носит на себе. Во время своих четырех посещений он казался столь поглощенным желанием своего спасения, так далек от двора, что и более тонкая особа, чем аббатиса, могла быть введена в заблуждение. Она ловко заговорила о деле Фуке. Он ответил, как человек, занятый только Богом, что он ничего не знает, что там видно будет и что ему оказано будет правосудие согласно велениям Господа. Ничто в жизни меня не удивляет больше, чем этот разговор. Если вы спросите мое мнение об этом, то я отвечу, что я ничего не понимаю; непостижимо, к чему вся эта комедия, а если это все серьезно, то опять невозможно согласовать все его поступки в этом деле с его возвы-

шенными словами. Вот одна из тех вещей, которую объяснит только время, ибо сами по себе они темны; однако не говорите никому об этом, потому что аббатиса просила меня не распространять этой маленькой истории.

Я видела мать Фуке; она мне рассказала, каким образом она доставила королеве пластырь через г-жу де Шаро.

Верно, что действие его было поразительно: меньше чем через час королева почувствовала облегчение в голове, и открылось необычайное истечение чего-то испорченного, способного причинить ей смерть не позже чем в следующую ночь. Во время припадка сама королева сказала вслух: «Г-жа Фуке исцелила меня. То, от чего она меня освободила, было единственной причиной судорог, от которых я думала, что умру прошлой ночью». Королева-мать была в этом убеждена и сказала об этом королю, который пропустил слова мимо ушей. Доктора́, в отсутствие которых прикладывали пластырь, своего мнения не высказали и продолжали лечение в ущерб истине. В тот же день король пренебрег бедными женщинами, бросившимися к его ногам; однако правда живет в сердце. Вот еще одна из тех вещей, объяснения которых надо терпеливо ждать.

Среда, 26 ноября

Сегодня утром канцлер допрашивал Фуке, но совсем в другом духе: кажется, он пристыжен, что ему приходится вести допрос по указке Б. Он просил докладчика прочесть статью, по которой хотели допрашивать обвиняемого; докладчик читал так долго, что уже было половина одиннадцатого, когда кончилось чтение. Он сказал: «Введите Фуке», тут же поправился: «Г-на Фуке». Но оказалось, что вовсе забыл распорядиться, чтобы его привели из Бастилии. Пришлось послать за ним, и он явился лишь в одиннадцать часов. Его допросили о пошлинах; он давал прекрасные объ-

яснения, но все-таки запутал некоторые числа, причем судьи легко бы могли его смутить, если бы были более ловки и внимательны, но, вместо того чтобы быть настороже, канцлер дремал; все переглядывались, и я думаю, наш друг тоже охотно посмеялся бы, если бы посмел. Наконец канцлер очнулся и продолжал допрос. Хотя Фуке чересчур напирал на довод, который легко могли опровергнуть, ему все же удалось удержаться, потому что в своем несчастье он имеет известную долю счастья, которая принадлежит единственно ему. Если постоянно будут так медлить, как сегодня, то процесс продолжится бесконечное время.

Я буду писать вам всякий вечер, но отсылать письма смогу только в субботу вечером или в воскресенье. Они вам дадут отчет о четверге, пятнице и субботе. Нужно будет доставить вам еще одно в четверг, которое познакомило бы вас с заседаниями понедельника, вторника и среды; таким образом, письма мои не заставят себя ждать. Прошу вас передать мои поклоны вашему отшельнику и вашей дражайшей половине. Я не спрашиваю о вашей соседке — вскоре мне придется давать вам сведения о ней.

4. Господину де Помпону

Четверг, 27 ноября 1664 года

Сегодня продолжали допрос о пошлинах. Канцлер всерьез намеревался довести Фуке до крайности и смутить его. Но ему это не удалось. Фуке отделался от него отлично, вернувшись только в одиннадцать часов, потому что канцлер заставил читать докладчика, как я уже писала, и, несмотря на всю свою святость, он говорил самое худое о нашем бедном друге. Докладчик держал его сторону, потому что канцлер говорил односторонне; наконец он сказал: «Вот пункт, на который обвиняемый не будет в состоянии ответить». Докладчик возразил: «О сударь, для этого пункта есть плас-

тырь, залечивающий его» — причем представил очень вескую причину, прибавив: «Милостивый государь, в месте, в котором я нахожусь, я всегда скажу правду, каким бы образом эта правда ни обнаружилась». Посмеялись над пластырем, который намекал на другой пластырь, наделавший недавно столько шуму. Ввели подсудимого, который не пробыл и часа в палате. Уходя, многие хвалили д'Ормессона за его твердость.

Надо вам рассказать, что я сделала. Представьте себе, что дамы предложили мне отправиться в дом, стоящий прямо против арсенала, чтобы видеть, как пойдет наш бедный друг. Я была под маской. Я его видела издали. Г-н д'Артаньян шел возле него; пятьдесят мушкетеров — в тридцати или сорока шагах сзади. Он казался задумчив. Когда я его увидела, у меня ноги подкосились и сердце так сильно билось, что казалось, не выдержит. Когда он приблизился к нам, чтобы войти в свою конуру, д'Артаньян толкнул его, указывая на нас. Он нам поклонился и принял свой обычный жизнерадостный вид. Я не думаю, чтобы он узнал меня, но, признаюсь, я была странно поражена, видя его входящим в маленькую дверь. Если бы вы знали, какое несчастье иметь сердце, подобное моему, я уверена, вы пожалели бы меня. Но я думаю, и вам не легче, насколько я вас знаю. Я посетила вашу милую соседку; мне было так жаль, что вы лишены ее общества, и в то же время я была рада видеть ее. Мы много говорили о нашем дорогом друге; она встретила Сафо, что вернуло ей бодрость духа. Я тоже пойду завтра к ней набираться мужества, потому что время от времени чувствую, что нуждаюсь в подкреплении. Все подает надежду, но, боже мой, я обладаю таким живым воображением, что всякое сомнение изводит меня.

Пятница, 28 ноября

Заседание открылось с самого утра. Канцлер сказал, что следовало бы допросить Фуке о четырех займах. Д'Ормессон заметил, что это не имеет значения,

так как в вопросе о займах Фуке ни в чем не виноват: об этом он уже говорил в самом начале процесса. Стали возражать. Он просил позволения объяснить дело, как он его понимает, и выслушать его речь. Получив позволение, он успел убедить суд, что этот пункт обвинения не важен. Затем ввели обвиняемого. Было одиннадцать часов. Не прошло после того и часа, как канцлер снова заговорил о четырех займах. Фуке просил позволения сказать о пошлинах то, что не успел сказать накануне. Его слушали; он просто творил чудеса. Когда канцлер спросил его:

— Имели ли вы ордер на сумму?

Он сказал:

— Да, но это было совместно с другими делами, о которых речь впереди.

— Но, имея ордер, вы все же расходов не делали? — сказал канцлер.

— Совершенно верно, — сказал Фуке. — Но суммы были уже ассигнованы.

— Этого недостаточно, — сказал канцлер.

— Отчего недостаточно? — возразил Фуке. — Вот, например, когда я выдавал вам жалованье, ордер подчас датировался месяцем раньше, но так как сумма была уже ассигнована, то она и считалась как будто уже израсходованной.

Канцлер сказал:

— Я вам за это, конечно, премного обязан...

Фуке сказал, что он был счастлив услужить ему в то время, и теперь вспомнил об этом не для того, чтобы упрекнуть его, а просто пришлось к слову.

Заседание возобновится только в понедельник. Видно, хотят затянуть дело... П... обещал сократить речи обвиняемого по возможности. Они находят, что он говорит слишком хорошо. Хотели бы допросить его слегка, только для формы и не по всем пунктам; но он желает говорить обо всем и не хочет, чтобы они приняли решение по пунктам, на которые он не дал объяснения. П... все опасается не угодить Маленько-

му. Он на днях извинялся перед ним за то, что дал Фуке говорить слишком долго; но он не мог прервать его. Ш... находится все время допроса за ширмами. Он слушает, что говорят, и старается внушить судьям причины приведения его к таким крайним заключениям. Весь этот прием незаконен и обнаруживает великую ярость против бедного Фуке. Что касается меня, то, признаюсь, я потеряла всякий покой. Прощайте, сударь, до понедельника. Если бы вы только могли знать мои чувства к вам, то уверились бы в дружбе, которую вы, по вашим же словам, немного цените.

5. Господину де Помпону

Понедельник, 1 декабря 1664 года

Последние два дня все были убеждены, что дело Фуке хотят затянуть; теперь же не то; все даже убеждены в противоположном. Чрезвычайно торопят допрос. Сегодня утром канцлер, взяв свою записку, читал список из десяти обвинительных пунктов, причем не дал времени отвечать.

Фуке сказал:

— Милостивый государь, я не хочу отнимать у вас время, но умоляю вас, дайте мне возможность ответить. Вы меня спрашиваете и точно не желаете выслушать ответ. Для меня важно высказаться: есть много пунктов, требующих разъяснения; я нахожу нужным говорить обо всем, что затронуту в моем процессе.

И им пришлось его слушать, несмотря на враждебное настроение. Без его настойчивости они, конечно, не допустили бы, чтобы он так хорошо защищался.

Допрос возобновится сейчас и пойдет так быстро, что, я думаю, он кончится на этой неделе. На днях я ужинала в отеле де Невера. Мы с хозяйкой долго беседовали об этом деле. Одному вам понятна наша тревога. Ваше письмо лучше всего того, что могла бы написать я. Вы подвергаете мою скромность слишком

большому испытанию, сообщая мне отношения ваши и вашего отшельника ко мне. Мне кажется, что я вижу его и слышу из уст его сказанное вами. Я в отчаянии, что не мне принадлежит изречение «Превращение Пьеро в Тартюфа»: это так верно сказано, что, имей я столько ума, сколько вы мне приписываете, это изречение было бы на кончике моего пера.

Я приберегла для вас маленький рассказец, который немного развлечет вас.

Король с некоторых пор стал писать стихи. Сент-Эньян и Данжо обучают его стихотворному искусству. Король сочинил недавно маленький мадригал и сам остался им недоволен. Он сказал маршалу Грамону:

— Г-н маршал, почитайте, пожалуйста, этот маленький мадригал и скажите, видели ли вы когда-либо нечто более дерзкое? С тех пор как узнали, что я люблю поэзию, мне стали посылать стихи всяких родов.

Маршал прочитал и ответил королю:

— Ваше величество судит всегда обо всем божественно. Несомненно, я никогда не читал более глупого и более смешного мадригала.

Король расхохотался и сказал:

— Не правда ли, тот, кто сочинил его, должен быть большой нахал?

— Ваше величество, — ответил маршал, — другого имени ему и нельзя дать!

— Ах, как хорошо, что вы сказали мне правду; сочинитель этого мадригала я сам, — сказал король.

— Что вы, государь! — воскликнул маршал. — Позвольте мне, ваше величество, еще раз... я, должно быть, невнимательно читал.

— Нет, г-н маршал, первое впечатление самое верное.

Король много смеялся.

Все находят, что нельзя более жестоко пошутить над старым царедворцем. Я люблю размышлять всегда; я желала бы, чтобы король подумал о том, как он почти всегда бывает далек от истины. Мы накануне

обнародования одной такой жестокой истины — выкупа нашей ренты на условиях, пускающих нас по миру. Волнение необычайное, но зло превосходит всякое волнение. Не находите ли вы, что предпринимают много зараз? Меня теперь трогает больше всего вовсе не потеря части моего состояния, а нечто другое.

Вторник, 2 декабря

Сегодня наш дорогой несчастный друг говорил два часа, но так превосходно, что многие не могли не удивляться ему. Г-н Ренар сказал между прочим: «Надо признаться, что этот человек не имеет равного себе; он никогда не говорил так хорошо в парламенте. Он владеет собою лучше, чем когда-либо». Дело касалось шести миллионов и его расходов. То, что он сказал об этом, несравненно. Я напишу вам в четверг и пятницу, в последние дни допроса я буду продолжать до конца.

Дай Бог, чтобы последнее письмо мое уведомило вас о том, чего я страстно желаю. Прощайте же, добрейший мой; просите вашего отшельника [Арно д'Андийи] молиться за нашего бедного друга. Целую вас обоих от всего сердца и, из скромности, целую также вашу супругу.

Что касается всей семьи несчастного — там царствует спокойствие. Говорят, что г-н Несмонд каялся перед смертью, что он не присоединился к мнению двух судей, отвергавших обвинение, что если бы он был до конца процесса, то исправил бы свою ошибку, и молил Господа простить его.

Вторник, 2 декабря

Фуке говорил сегодня целых два часа о шести миллионах, говорил чудесно; он заставил себя слушать — все были тронуты, каждый по-своему. Пюссор делал жесты неодобрения, которые шокировали порядочных людей.

Когда Фуке перестал говорить, Пюссор порывисто поднялся с места, сказав:

— Слава богу, не будут жаловаться, что ему не дали вдоволь наговориться!

Что вы на это скажете? Не правда ли, похоже на справедливого судью? Говорят, что канцлер запуган рожистым воспалением, от которого умер Несмонд; он боится, чтобы с ним не случилось того же. Если бы этот страх внушил ему мысли человека, готовящего предстать перед Богом, то это было бы еще хорошо; но надо бояться, чтобы о нем не пришлось сказать, как об Арганте: «Е могi come visse»¹.

Вторник вечером

Я получила ваше письмо. Я вижу, вы мне неблагодарны. Никогда не читала я ни более приятного, ни более обязательного письма. Нужно быть окончательно лишенной самолюбия, чтобы не быть чувствительной к вашим похвалам. Уверяю вас, что я в восторге от вашего хорошего мнения о моем сердце, и прошу верить мне, что я уважаю вас гораздо более, чем можно выразить словами. Я радуюсь, что могу сообщать вам о деле, которое нас обоих одинаково интересует. Я говорю это вам, не желая только отвечать любезностью на вашу любезность.

Сегодня наш дорогой друг все еще на скамье подсудимых. Аббат Эффиа, проходя мимо, поклонился ему. Отвечая на поклон, он сказал со свойственным ему веселым видом: «Сударь, я ваш покорный слуга!» Аббат Эффиа был растроган до слез.

Тотчас после прихода Фуке в палату канцлер предложил ему сесть.

Он ответил:

— Милостивый государь, вы вчера воспользовались тем, что я сел. Вы находите, что сидеть — значит признавать палату; в таком случае разрешите мне не сидеть на скамье подсудимых.

На это канцлер сказал, что он может удалиться.

¹ Умер, как жил (*ит.*).

Фуке ответил:

— Я не хочу возбуждать новый судебный вопрос, но хочу заявить, если только вы ничего не имеете против этого, обыкновенный протест, который прошу внести в протокол. Затем я буду отвечать.

Его просьбу уважили.

Он сел на скамью, и слушание было продолжено.

Если допрос продолжится в том же духе, то он принесет ему немало пользы. В Париже много толков о его удивительном уме и твердости. Я вся дрожала при чтении его письма к одной из приятельниц. Он ее заклинает сообщить ему приговор, какой бы он ни был, худой или хороший, какой Бог пошлет, для того чтобы иметь время приготовиться выслушать спокойно его объявление; он прибавляет при этом, что получаса достаточно ему, чтобы приготовиться спокойно встретить самый жестокий приговор. Это место письма заставило меня рыдать; я уверена, что и у вас щемит сердце.

Среда

Сегодня не было заседания по случаю болезни королевы, которая была в опасности. Теперь ей немного легче. Она вчера причастилась для подкрепления. Это самое великолепное и вместе с тем самое печальное зрелище в свете — видеть короля и весь двор со свечами и тысячью факелов в руках, сопровождавших Святые Дары. Королева сделала усилие, приподнялась и приняла причастие с таким благоговением, что все плакали. Много труда стоило уговорить королеву; одному лишь королю удалось убедить ее, всем другим она отвечала, что охотно приобщилась бы Святых Тайн, только боится умереть. Два часа продолжались уговаривания, прежде чем она решилась.

Крайнее одобрение, вызванное ответами Фуке, очень не нравится Маленькому; все думают, что он уговорит П... сказаться больным, отложить заседание с целью остановить симпатии публики и оправиться

от других неудач обвинения. Остаюсь покорнейшей слугой дорогого нашего отшельника, супруги вашей и обворожительной Амалфеи.

Четверг, 4 декабря 1664 года

Сегодня наконец допрос закончен. Фуке вошел в зал; канцлер велел прочесть проект полностью. Фуке, заговорив первым, сказал:

— Милостивый государь, я думаю, что прочитанная бумага не может иметь других последствий, кроме того крайнего смущения, в котором я нахожусь теперь.

Канцлер заметил:

— Однако мы слышали из этого чтения, что любовь ваша к государству, о которой вы нам здесь так много говорили, не простиралась настолько, чтобы помешать вам сеять смуту из одного края в другой.

— Сударь, — сказал Фуке, — эти мысли пришли мне в голову в минуты крайнего отчаяния, главным образом когда кардинал, обязанный мне больше, чем кому-либо, своим возвращением во Францию, отплатил мне черной неблагодарностью. У меня имеется одно письмо от него и другое от королевы-матери, могущие подтвердить верность моих слов, но они взяты вместе с другими моими бумагами. Мое несчастье в том, что я не сжег этой злополучной бумажонки, которую я начисто забыл и за два года ни разу не вспомнил о ней. Во всяком случае, я всем сердцем и искренне отказываюсь от нее и умоляю вас, господа, верить, что моя любовь и преданность королю и службе от этого не уменьшились!

Канцлер сказал:

— Очень трудно поверить вашим словам, когда читаешь и видишь, с каким упрямством эти мысли у вас повторяются в различных местах.

Фуке ответил:

— Во все времена и с опасностью для жизни я не покидал короля, а вы в те времена, сударь, состояли главой совета его врагов, и ваши близкие давали свободный пропуск войску, враждебному королю.

Канцлер почувствовал этот удар, но наш бедный друг пришел в такое волнение, что потерял самообладание. Затем допрашивали его о расходах. Он сказал:

— Берусь доказать, что я не сделал ни одного расхода, не сообразуясь или с моими доходами, которые известны кардиналу, или с моим жалованьем, или с состоянием жены. Если же я не докажу, то можете поступить со мною по всей строгости.

Допрос длился два часа. Фуке отвечал подробно, но с горячностью и досадой, так как чтение проекта донельзя расстроило его. Когда он вышел, канцлер сказал:

— Мы его допросили в последний раз.

Г-н Понсе подошел к канцлеру и сказал ему:

— Вы еще не допрашивали его об имеющихся доказательствах относительно начала приведения в исполнение его проекта.

Канцлер ответил:

— Эти доказательства не сильны, ему легко будет опровергнуть их.

На это Сент-Элен и Пюссор заметили:

— Не все такого мнения.

Вот что заставляет призадуматься и наводит на размышление. Остальное отложу до завтра.

Пятница, 5 декабря

Сегодня докладывали его прошения, не имеющие особого значения. Они важны только для беспристрастных судей.

Вот наконец все окончено. Очередь теперь за д'Ормессоном, который должен резюмировать итог. Это займет всю будущую неделю. Это время нельзя назвать жизнью; я неузнаваема; кажется, я не доживу до конца процесса. Г-н д'Ормессон просил меня не искать встречи с ним, пока дело не будет решено; он в конклаве и не желает иметь сношения с внешним миром. Он обнаруживает большую осторожность: он не говорит, а только слушает. На прощание я рада была ска-

зять ему все, что у меня на душе. Я вам сообщу все, что узнаю. Дай Бог, чтобы мое последнее известие было хорошее! От души желаю этого!

Уверяю вас, мы все жалки; я подразумеваю вас, себя и всех тех, которые считают это дело своим.

Прощайте, друг мой, сегодня вечером я особенно удручена и печальна.

6. Господину де Помпону

Вторник, 9 декабря 1664 года

Уверяю вас, друг мой, что эти дни бесконечно длинны и что неизвестность — страшная вещь. Этот недуг неведом семье бедного узника. Я их видела и удивлялась им. Кажется, как будто они ничего никогда не читали и не слыхали о происшедшем. Что меня особенно удивляет, что Сафо, подобно остальным, невозмутимо спокойна, несмотря на то что ее ум и проницательность не имеют границ. Думая об этом, я льщу себя надеждой и убеждаюсь или, скорее, хочу быть убежденной, что они больше меня понимают и лучше осведомлены, чем я. С другой стороны, когда я размышляю вместе с другими, менее пристрастными, чем я, людьми, я нахожу, что наши желания так справедливы, что будет чудом, если дело не кончится согласно ожиданиям. Часто проигрыш зависит от одного голоса, и этот голос — все. Я вспоминаю отводы, на которые несчастные женщины уповали; их было от пяти до семнадцати, и ни один из них не удался. С тех пор я не особенно доверяю их упованиям. Однако в глубине души моей таится маленькая надежда, хотя не знаю, откуда она берется и куда направлена. Она даже недостаточно велика, чтобы дать мне спокойно заснуть. Я говорила вчера с г-жой Дю Плесси. Я могу говорить только с людьми, заинтересованными в этом деле и питающими такие же чувства к несчастному, как и я. Она также надеется, и также без всякого основания.

Но почему вы надеетесь? Потому что надеюсь!.. Вот наши ответы. Они, как видите, не особенно благодарны. Я ей сказала, что если приговор будет по нашему желанию, то верхом блаженства будет для меня послать вам быстрого гонца с этим известием. Радость моя будет неизмеримо выше, когда я стану представлять себе доставленное вам мною удовольствие. Для нее мои слова были вполне понятны, и беседа доставила нам обоим четверть часа отдыха от постоянно угнетающей нас мысли. Считаю нужным исправить мои последние сведения о допросе о государственном преступлении. Я сообщила то, что слышала от других. Лицо, передававшее мне эти сведения, вспомнило точнее, что произошло. После того как Фуке ответил, что единственным последствием проекта было только смутить его чтением, канцлер ему сказал:

— Однако вы не можете отрицать, что это не преступление против государства.

Фуке ответил:

— Признаюсь, что это можно назвать глупостью и безумием, но никак не государственным преступлением. Умоляю господ судей, — сказал он, обращаясь к ним, — позволить мне объяснить, что такое преступление против государства. Не считаю вас менее меня сведущими в этом вопросе, но думаю, что я имел больше досуга для его изучения. Преступлением против государства называется такой поступок, когда кто-либо посвященный в тайны своего государя и облеченный высшей властью перейдет на сторону врагов и будет подстрекать своих близких к измене; когда он откроет ворота города враждебной армии и закроет их перед настоящим своим правителем; когда он выдаст государственную тайну. Вот, господа, что называется государственным преступлением.

Канцлер не знал, куда деться, все судьи еле сдерживали смех. Вот как обстояло дело. Не правда ли, ничего не может быть умнее, тоньше и вместе с тем смешнее этого?

Вся Франция восхищалась этим ответом. Затем он, защищаясь, сказал все то, о чем я вам уже писала. Умолчание вам об этом ответе лежало бы у меня на совести, и наш бедный друг много бы потерял от этого. Сегодня утром д'Ормессон начал резюме всего дела. Он говорил красиво и очень ясно. В четверг он подает свое мнение. Его товарищ будет говорить два дня. Еще несколько дней займет подача голосов остальных судей; между ними есть желающие распространиться. Таким образом, нам предстоит еще томиться до будущей недели. Поистине это не жизнь — в том состоянии, в котором мы находимся.

Среда, 10 декабря

Д'Ормессон продолжал резюме; он превзошел самого себя в ясности изложения и красоте слога. Пюссор прерывал его пять или шесть раз с одной лишь целью — помешать речи. При словах, показавшихся ему уже слишком в пользу Фуке, он сказал:

— Сударь, мы еще будем говорить после вас.

7. Господину де Помпону

Четверг, 11 декабря 1664 года

Д'Ормессон продолжал; когда он дошел до статьи о золотой валюте, Пюссор сказал:

— Вот, господа, что явно свидетельствует против обвиняемого.

— Совершенно верно, — сказал д'Ормессон, — только нет никаких доказательств.

— Как! — возразил Пюссор. — Разве не допросили тех двух офицеров?

— Нет, — сказал д'Ормессон.

— Но это невозможно! — ответил Пюссор.

— Я в деле не нашел ничего, — сказал д'Ормессон.

На это Пюссор гневно произнес:

— Вы должны были это сказать раньше; это серьезная ошибка!

Д'Ормессон на это ничего не ответил. Но если Пюссор позволил бы себе сказать еще одно слово, д'Ормессон, наверное, ответил бы: «Милостивый государь, я судья, а не доносчик!» Помните ли вы, что я вам рассказывала еще во Френе? Дело в том, что д'Ормессон узнал об этом слишком поздно.

Канцлер прервал еще несколько раз д'Ормессона; он сказал ему, что о проекте больше нечего говорить, и это не без умысла.

Многие сочли проект большим преступлением, и канцлер хотел помешать д'Ормессону обнаружить нелепость доказательств, чтобы не ослабить в судьях мысли о виновности Фуке в этом.

Д'Ормессон еще вернется к этому вопросу, так как это одно из оснований процесса. Он окончит завтра. Сент-Элен будет говорить в субботу. В понедельник два докладчика выскажут свои мнения, и во вторник все соберутся с утра и не уйдут, пока не произнесут приговор.

С замиранием сердца думаю об этом дне. Семья же питает большие надежды. Фуко хлопочет повсюду, он всем показывает письмо короля, в котором написано, что он не допускает, чтобы у него были судьи, могущие обвинять кого-либо на основании исчезнувших бумаг, что это он, король, велел взять эти бумаги и что в них нет ни одной, служащей в защиту обвиняемого. Все это бумаги, касающиеся его государства, и они не должны иметь значения для суда.

Что вы скажете об этом прелестном поступке? Не приходите ли вы в отчаяние оттого, что дела ведутся подобным образом именем правителя, который любил бы правду и справедливость, если бы их знал?

На днях король сказал: «Фуке — опасный человек». Вот какое понятие ему внушают! Наконец наши враги не знают меры; они закусил удила: угрозы, обещания — всё в ходу. Если Бог за нас, то мы выйдем

победителями. Вы получите, может быть, от меня еще письмо. Если будут хорошие вести, то немедленно пришлю гонца. В противном случае не знаю, что станет со мною. Кланяйтесь нашему отшельнику и дражайшей вашей половине. Просите их молиться Богу.

Суббота, 13 декабря

Настаивали, чтобы д'Ормессон сказал свое мнение сегодня, для того чтобы дать Сент-Элену возможность отдохнуть в воскресенье и выступить с новыми силами в понедельник. Д'Ормессон подал голос за вечное изгнание и конфискацию имений в пользу короля. Он увенчал этим свою славу. Мнение немного суровое, но будем молить Творца, чтобы и другие последовали его примеру. Всегда прекрасно идти на приступ первым.

8. Господину де Помпону

Среда, 17 декабря 1664 года

Вы изнываете, мой бедный друг, но и нам не легче. Очень жалела, что сообщила о том, что мы ждем приговора во вторник. Не получив от меня известий, вы, вероятно, думали, что все потеряно; мы, однако, все еще полны надежд. В субботу я рассказала вам о докладе д'Ормессона и его мнении, но я не писала о высоком уважении, которого он удостоился. Я слышала от профессиональных ораторов, что его речь в смысле ясности, красноречия и даже изящества была настоящим шедевром. Словом, никогда человеку его профессии не представлялся лучший случай показать свои познания и никто до сих пор лучше его не воспользовался этим случаем. Если бы он хотел открыть двери похвалам, то они бы никогда не закрывались; но он хотел быть скромным и старался избегать всех. Его недостойный товарищ Сент-Элен говорил в понедельник и во вторник; он бесцветно повторял дело, не прибав-

для ничего самостоятельного, читал речь по-писанному; он высказал ни на чем не основанное мнение, что Фуке подлежит смертной казни за государственное преступление. Чтобы привлечь больше голосов на свою сторону, он сказал, что король, верно, помилует его, так как он один может это сделать. Вчера совершил он этот прекрасный поступок, который опечалил всех настолько, насколько утешило мнение д'Ормессона.

Сегодня утром Пюссор говорил четыре часа, притом с такой пылкостью, горячностью, с таким увлечением, с такой яростью, что даже многие из судей вознегодовали. Думают, что эта ярость нашему несчастному другу скорее на пользу. Пюссор удвоил напор в конце речи. По поводу государственного преступления он сказал следующее. Один испанец был еще более насцепетилен на этот счет. Он так ненавидел всякого восставшего, что сжег свой собственный дом только потому, что в нем остановился Карл Бурбонский, восставший против короля. Тем большее отвращение должны мы питать к преступлению Фуке. Наказать его может, по его мнению, только веревка с виселицы, но ввиду должностей, которые занимал Фуке, и его высокопоставленных родственников он присоединяется к мнению Сент-Элена.

Что вы скажете о такой умеренности?

Из-за того что он дядя Кольбера и ему пытались дать отвод, он решился поступить с Фуке так честно. Я вне себя от этой подлости. Я не знаю, будет ли завтра суд, или протянут дело всю неделю. Нам предстоит еще бóльшая гроза. Но может быть, кто-либо еще присоединится к мнению д'Ормессона. До сих пор не многие с ним согласны. Обратите теперь внимание, прошу вас, на три вещи, весьма верные и довольно необычайные. Во-первых, на небе явилась комета. Она видна уже четыре дня. Сначала о ней заговорили женщины. Но их высмеяли. Никто им не верил. Теперь же все любят на комету. Г-н д'Артаньян бодрствовал прошлую ночь и превосходно все видел. Г-н де Нейре,

великий астролог, говорит, что она необычайных размеров. Я видела г-на Дюфозна, который наблюдал комету вместе с тремя другими учеными. Я, пишушая эти строки, не спала всю ночь, чтобы увидеть ее: комета появляется в три часа ночи; в этот час, предупреждая вас, вы также можете иметь удовольствие или удовольствие ее видеть.

Беррье сошел с ума в полном смысле этого слова; после нескольких кровопусканий он еще больше неистовствует; говорит о колесовании и виселицах, для которых намечает деревья; он говорит, что его хотят повесить. Он поднимает такой вой и возню, что придется связывать его. Вот поистине наказание Божие.

Г-да Беземо, управляющий Бастилией, и Шамилляр, обещая помилование некоему подсудимому Ламоту, неоднократно подстрекали его говорить против Фуке и де Лорма. Не соглашаясь, Ламот заявил об этом суду и был приговорен к каторжным работам. Г-жи Фуке получили копию с этого показания и завтра представят ее в палату.

Копия эта может и не быть принята, ввиду того что следствие закончено и уже собирают голоса. Но г-жа Фуке может на словах заявить об этом во всеуслышание, и так как слух об этом уже и без того распространился, то это произведет должное впечатление на судей.

Не правда ли, все это очень необыкновенно?

Я приберегла вам маленький рассказ о геройском подвиге г-на Масно; он на прошлой неделе опасно занемог.

Испытывая страшные боли от почечных камней, он принял множество лекарств, и в полночь пустили ему кровь. На следующий день, в семь часов утра, он просил вести себя в суд, продолжая терпеть ужасные муки. Канцлер, видя его состояние, сказал:

— Сударь, видно, вы не можете держаться на ногах; удалитесь лучше.

Тот ответил:

— Это правда, сударь, но лучше умереть здесь!

Канцлер, видя его почти в обмороке, сказал:

— Сударь, мы вас подождем.

После этого обещания Масно удалился на четверть часа; у него вышли два камня такой значительной величины, что если бы люди еще были достойны чудес, то это могло бы сойти за чудо. Затем Масно, повеселевший и довольный, вернулся в зал заседания. Все с удивлением смотрели на него.

Вот все, что я знаю. Все продолжают интересоваться этим крупным процессом: ни о чем другом не говорят, рассуждают, делают заключения, считают по пальцам, надеются, опасаются, желают, умиляются, ненавидят, удивляются, печалятся и, наконец, отчаиваются. Не правда ли, дорогой друг мой, необыкновенно странное положение, в котором мы находимся теперь? Мужество и смирение нашего несчастного друга поистине божественны; он знает все, что происходит здесь, и можно написать целые тома в его похвалу.

Прошу вас, поблагодарите отца вашего за любезное письмо и хорошие вещи, которые он мне прислал. Увы, я их читала, хотя голова моя не на месте. Передайте ему, что я в восторге оттого, что он любит меня немного, то есть много; я сама люблю его еще больше. Я получила последнее письмо ваше, которым вы отплатили мне больше, чем я заслуживаю. Я, значит, у вас в долгу.

9. Господину де Помпону

Пятница, 19 декабря 1664 года

Вот день, подающий большие надежды. Я должна начать издали: я вам вчера уже сообщала, что Пюссор в среду требовал смертной казни; в четверг Ночес, Сизокур, Фериоль и Херо требовали того же. Роке-сант после восхитительной речи, продолжавшейся целый час, присоединился к мнению д'Ормессона.

Сегодня утром мы были вне всякого опасения, ибо назначены были трое сомнительных, после которых Тоазон, Масно, Вердиер, Лабом и Катин — все в один голос присоединились к мнению д'Ормессона. Очередь была за Понсе. Зная, что оставшиеся голоса почти все против смертной казни, он отказался говорить, хотя было только одиннадцать часов.

Он хотел, видимо, узнать, чего ждут от него, и не желал ронять себя, высказываясь без нужды за смертную казнь.

Вот каково наше положение. Оно, конечно, выгодно, но радость наша неполная, по причине ярости Кольбера, от которого можно ждать какой-нибудь страшной несправедливости, и мы снова будем в отчаянии. Без этого мы имели бы радость видеть нашего друга хотя и очень несчастным, но, по крайней мере, сохранившим жизнь. А жизнь все-таки довольно большая вещь. Увидим, что будет завтра; пока за нас семь, а за них шесть голосов. Вот остальные: Ферон, Мусси, Брильяк, Бернард, Ренар, Вуазен, Поншартрон и канцлер; в том числе большинство за нас.

Суббота

Хвалите и благодарите Бога: наш бедный друг спасен; тринадцать присоединились к мнению д'Ормессона, а девять — к Сент-Элена. Я вне себя от радости.

Воскресенье вечером

Я до смерти боялась, чтобы кто-либо другой до меня не сообщил вам счастливую весть. Мой посланный не торопится; он сказал мне, уезжая, что только к ночи будет в Ливри. Впрочем, как он сообщает, он прибыл первым.

Боже мой, как сладка была эта весть для вас и какое высокое блаженство доставляют моменты, освобождающие сразу ум и сердце от гнетущего горя! Я долго еще не опомнюсь от радости вчерашнего

дня — она слишком велика, я не в состоянии себя сдерживать.

Бедняга несколько минут спустя узнал эту весть по выставленным знакам; не сомневаюсь, что он глубоко ее пережил.

Сегодня утром король через офицера стражи велел г-жам Фуке уехать в Монлюсон в Овернь, маркизу и маркизе де Шаро — в Ансенис, а молодому Фуке — в Жуанвиль, в Шампани. Старушка Фуке просила передать королю, что ей уже семьдесят два года и что она умоляет его величество оставить ей последнего сына, единственную поддержку ее жизни, которая недолго уже продлится. Что касается заключенного, то он еще не знает подробности приговора. Говорят, что завтра его повезут в Пиньероль, так как король ссылку заменил заключением. Жене против всех правил не позволили с ним видеться. Но не надо уменьшать свою радость вследствие этого. Меня все эти меры радуют еще больше, так как доказывают нам, какую великую победу мы одержали. Я вам буду точно передавать продолжение этой истории; она любопытна. Вот все, что происходило сегодня; остальное до завтра.

Понедельник вечером

Сегодня утром повели Фуке в часовню Бастилии. Фуко, с приговором в руках, спросил его:

— Сударь, скажите ваше имя, чтобы я знал, с кем говорю.

Фуке ответил:

— Вы хорошо знаете мое имя. Я ничего не могу сказать больше, чем уже говорил в палате, и, следуя тому же порядку, заявляю, что не удовлетворен приговором, который вы сейчас мне объявите.

Слова его записывали, и одновременно Фуко, надев шляпу, читал приговор, а Фуке слушал, обнажив голову.

Затем удалили от него Пеке и Лавале. Плач и вопли этих бедных людей могли разорвать сердца тех,

у которых они не из железа. Д'Артаньян считал нужным утешать их, так как они, кажется, думали, что господину их прочитали смертный приговор.

Пеке и Лавале обоих поместили в одной комнате в Бастилии. Неизвестно, как поступят с ними.

Когда Фуке отправился в комнату д'Артаньяна, он через окно увидел д'Ормессона, шедшего сюда за бумагами, бывшими у д'Артаньяна; он его увидал и с открытым и радостным лицом поклонился ему в знак благодарности; он даже закричал ему, что он его покорный слуга.

Д'Ормессон ответил ему на поклон самым любезным образом, затем пришел ко мне и с сердечным сокрушением рассказал мне, что он видел.

В одиннадцать часов была приготовлена карета, в которую сел Фуке с четырьмя провожатыми.

Г-н д'Артаньян и пятьдесят мушкетеров были на лошадях. Они будут сопровождать его до Пиньероля, где оставят в тюрьме под надзором некоего Сен-Марса, очень честного человека. В его распоряжении будет пятьдесят солдат стражи. Не знаю, разрешили ли Фуке другого лакея. Если бы вы знали, как жестоко было отнять у него его двух людей — Пеке и Лавале! Это просто непонятно! Другие делают из этого печальные заключения для нашего друга. Да сохранит его Бог, как до сих пор сохранял его! Надо уповать на Бога и предоставить Ему нашего бедного друга. Его защита была ему столь спасительна.

Ему еще все отказывают в свидании с женой; для матери добились позволения ехать в Парк, к ее дочери-аббатисе.

Шталмейстер последует за ней; он говорит, что в другом месте ему не на что существовать. Г-н и г-жа де Шаро едут в Ансенис. Г-н Бальи, обер-прокурор, был изгнан за то, что до решения сказал Жизекуру, что считал необходимым восстановить честь собрания Совета, которое было бы опозорено, если бы Шамилляр, Пюссор и он были бы солидарны. Последнее ме-

ня огорчает за вас. Какая необыкновенная строгость! Tantaene animis coelistibus irae!¹

Однако нет, эта строгость не идет с такой высоты. Такая грубая и низкая месть не может родиться в сердце, подобном сердцу нашего короля.

Как видно, другие пользуются его именем и унижают его. Буду сообщать вам продолжение. Придется много передать вам устно, не обо всем можно писать. Прощайте, дорогой друг мой. Я не так скромна, как вы; я, не скрываясь, говорю, что люблю и уважаю вас очень сильно. Сегодня видела комету; у нее довольно длинный хвост; я приписываю последнему часть моих надежд. Тысячу поклонов вашей дорогой жене.

10. Господину де Помпону

Четверг вечером, январь 1665 года

Наконец мать, невестка и брат Фуке получили позволение ехать и быть вместе; они едут в Монлюсон.

Мать имела позволение жить в Пародаме у дочери, но ее влечет больше к невестке. Г-н и г-жа Шаро уехали в Ансенис. Пеке и Лавале еще в Бастилии.

Есть ли на свете что-либо ужаснее этой несправедливости? Несчастному дали другого лакея. Г-н д'Артаньян его единственное утешение в пути. Говорят, что его тюремщик в Пиньероле человек очень хороший. Дай Бог или, лучше, да сохранит его Бог, так сильно защитивший его, что надо думать, что Он особенно заботится о нашем несчастном друге. Лафоре, бывший конюший, подошел к нему в ту минуту, когда он уезжал. Фуке сказал ему: «Я рад видеть вас, знаю вашу верность и преданность мне. Скажите нашим дамам, чтобы не унывали, что я бодр и здоров». Как это прекрасно! Прощайте, мой дорогой, будемте бод-

¹ Что за гнев для божественных душ! (лат.)

ры, как он, станем приучать себя к радостям, подобным чудесному приговору субботы.

Г-жа де Гриньян скончалась.

Пятница вечером

По вашим благодарностям можно думать, что вы даете мне отставку, но я ее не принимаю, а предпочитаю писать вам всегда, когда захочу. Как только получу стихи из Пон-Неф и другие, я непременно их вам pošлю. Наш дорогой друг еще в пути. Распространился слух, что он очень болен; все говорят или как уже говорили, что г-н д'Артаньян сделал запрос, что ему делать с больным узником, и получил грубый ответ — везти его дальше, в каком бы он положении ни был. Все это неправда, но из этого видно, что люди думают, как опасно полагаться на слова, которые каждый перетолковывает по своему желанию.

Пеке и Лавале все еще в Бастилии. Поистине это поведение превосходно! Заседание возобновится после Крещения.

Я думаю, что бедные ссыльные уже достигли своей норы. Когда наш друг будет на месте, я вам сообщу. Его доставят в Пиньероль; дай Бог, чтобы удалось оттуда перевести его в место наиболее нам желательное. Как долго еще продолжится ваше изгнание, дорогой друг? Я часто об этом думаю. Кланяйтесь вашему отцу. Мне передали, что ваша супруга здесь. Я пойду к ней. Вчера я ужинала с одной нашей приятельницей; мы много говорили о поездке к вам.

Вторник

Вот что может на короткое время развлечь вас. Вы, наверное, найдете что-нибудь приятное и красивое в том, что я вам посылаю. Считаю добрым делом занять вас чем-нибудь в вашем одиночестве.

Если моя дружба к вам обоим — к отцу и сыну — могла бы служить вам средством против скуки, то вас не пришлось бы жалеть. Я сейчас вернулась из места,

где возобновила мою дружбу к вам, беседуя о вас с пятью или шестью лицами, считающими себя, как и я, в числе ваших приятелей и приятельниц. Это — в отеле Невер, одним словом. Там была ваша супруга; она вам передаст, каких превосходных маленьких актеров мы там видели. Я думаю, наш друг уже достиг места назначения; достоверных сведений об этом не имею. Одно известно, что г-н д'Артаньян, продолжая быть обязательным, дал ему меховые вещи, необходимые в горах. Я узнала также, что г-н д'Артаньян получил письмо от короля и ободрял нашего друга, говоря: «Не надо унывать, все идет к лучшему». Ожидают смягчения участи; я тоже надеюсь на это. Надежда оказалась мне слишком много услуг, чтобы я покинула ее. Я не могу взглянуть на нашего учителя в балете, чтобы не вспомнить двустипшие Тассо:

Goffredo ascolta, es in rigida sembianza
Porge pui di timor che di speranza!¹

Несмотря на это, я совсем не прихожу в отчаяние; нужно следовать примеру нашего бедного узника: он весел и спокоен. Я буду несказанно рада видеть вас здесь. Надеюсь, вашей ссылке скоро конец.

11. Графу де Бюсси

Париж. 20 мая 1667 года

Письмо ваше из Бретани получила. Вы, дорогой кузен, описываете в нем наших Рабютенов и красоту Бурбильи. Я хотела немедленно ответить вам, но мне сказали, что вас ждут здесь. Это заставило меня откладывать ответ до сегодняшнего дня, когда узнала, что вы сюда вовсе не приедете. Здесь все только и говорят о войне. Весь двор в войске, и вся армия при дворе. Париж — пустыня. Как пустыню я предпочитаю

¹ Все смущает Готфрида: суровый взгляд
Скорей болезнь внушает, чем надежду! (*ит.*)

таю лес в Ливри, где я проведу лето в ожидании возвращения воинов наших, покрытых лаврами.

En attendant que nos guerriers
Reviennent couverts de lauriers¹.

Вот два стиха. Не помню, знала ли я их уже или сейчас сама сочинила. Это не так важно, и я продолжаю прозой. Я почувствовала, что мое сердце на вашей стороне, с тех пор как видела столько людей, которые спешили браться за дело, с такой честью исполняемое вами в то время, когда вы были к нему призваны. Очень грустно для мужественного человека сидеть дома, когда во Фландрии столько шуму!

Я не сомневаюсь, что вы глубоко чувствуете все это, как подобает человеку с вашим умом и достоинством. Поэтому неблагоприятно с моей стороны затрагивать вновь это чувствительное место. Я надеюсь, вы меня простите. Я слишком близко принимаю это к сердцу.

Говорят, вы писали королю; пришлите мне копию письма и сообщите о вашей жизни, что вас может развлекать и занимает ли вас устройство вашего дома. Я провела зиму в Бретани, где посадила много маленьких деревьев и устроила лабиринт, из которого без нити Ариадны не выберешься. Я купила еще несколько участков земли и сказала им по обычаю: «Будьте парком». Таким образом, не истратив многого, я расширила район моих прогулок. Моя дочь кланяется вам много раз; я столько же кланяюсь вашей семье.

12. Графу де Бюсси

Париж. 20 июля 1668 года

Я начинаю с того, что отвечу в двух словах на ваше письмо, а затем нашему процессу конец.

¹ В ожидании воителей наших,
Что в лавровых уборах вернутся (фр.).

Вы, г-н граф, очень мягко нападаете на меня и хитро упрекаете меня в равнодушии к несчастным, но что я вместе с тем буду рада вашему возвращению, — словом, что я умею жить с волками и принадлежу к слишком хорошему обществу, чтобы заступаться за отсутствующих, когда их порицают.

Я вижу, мой кузен, что вы мало осведомлены о делах нашей страны. Узнайте же от меня, что здесь не принято обвинять меня в слабости к моим друзьям. У меня много других слабостей, как говорит г-жа де Буйон, но в этой не грешна. Такая мысль только в вашей голове. Здесь я не раз имела случай показать свое великодушие к несчастным, которые во многих домах воздали мне за это должное. Я бы могла их назвать, если бы хотела. Итак, не признаю ваш упрек заслуженным, и вы должны вычеркнуть его из списка моих недостатков.

Теперь поговорим о вас. Мы близкие родные и одной крови, мы нравимся друг другу, мы даже любим друг друга, мы интересуемся нашими состояниями. Вы просите одолжить вам денег в счет тысячи экю, причитающихся вам в наследство от г-на Шалона.

Вы говорите, что я вам отказала, а я утверждаю, что я вам их одолжила. Вы хорошо знаете — и наш друг Корбинелли тому свидетель, — что я сначала всем сердцем хотела исполнить ваше желание, но, когда хотели оформить сделку, чтобы получить согласие Нейшеза на передачу мне ваших прав на получение денег, вы вышли из терпения; и хотя я была, к несчастью, довольно несовершенной и телом и духом, чтобы служить оригиналом для удачного портрета, вы, однако, срисовали меня в таком виде, что, несомненно, предпочли нашей старинной дружбе, нашему имени и самой справедливости удовольствие быть кое-кем хвалимым за свою работу. Вы знаете, что одна ваша приятельница просила вас его сжечь. Она думала, что вы исполнили ее просьбу, и я тоже была уверена. И несколько времени спустя, узнав, что вы творили чудеса по поводу Фуке и меня, я, вернувшись из Бретани, помирилась

с вами. Помирилась, и как искренне! Вы знаете также про наше путешествие в Бургундию. Как неподдельно вернула я вам свою дружбу! Ваше общество стало для меня опять необходимым. Тогда были люди, говорившие мне: «Мы видели ваш портрет в руках у г-жи де ла Бом, мы его видели!» Я отвечала на эти разговоры только улыбкой. Через неделю я слышу опять: «Я видел ваш портрет!» Я снова улыбаюсь. Я шутя говорила об этом Корбинелли. Он тоже только улыбался. Итак, в течение пяти или шести месяцев я казалась жалкой тем, которые сами мне казались смешны.

Наконец настал несчастный день, когда я увидела собственными своими пестрыми глазами то, чему верить не хотела до сих пор. Если бы у меня выросли рога, я бы менее удивилась. Я читала и перечитывала этот жестокий портрет. Я готова была бы найти его превосходным, если бы он был не мой и не вашей кисти. Я его нашла в такой хорошей оправе и так на своем месте в книге, что не могла сомневаться в том, что писали его вы. Я его узнала больше понаслышке, чем по вашему описанию моих чувств, которых я совершенно не признаю за собой. Наконец я видела его в Пале-Рояле, где, как я вам говорила, продается эта книга. Вы хотели меня уверить, что, должно быть, кто-нибудь написал в ней мой портрет на память. Я вам совсем не поверила. Я вспомнила тогда советы, которые мне давали и над которыми я смеялась. Место для портрета было так удачно выбрано в книге, что, видно, любовь в своем детищу помешала вам испортить форму вашего произведения, удаливши из него портрет. Я видела, что вы смеетесь надо мной и г-жой Монгла и что я была вами обманута и вы злоупотребили моей простотой. Вы могли считать меня очень наивной, видя, что я вновь люблю вас, когда вы мне изменяете. Остальное вам известно.

Быть в руках у всякого, быть пропечатанной, служить забавой во всех провинциях, где подобные вещи непоправимы, лежать на полках библиотек — перене-

сти такую обиду, и от кого? Я не хочу дальше распространяться. Вы довольно умны, и стоит вам подумать не более четверти часа, чтобы увидеть и почувствовать то же самое, что я.

Несмотря на все это, что я делаю во время вашего ареста? С сокрушением души я вам посылаю поклоны, жалею о вашем несчастье, даже говорю об этом в свете, высказываю так свободно свое мнение о поступке г-жи де ла Бом, что могу с ней поссориться. Вы выходите из тюрьмы, я неоднократно навещаю вас, прощаюсь с вами, уезжая в Бретань и пишу вам с тех пор, как вы у себя дома. Пишу вам от души, не памятуя зла. Наконец пишу, получив от г-жи д'Эпоас извещение, что вы разбили голову.

Вот все, что я хотела вам высказать раз в моей жизни. Заклинаю вас выкинуть раз и навсегда из головы, что я виновата перед вами. Сохраните мое письмо и перечитайте его, если вам когда-нибудь вздумается мне поверить; забудьте, что речь идет обо мне с вами, а отнеситесь к нам обоим как к посторонним лицам. Ваше пристрастие не покажет вам в письме того, чего в нем нет. Вам стоит признаться, что вы нанесли жестокий удар нашей дружбе, и я сдаюсь. Однако не надейтесь, что я перестану писать вам. Вместо обещанных двух слов я пишу две тысячи и наконец сделаю своими жестоко-длинными и смертельно скучными письмами, что вы помимо воли попросите у меня прощения; не только прощения, но и спасения. Не лучше ли вам сделать это добровольно?

Я почувствовала здесь, что у вас пустили кровь. Не случилось ли это 17-го этого месяца? Да, верно: это мне принесло пользу и я вас благодарю за это. Мне так трудно бывает пустить себе кровь, что это благодеяние с вашей стороны — подставить вашу руку вместо моей.

Для известного вам ходатайства пришлите мне вашего поверенного в делах с прощением, которое я через подругу передам г-ну Диде; я его лично не знаю и пойду вместе с подругой. Вы можете быть уверены,

что я всегда готова сделать охотно и легко все, чтобы оказать вам услугу. Я не говорю вам про интерес, который я всегда питала к вашей королеве. Вы скажете, что причина этому Rabutinage. Но это неверно, нет; вы, и только вы причиняете мне печаль, когда я вижу трех вновь назначенных маршалов Франции. Г-жа де Виллар мне все рассказывает, какие бы визиты мне отдали, если бы вы только захотели.

Благодарю вас за копии писем ваших королю; они меня приводят в умиление, и я думаю, что они произведут такое же впечатление на нашего господина. Он, впрочем, не зовется Рабютен, в отличие от меня.

Самая красивая девушка Франции кланяется вам. Этот эпитет доставляет мне удовольствие, но, признаться, я устала отдавать ему должное.

13. Графу де Бюсси

Париж. 4 декабря 1668 года

Получили ли вы письмо мое, в котором я дарюю вам жизнь? Я ждала достойного ответа за такое благодеяние, но вы и не подумали мне отвечать. Вы встали и взялись опять за оружие. Я надеюсь, что вы им не воспользуетесь против меня.

Я должна сообщить вам новость, которая обрадует вас. Самая красивая девушка Франции выходит замуж не за самого красивого, но за одного из самых честных людей в государстве — это г-н де Гриньян, которого вы давно знаете. Все его жены умерли, чтобы уступить место вашей кузине. Его отец и его сын по доброте сердечной сделали то же самое.

Он стал богаче, чем когда-либо. По рождению и положению своему и по характеру он для нас вполне подходящая партия. Мы не торговались, как обыкновенно это делают; мы вполне положились на мнения двух семейств, которые предшествовали нам. Он, кажется, очень рад породниться с нами, и как только мы полу-

чим согласие от его дяди, архиепископа Арля, то это дело будет решенным, конечно до Нового года. Его другой дядя, епископ Юзеса, здесь. Я люблю порядок и считаю своим долгом испросить вашего мнения и согласия. Общество, кажется, довольно, а это уже много: мы обыкновенно так глупы, что этим только и руководствуемся.

У меня еще к вам просьба; вы ее исполните, если хоть немного любите меня. Я знаю, что вы поместили внизу моего портрета, что я была замужем за бретонским дворянином, удостоенным чести родства с де Вассе и де Рабютенами. Это неверно, мой дорогой кузен. Я недавно узнала все касающееся дома де Севинье. Мне было бы совестно оставлять вас в этом заблуждении.

У нас было четырнадцать дворянских браков от отца к сыну, триста пятьдесят лет рыцарства; некоторые из предков известны в войнах Бретани и занимают даже место в истории. Иногда они удалялись к себе и жили в больших или малых поместьях. У них всегда были хорошие связи, и в их семьях встречаются имена де Кельнек, Монморанси, Баратон и Шатожирон. Их имена велики, их женщины были женами де Роганов и де Клиссонов. Начиная с этих четырех, идут де Гесклены, де Коакены, де Розмадеки, де Клиндоны, де Севинье, три из их семьи де Беллэ, де Рийе, де Бодегаль, Дю Плесси-Ирейль и другие, которых я не припомню теперь, до Вассе и Рабютена включительно. Все это справедливо — можете мне поверить... Прошу вас, сделайте мне одолжение, перемените надпись, и если вы не хотите возвеличить меня, то, по крайней мере, не унижайте. Остаюсь в ожидании доказательства вашей справедливости и остатка дружбы ко мне.

14. Графу де Гриньяну

Париж. Среда, 25 июня 1670 года

Вы мне послали самое любезное письмо в свете; я бы раньше ответила на него, если бы не знала, что

вы разъезжаете по вашему Провансу. Впрочем, я хотела послать вам духовные песнопения, которые вы у меня просили. Я их не имею еще, пока скажу вам, что продолжаю очень нежно любить вас. По вашим же словам, вы самый довольный человек на свете. Я уверена, вы будете еще довольнее моей дочерью, когда дольше поживете с нею. Не думаю, чтобы можно было любить больше, чем она вас любит. Что касается меня, то надеюсь вернуть ее вам живой и невредимой с маленьким ребенком в придачу или я сожгу все мои книги. Правда, я неопытна, но я умею спрашивать и слушаться советов, и моя дочь, со своей стороны, помогает своему выздоровлению.

У меня тысяча поклонов к вам от г-на де Ларошфуко и его сына; я передала им ваши поклоны. Г-жа Лафайет много раз благодарит вас за память, также моя тетка и мой аббат, который любит вашу жену от всего сердца, — это немало; если бы она не была так благоразумна, он бы откровенно ненавидел ее.

Если вам представится случай оказать услугу дворянину, земляку по имени... прошу вас, сделайте это; вы не можете дать мне более приятного доказательства вашей дружбы ко мне. Вы обещали мне место духовного лица для его брата; вы знаете всю его семью. Этот молодой человек был привязан к Фуке: он был уличен в доставке письма г-же Фуке от ее мужа и был приговорен к пяти годам каторги. Это из ряда вон выходящая вещь: вам нужно знать, что он один из честнейших людей на свете и так же создан для каторги, как для хватания луны зубами.

15. Графу де Гриньяну

Париж. Среда, 6 августа 1670 года

Я дала вам поистине самую красивую жену в мире. Может ли женщина быть честнее и более акку-

ратной, любить более нежно, иметь более христианские чувства, желать страстнее находиться постоянно с вами, быть более привязанной к своим обязанностям? Это смешно, что я так расхваливаю свою дочь, но я восхищаюсь ею, как другие. А я ведь вижу ее ближе, чем другие. Сказать вам правду? Как бы ни было высоко мое мнение о ней в главных вещах, я не думала, что она решительно во всем будет так хороша. Смею вас уверить, что и свет к ней справедлив и отдает ей должное. Однако вот моя всегдашняя тема, за которую меня когда-нибудь забросят камнями, так как люди в общем не отличаются ни безумием, ни несправедливостью. Г-жа де Гриньян должна быть чересчур довольна светом в настоящую минуту, чтобы оспаривать эту мысль. Она страшно беспокоилась за ваше здоровье. Я радуюсь, что вы поправились; радуюсь из любви к вам и к ней. Если вы ожидаете еще припадка вашей болезни печени, то очень прошу вас — воздержитесь от него до родов моей дочери. Она все жалуется, что ее удержали здесь, и просится к вам. Можно подумать, что мы ради удовольствия разлучили ее с вами. Успокойте ее, пожалуйста, напишите ей, что вы считаете для нее более благоприятным рожать здесь. Вы знаете, как было трудно увезти ее. По-моему, нет ничего лучшего для ее здоровья и даже для ее имени, как находиться здесь под наблюдением самых опытных людей. Все о ней такого хорошего мнения, что если б она захотела стать ветреной и кокеткой, то, наверное, прошел бы год, прежде чем этому кто-либо поверил. Все Гриньяны, находящиеся здесь, могут засвидетельствовать это. Удовольствие, которое я имею от дочери, во многом касается и вас, потому что я люблю вас всем моим сердцем. Я не пишу вам ничего о самой моей дочери — это называлось бы захватывать ее права. Уверяю только вас, что я сумею самым лучшим образом позаботиться о том, что вас должно беспокоить.

16. Господину де Куланжу

Париж. Понедельник, 15 декабря 1670 года

Я должна сообщить вам одну удивительную новость. Это поистине замечательно, чудесно, поразительно. Я никогда не слыхала ничего более необычайного, невероятного и неожиданного: в ней всякие противоречия. Эта новость и мала, и велика, и редка, и проста; она скрыта от всех и вместе с тем все ее знают, все ей завидуют. Ей не было примера в истории прошлых веков; впрочем, был только один пример, и то не совсем подходящий. И как примут эту новость в Лионе, когда мы тут, в Париже, ей не можем верить? Она заставляет всех жаловаться и радует только г-жу де Роган и г-жу д'Отрив. Дело, о котором я говорю, состоится в воскресенье, и те, кто увидит его, не будут верить своим глазам. Оно произойдет в воскресенье, потому что в понедельник может уже не произойти. Я не могу решиться рассказать вам сразу эту новость. Попробуйте угадать сами. Но нет, вы никогда не угадаете; я могу побиться об заклад. Итак, дело вот в чем: г-н де Лозен в воскресенье в Лувре женится. Как бы вы думали, на ком? Я обратилась с этим вопросом к г-же де Куланж, она ответила мне: «Это довольно трудно угадать. На г-же де Лавальер?» — «Нет!» — «На мадемуазель де Рец?» — «Еще менее!» — «На мадемуазель Кольбер?» — «Совсем нет!» — «Тогда на мадемуазель де Креки?» — «Вы не угадали». Однако надо уже вам когда-нибудь сказать. Лозен женится на мадемуазель... мадемуазель де... но неужели вы не угадываете? Ну, словом, на мадемуазель... просто Мадемуазель, великой Мадемуазель, дочери покойного Монсеньора, внучке Генриха IV, мадемуазель д'Э, де Домб, де Монпансье, д'Орлеан, двоюродной сестре короля, Мадемуазель, предназначенной для трона, единственной невесте во Франции, достойной Мсье. Вот хорошая тема для речи. Если вы вне себя от изумления и не хотите мне верить, если

вы скажете, что над вами смеются, что все это только выдумка, если вы начнете говорить нам дерзости, то мы должны признать, что вы правы. Мы делали то же самое, когда нам сообщили это. Прощайте. Письма, отправленные с этой почтой, покажут вам, говорю я правду или нет.

17. Господину де Куланжу

Париж. Пятница, 19 декабря 1670 года

Вот что называется упасть с облаков... То было вчера в Тюильри. Но надо начать сначала. Мы были в великой радости, в восторге от счастья принцессы и ее возлюбленного. В понедельник все было объявлено, как я вам писала. Вторник прошел в разговорах. Все удивлялись, поздравляли друг друга. В среду Мадемуазель подписала дарственную г-ну де Лозену с целью передать ему титулы, звания и так далее, чтобы поименовать его в брачном договоре. Она дала ему в ожидании лучшего четыре герцогства: первое д'Э — самое лучшее пэрство во Франции, затем герцогство Монпансье — вчера Лозена весь день называли герцогом де Монпансье, — герцогство Сен-Фаржо и, наконец, герцогство де Шатейро. Все это вместе оценено в двадцать два миллиона. После этого был составлен контракт, в котором де Лозен был назван герцогом де Монпансье. В четверг утром, то есть вчера, Мадемуазель думала, что король подпишет договор, как он обещал. Но в семь часов вечера королева, Монсеньор и несколько баронов уговорили короля, что этот брак нарушает его достоинство. Тогда, пригласив Мадемуазель и г-на де Лозена, его величество объявил в присутствии г-на принца, что он запрещает им даже думать об этом браке. Г-н де Лозен выслушал это приказание весьма почтительно. Он обнаружил твердость и спокойствие, хотя в душе его царило отчаяние от такой крупной неудачи. Что касается Мадемуазель, то

она, по своему обыкновению, разразилась слезами, криками и громкими жалобами. Целый день она лежит в постели и ест только бульон. Все это напоминает сон; все это прекрасная тема для романа или трагедии. Тут есть над чем подумать и о чем поговорить. Мы днем и ночью только этим и заняты. Я надеюсь, и вы будете подражать нам.

18. Господину де Куланжу

Париж. Среда, 24 декабря 1670 года

Вы знаете теперь романическую историю Мадемуазель и г-на де Лозена. Это — тема для настоящей театральной трагедии по всем правилам искусства. Мы на днях даже распределили действия и явления. Вместо двадцати четырех часов мы берем четыре дня, и пьеса готова. Никогда еще не было бóльших перемен в такое короткое время, никогда еще волнение не было столь всеобщим. Г-н де Лозен сыграл свою роль превосходно. Он перенес свое несчастье с твердостью и мужеством. Вместе с тем в своем горе он обнаружил такое глубокое почтение к королю, что вызвал сам удивление всего света. То, что он потерял, не имеет цены, но расположение короля, которое он сумел сохранить, тоже неоценимо, и его судьба не заслуживает вовсе сожаления. Мадемуазель тоже хорошо сделала: она выплакала свои слезы и сегодня уже вновь приступила к своим обязанностям в Лувре. Все придворные пришли к ней. Теперь все кончено. Прощайте!

19. Господину де Куланжу

Париж. Среда, 31 декабря 1670 года

Я получила ваш ответ на мои письма. Я понимаю вполне удивление ваше по поводу всего, что произошло с 15 по 20-е число этого месяца. Я удивляюсь также вашему уму. Как вы хорошо все предвидели —

что большая машина будет стоять с понедельника до воскресенья. Я не хвалю вас из скромности, потому что я была того же мнения. В понедельник я сказала своей дочери:

— Эта история добром не кончится до воскресенья.

Я готова была даже побиться об заклад, что ничего из этой свадьбы не выйдет, хотя все готовились к ней. И действительно, в четверг погода испортилась и гроза разразилась к десяти часам вечера, как я вам писала. В девять часов утра в тот же день я была у Мадемуазель. Я знала, что она должна выйти замуж в деревне и что коадьютор Реймский будет совершать церемонию. Все это было условлено в среду. Для Лувра перемена была известна уже в четверг. Мадемуазель писала. Когда я вошла, она закончила письмо и пригласила меня стать на колени в проходе около ее постели. Она сказала мне, кому она пишет письмо, с какой целью, какие подарки сделала накануне. В Европе, по ее словам, не было подходящей для нее партии, а она хотела выйти замуж. Она передала мне слово в слово разговор с королем. Она казалась вне себя от радости оттого, что может сделать человека счастливым. Достоинство и благодарность г-на де Лозена ее трогали. На все это я ответила:

— Боже мой, Мадемуазель, вы очень довольны, но почему же вы не покончили все это дело в понедельник? Вы ведь знаете, что такая отсрочка заставляет говорить все королевство и в таком необычайном деле это называется испытывать Бога и короля.

Она сказала мне, что я права, но она была так преисполнена розовых надежд, что мои слова произвели на нее очень небольшое впечатление. Она снова стала распространяться о достоинствах дома Лозенов. Я продекламировала ей стихи из «Полиевкта»:

Я не могу бранить ее за нехороший выбор:
У Полиевкта есть имя — он происходит от царей.

Она крепко меня поцеловала. Этот разговор длился час. Мне невозможно припомнить всего, что было сказано. Я, конечно, старалась быть приятной; я могу сказать без тщеславия — мне вполне это удалось, потому что ей приятно было разговаривать с кем-либо. Сердце ее было переполнено. В десять часов она отдала себя в распоряжение остальной Франции, которая пришла поздравлять ее. Все утро она ждала новостей — и не получила никаких. После обеда она забавлялась устройством комнат для г-на Монпансье. Вечером же случилось то, что вы знаете. На следующий день, то есть в пятницу, я снова пошла к ней. Я застала ее уже в постели. Завидев меня, она меня позвала, обняла и разразилась рыданиями. Она мне сказала:

— Увы, помните ли вы, что вы говорили мне вчера? Ах, что за жестокость!

Я стала плакать вместе с нею. После этого я приходила к ней еще два раза. Она все удручена и относится ко мне как к человеку, сочувствующему ее горю. Она не обманулась во мне: я действительно питаю к ней чувство, которое редко имеют люди к особам ее ранга. Но это останется между нами; вы понимаете, что такой разговор с другими был бы смешон. Прощайте.

20. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 6 февраля 1671 года

Мое страдание было бы ничтожно, если бы я могла его описать, но я не стану и пробовать. Я всюду ищу свою дорогую дочь и не могу ее найти. Всякий шаг, что она делает, удаляет меня от нее. Я отправилась в Сент-Мари, не переставая плакать. Мне казалось, у меня вырывали сердце. В самом деле, что за жестокая разлука! Я желала остаться наедине с собой. Меня провели в комнату г-жи Гусе и зажгли огонь. Агнесса смотрела на меня, не произнося ни слова. Та-

ков был наш уговор. Я просидела там до пяти часов и все плакала. Все мои мысли были о смерти. Я написала г-ну Гриньяну письмо, и вы можете себе представить, в каком тоне.

Я пошла к г-же Лафайет. Ее сочувствие моему горю еще усилило его. Она была одна и тоже больна и удручена смертью одной монахини. Пришел туда г-н де Ларошфуко. Говорили о вас; я была этим тронута... Я возвратилась домой в восемь часов от г-жи Лафайет; но, поднимаясь здесь на ступени, можете себе представить, что я испытала. Я входила в ту же комнату, но, увы, двери ее были раскрыты настежь, мебель сдвинута с места, всюду царил беспорядок, и ваша малютка напоминала мне вас. Подумайте только, что я выстрадала. Пробуждения мои ночью были мрачны, и, вставая утром, я чувствовала, что душа моя нисколько не успокаивается. Время после обеда я провела с г-жой де Латрош в арсенале. Вечером я получила ваше письмо, от которого вздохнула свободнее, и сегодня я окончу свое у г-на де Куланжа, где узнаю все новости. Все мое письмо было бы полно поклонами к вам, если бы я захотела.

21. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 9 февраля 1671 года

Я получила ваши письма в то время, как вы — мое кольцо. Я заливаюсь слезами, читая их; мне кажется, что мое сердце разрывается на части. Можно подумать, что вы меня обижаете, или больны, или случилось с вами какое несчастье, между тем совсем наоборот — вы меня любите, мое дорогое дитя, и вы выражаете свою любовь такими словами, что я не могу удержаться от слез. Вы продолжаете ваше путешествие без всяких происшествий, и мне приятно это узнать. Вы думаете обо мне, вы говорите об этом, и вы предпочитаете выразить на бумаге ваши чувства; каким бы об-

разом они ни дошли до меня, я принимаю их с чувством, понятным только для тех, кто умеет любить. Вы вызываете к себе ту нежность, какую только способно чувствовать сердце; но если вы думаете обо мне, то будьте уверены, что я беспрестанно думаю о вас, — это то, что благочестивые люди называют отдаться одному чувству, это то чувство, которое мы должны питать к Богу, если желаем исполнять свой долг. Ничто меня не развлекает, я всюду вижу повозку, которая катится вперед и удаляется от меня; я словно сама еду по большой дороге, я сама все боюсь, чтобы повозка не опрокинулась. Постоянные дожди за эти три дня меня приводят в отчаяние. Рона меня пугает. У меня перед глазами географическая карта; я знаю каждую остановку, где вы проводите ночь. Сегодня вы в Невере. В воскресенье приедете в Лион, где и получите мое письмо. Я могла переслать вам письмо только в Мулене через г-жу Генего. Я получила только два из ваших писем, третье, быть может, еще придет; только это меня и утешает, других утешений я не ищу. Я совсем не могу выносить многолюдного общества, пожалуй, это придет со временем, но теперь об этом не может быть и речи. Герцогиня де Вернейль и д'Арпажон хотят меня развеселить; я их поблагодарила за это — я нигде не видала таких прекрасных душ, как здесь. В субботу весь день я провела у г-жи де Виллар. Я говорила о вас и плакала. Она меня вполне понимает. Вчера я выслушала проповедь Ажанского епископа и ходила к вечерне у г-жи де Писье и у г-жи Пюи дю Фу, которые шлют вам тысячу поклонов. Если бы у вас была шубка, она бы перестала беспокоиться. Сегодня я иду ужинать в предместье вдвоем. Вот моя Масленица. Каждый день я заказываю обедню для вас. Не смейтесь над моим благочестием. Адемара я видела только одно мгновение. Я пишу ему, чтобы поблагодарить его за кровать; я ему более обязана, чем вы. Если вы хотите только доставить мне настоящее удовольствие, заботьтесь о вашем здоровье, спите в этой хорошенькой кро-

вати, ешьте суп и вооружитесь мужеством, которого недостает мне. Число друзей, оставленных вами здесь, еще увеличилось. Я должна передавать вам поклоны без конца. Все беспокоятся о вашем здоровье.

Мадемуазель д'Аркур третьего дня вышла замуж. Семья устроила большой постный ужин. Вчера были большой бал и ужин для короля и королевы и всех дам; то был прекрасный праздник.

Г-жа Гедикур уехала с непостижимым отчаянием: она потеряла всех своих подруг и убеждена во всех изменах света. Сообщите мне, когда вы получите мои письма.

Прежде чем отправиться в предместье, я складываю вещи и посылаю их на имя г-на интенданта в г. Лионе. Ваши письма меня чаруют. Я, впрочем, их заслужила моей преданностью и любовью к вам.

Г-жа де Фонтевро была посвящена вчера. Господа прелаты были немного обижены за то, что им дали только табуреты.

Вот что я узнала о вчерашнем празднике. Все дворы особняка Гизов были освещены двумя тысячами фонарей. Сначала королева вошла в апартаменты мадемуазель де Гиз. Там было очень светло и нарядно. Дамы встали на колени вокруг королевы, и затем все ужинали без различия мест; за столом было сорок дам. Пришел король и, оглядев всех очень серьезно, не сел за стол. Все поднялись наверх, где начался бал. Король повел королеву и удостоил общество протанцевать три или четыре куранты, затем удалился в Лувр со своей обыкновенной свитой. Мадемуазель не пожелала прийти на бал в отель Гизов. Вот все, что я знаю.

Я хочу видеть крестьянина Сюлли, который принес мне вчера ваше письмо... Он, счастливец, видел вас.

Ах, бедная дочь моя! Заботятся ли о вас как следует? Нельзя вам верить, когда вы говорите о своем здоровье. Прощайте, дорогое мое дитя, единственная страсть моего сердца, радость и горе моей жизни. Любите меня постоянно. Ваша любовь одна только может меня утешить.

22. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 11 февраля 1671 года

Я получила всего три письма от вас; они трогают мое сердце. Одно письмо не дошло до меня. Я люблю все ваши письма и не хочу терять то, что исходит от вас... Но мне кажется, что нельзя требовать ничего лучшего, чем те письма, что я получила. Во-первых, они очень хорошо написаны, во-вторых, они так искренни и нежны, что им нельзя не верить. Самая недоверчивая подозрительность должна быть ими успокоена. На них лежит тот отпечаток правды, который говорит сам за себя. Ложь, несмотря на многословие, не убеждает никого. Ваши чувства правдивы и кажутся такими, и слова вам прекрасно служат. Они благородны в своей простоте, и их силе нельзя противиться... Вот какими показались мне ваши письма, дочь моя. Потому они производят на меня сильное впечатление, и, читая их, я не могу удержаться от слез. Если мои слова так же сильны, как ваши, мне более нечего прибавить. Я уверена, что искренность моей любви произведет на вас должное впечатление. Но я не хочу, чтобы вы думали, что я скрываю вас, как ширмы. Тем хуже, если я вас скрывала. Надо, чтобы вы были совсем на виду, тогда можно будет оценить вполне все ваши совершенства. Но я уже тысячу раз вам это говорила. Что касается меня, то мне кажется, что я лишилась всего, словно была совсем голая. У меня отнято все, что делало меня приятной. Я не решаюсь выезжать в свет, и, как бы меня ни звали, я все эти дни провожу в полнейшем одиночестве; я не могу пересилить себя. Не многие поймут меня. Я искала этих немногих и избегала большинства. Я видела Гито с женой. Они любят вас. Пришлите им поклон. Вчера утром были у меня двое или трое Гриньянов. Я не знала, как благодарить Адемара за то, что он дал вам свою кровать. Нам кажется, что вы сегодня в Мулене. Вы получите там одно из моих

писем. Я не писала вам в Бриар. Писать надо было в среду. Это было для меня тяжело, потому что среда — день вашего отъезда. Я была так опечалена и удручена, что не смогла написать вам. Мое третье и второе письмо отправлены в Лион. Напишите мне, получили ли их. Когда живешь очень далеко друг от друга, тогда перестаешь смеяться над письмами, которые начинаются словами: «Я получил ваше письмо и т. д.». Мысль, что вы постоянно удаляетесь от меня, что ваша повозка все катится вперед, причиняет мне более всего страдания. Вы все едете и, как вы говорите, вскоре будете на расстоянии двухсот лье от меня. Я тронута вашим примирением с помощником епископа. Вы знаете, насколько я считала это всегда необходимым для вашего счастья. Старайтесь сохранить это сокровище. Вы ведь сами очарованы его добротой; покажите ему, что вы полны благодарности. Я сейчас закончу мое письмо. Быть может, в Лионе вы так будете заняты почестями, которые вам окажут, что вам некогда будет читать все это. Улучите по крайней мере минуту и сообщите мне о вашем здоровье, как выглядит ваше милое лицо. Плывете ли вы уже по этой дьявольской Роне? Мне кажется, в Лионе вы встретите г-на де Марселя.

Среда вечером

Я только что получила ваше письмо из Ножана, его передал мне один почтенный человек, которого я расспросила как могла. Но ваше письмо лучше всего, что можно сказать. Справедливость требует, чтобы вы первая заставили меня смеяться, после того как вы были причиной моих слез. То, что вы пишете мне про г-на Буске, очень оригинально — это называется удачный риторический прием. Я очень смеялась, признаюсь вам. Увы, я встретила на улице этого г-на Буске, который вел ваших лошадей. Вся в слезах, я спросила, как его имя. Он сказал мне. Тогда я обратилась к нему со словами: «Г-н Буске, поручаю вам мою

дочь. Везите ее осторожно, а когда благополучно доставите ее в Лион, то приходите известить меня о ее здоровье, и я вам дам на чай». Я, конечно, ему дам. Ваши отзывы о нем еще увеличивают мое уважение к этому человеку... Однако я чувствую, что вам не по себе, вы не спали. Шоколад вас подкрепит, но у вас нет посуды, чтобы варить его, нет шоколадницы. Я много раз об этом думала. Что же вы будете делать? Увы, дитя мое, вы не ошиблись, сказав, что я больше занята вами, чем вы мною; хотя мне всегда кажется, что вы слишком заботитесь обо мне. Если бы вы могли видеть меня, вы бы знали, что я говорю только с теми, кто хвалит вас. Я посетила даже аббата Гетона с целью поговорить о дорогах вообще и о вашем пути в Лион в частности. Из наших друзей я не видела еще никого. Между нами говоря, они хотят помешать мне думать о вас, а это меня обижает. Прощайте, дорогая моя, продолжайте писать и любить меня. Я вся ваша. За ребенком я ухаживаю очень усердно. От г-на де Гриньяна я не получаю известий, но сама не перестаю ему писать.

23. Госпоже де Гриньян

Пятница, 13 февраля 1671 года, у г-на де Куланжа

Г-н де Куланж советует мне писать вам в Лион. Заклинаю вас, дорогое дитя мое, остановитесь в Пон-Сент-Эспри, если отправитесь по воде. Пожалейте меня. Берегите себя, если хотите, чтобы я жила. Вы так хорошо уверили меня в своей любви ко мне, что, мне кажется, вы не должны рисковать собою. Напишите, как поедет ваша лодка. О, как дорогá мне эта маленькая лодка, уносимая жестокой Роной. Я рассказывала вам о бале, бывшем в воскресенье на Масленицу, но меня там не было, потому что я не в состоянии никого видеть. Провела я вечер у камина г-жи де Лафайет.

Бал во вторник был особенно скучный; приписываю это вашему отсутствию. Боже мой, сколько у меня поклонов для вас! Сколько выражений любви и добрых пожеланий! Сколько людей интересуются вашим благополучием! Вы всеми любимы, почитаемы, обожаемы.

Мне бы никогда не удалось закончить письма, если бы я вздумала называть их всех по имени. Но уверяю вас, дочь моя, что все они ничто в сравнении с моей любовью к вам. Я ни минуты не перестаю думать о вас. Я поцеловала вашу дочь, которая в свою очередь крепко обняла меня за вас. Вам известно, как я люблю эту крошку: она напоминает мне вас.

24. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 18 февраля 1671 года

Заклинаю вас, дорогая дочь моя, берегите свои глаза ради моих; они не перестанут служить вам до конца. Вы понимаете сами, что подобные письма ваши должны вызвать у меня слезы. Чтобы понять мое душевное настроение, прибавьте к нежности и естественной склонности моей к вашей особе мою уверенность в привязанности вашей ко мне; тогда судите о моих чувствах. Беру де Гаквиля в свидетели! Пусть он напишет вам, какой он застал меня на днях. Но оставим эти грустные вещи. Г-жа де Генего передала мне, что она навестила вас по моей просьбе. Заклинаю вас помнить и заботиться о главном и не плакать: слезы вам не так полезны, как мне.

Я теперь довольно благоразумна и по мере возможности креплюсь. Иной раз в течение четырех или пяти часов я похожа на прочих людей. Но стоит мне вспомнить о вас, о ваших письмах или о моих собственных, стоит кому-нибудь сказать слово о вас, как я опять возвращаюсь к старому; и это случается довольно часто. Я видела Раймонда у графини дю Люд; она

спела соло из комедии-балета. По-моему, вы споете лучше. Я бываю у г-жи де Виллар, у нее я чувствую себя как дома, потому что она меня понимает.

Она шлет вам тысячу поклонов. Г-жа де Лафайет тоже вполне понимает мою нежность к вам. Она тронута также вашей любовью ко мне. Также я бываю довольно часто у родных. Иногда по вечерам остаюсь здесь, но редко, только когда бываю утомлена. Я видела бедную г-жу Амело, она очень плачет, я понимаю ее.

Намекните в ваших письмах о некоторых лицах, чтобы я могла рассказать им об этом. Я слушаю проповеди Маскарона и Бурдалу; они оба удивительно красноречивы. Вот все мои новости. Мне хотелось бы узнать все, что касается вас, как вы поживаете в Лионе. Сказать вам правду, я ни о чем другом не думаю. Мне известен весь ваш путь и даже все ваши ночевки. Вы были в Лионе в воскресенье; хорошо бы сделали, если бы вы там отдохнули несколько дней. Вы узнавали о маскараде, бывшем во вторник на Масленицу; я узнала, что там был один господин большого роста — на три дюйма больше обыкновенного, — заказал прекрасный костюм, но не хотел его надеть, потому что дама, которой он не знал и с которой никогда не говорил, не явилась в собрание. Впрочем, я скажу, как Вуатюр: «Никто не умер от вашего отсутствия, кроме меня». Вечер был до невозможности скучен. Я приписала эту скуку одному вашему отсутствию, но, конечно, одно это не могло быть причиной такой скуки. На сей раз я посылаю это письмо в Прованс. Целую г-на де Гриньяна и с нетерпением жду сведений о вашем здоровье. Не успеваю я прочесть одно ваше письмо, как уже жажду получить другое. Я только и живу этими полочками...

Вы пишете чудеса о гробнице г-на де Монморанси и о красоте девиц де Валансэ... Вы пишете очень хорошо, лучше всех. Не отказывайтесь от вашей естественной простоты. Из нее образовался ваш слог, и он прекрасен. Я передала ваши поклоны г-же де Лафай-

ет, г-ну Ларошфуко и Лангладу. Все они любят, уважают вас и при всяком случае готовы услужить вам. Я нахожу ваши песни красивыми. Я признала в них ваш стиль. Ах, дитя мое, как бы я хотела хоть на минуту видеть вас, услышать ваш голос, обнять вас, видеть вас хотя бы мельком проходящей мимо меня, если остальное слишком много! Однако с этими мыслями я не могу справиться. Я тоскую, не имея вас больше возле себя. Разлука причиняет мне сильную боль. Моя душа болит и причиняет мне словно физическое страдание. Я не в силах отблагодарить вас за все письма ваши с дороги — вы слишком внимательны ко мне. Я все замечаю, и все остается в моей памяти; ничто не проходит для меня даром. Вы отовсюду писали мне; я восхищалась вашей добротой. Так не поступают без особенной любви. В дороге думаешь только о том, чтобы лечь и отдохнуть. Я жду известия от вас из Руана и Лиона. Я беспокоюсь, как вы сели в лодку и почему Рона показалась вам такой страшной в сравнении с нашей бедной Луарой. Как мило с вашей стороны, что вы вспомнили про эту реку как про одну из старых приятельниц. Увы, о чем только я не вспомню: малейшие вещи дороги для меня, все причиняет мне страдание. Какая разница! Никогда я не возвращалась сюда без нетерпения и без удовольствия, а в настоящее время я напрасно ищу вас. И как можно жить, когда знаешь, что не сможешь нигде отыскать своего дорогого ребенка. Я докажу вам мое желание видеть вас — я приеду к вам. Я получила письмо от г-на де Гриньяна. А от вас ни слова. Он сообщает, что приедет зимой; оставит ли он вас? Или вы за ним последуете? Отвечайте мне на эти вопросы.

Дофин был болен, теперь ему лучше. Двор остается в Версале до понедельника. Г-жа де Лавальер восстановлена при дворе. У короля были слезы радости на глазах, у мадам де Монтеспан — слезы огорчения... Догадайтесь отчего! Они разговаривали очень нежно. Все это трудно понять; приходится молчать... Новости это-

го года устаревают на следующий день. У меня бесконечное число поклонов для передачи вам. Я ежедневно посещаю вашу малютку. Я хочу, чтобы она была стройной, — вот моя забота: было бы смешно быть вашей дочерью и г-на де Гриньяна и не быть хорошо сложенной. Я опытна в этих вещах и предпринимаю даже бесполезные предосторожности. Вчера я видела г-жу дю Пюи дю Фу; она вам кланяется. Я видела также г-жу Жансон и г-жу Леблан. Все касающееся вас хотя бы отдаленнейшим образом для меня приятнее всего прочего. Боже мой, Рона! Вы по ней теперь плывете! Сколько еще тревоги до конца путешествия!

25. Госпоже де Гриньян

Пятница, 20 февраля 1671 года

Признаюсь вам, что стражду получить сведения о вас. Подумайте, моя дорогая дочь, что я не получала их с Палисса. Я ничего не знаю о вашем путешествии до Лиона, ни о вашей дороге в Прованс. Я вполне уверена, что вы мне писали. Я не сомневаюсь, что письма придут; но я их жду и не получаю. Нужно утешиться и писать вам. Третьего дня вечером, дорогая моя, в среду, возвратившись от г-жи де Куланж, где мы занимались корреспонденцией, я хотела, по обыкновению, идти спать. В этом ничего еще нет необыкновенного: но очень даже необычайно следующее: в три часа пополудни я услышала крики: «Вор! Пожар!», и эти крики раздались так близко от меня и так усиленно, что не было сомнения — горим мы! Мне даже послышалось, что говорят о моей внучке; я думала, что она сгорела. Тогда я встаю в ужасе в темноте. Меня всю так трясло, что я не могла держаться на ногах. Я бегу в детскую, бывшую вашу; там все спокойно. Но вдруг я вижу, напротив дом Гито весь в огне. Пламя перекинулось на дом г-жи де Вовинё. На дворе у нас и особенно у г-жи было видно, как все полыхает. Бог ты

мой, что за крики, что за смятение! Страшный шум от падающих бревен и балок. Я велела открыть дверь и послала моих людей на помощь! Г-н Гито прислал мне свой ларчик с наиболее ценными вещами; я спрятала его в своем кабинете, затем вышла на улицу поглазеть, как и другие. Я там нашла г-на и г-жу Гито, почти голыми, венецианского посланника, всех его людей, маленькую Вовинё, крепко спящую, — ее унесли к посланнику; много мебели и серебряной посуды — все это тоже несли к посланнику. Г-жа де Вовинё распорядилась за меня выносить мебель; я была как на острове — но я страшно жалела моих бедных соседей. Г-жа Гетон и ее брат давали очень хорошие советы. Мы растерялись; пожар так разгорелся, что никто не смел приблизиться, и все ожидали конца пожара не раньше, чем догорит весь дом бедного Гито. Жалко было его. Он бросился спасать мать, находившуюся на третьем этаже, а жена его уцепилась за него и держала насильно. Он находился между двух огней. Он мог потерять мать или ранить жену. Она была еще на пятом месяце беременности. Наконец он просил меня задержать жену, что я и сделала. Он бросился в огонь, но нашел свою мать уже спасенной; она сама прошла сквозь пламя. Тогда он захотел идти еще за бумагами, но было невозможно приблизиться к месту, в котором они находились. Наконец он возвратился к нам, на улицу. Я усадила его жену. Благотворительные и ловкие монахи (капуцины) так усердно работали, что успели остановить огонь. На догорающее пепелище лили воду до тех пор, пока пожар не прекратился за неимением материала. «Сражение, как говорится, прекратилось за отсутствием сражающихся». Первый этаж дома, передняя, маленькая комната и кабинет, а также на втором залы окончательно сгорели. Считали счастьем, что хоть что-то осталось от дома, хотя для Гито потеря составила более десяти тысяч экю. Думают все-таки отстроить эту часть дома. Она была расписана и позолочена.

Там было много красивых картин г-на Леблана, хозяина дома; было также много столов, зеркал, миниатюр, всякой мебели, ковров. Они страшно жалеют о письмах. Я вообразила, что то были письма принца. Однако около пяти часов утра надо было подумать о г-же Гито. Я ей предложила мою постель, но г-жа Гетон поместила се у себя; у нее имеется несколько меблированных комнат.

Мы заставили пустить ей кровь; послали за Буше: он опасается, чтобы это волнение не привело к выкидышу через несколько дней. Она находится у бедной г-жи Гетон. Все ее навещают, и я продолжаю мои заботы, потому что я слишком хорошо начала, чтобы бросить это. Вы, наверно, меня спросите, каким образом случился пожар. Ничего не известно. В комнате, где он начался, ничего не было. Если бы возможно было смеяться при таком горестном случае, что за портреты можно было рисовать с нас в положении, в каком мы тогда все находились! Гито был в одной рубашке и туфлях; г-жа де Гито с обнаженными ногами и потеряла одну из своих туфель; г-жа де Вовинё была в короткой юбке, без капота; все лакеи, все соседи в ночных колпаках; посланник, в шлафроке и парике, старался соблюсти важность своего представительства, но его секретарь был превосходен. Вы говорите о груди Геркулеса, но она ничто в сравнении с этой. Эта вся была на виду, белая, жирная, пухлая, к тому же без всякого покрова, потому что тесемки рубашки оторвались в суматохе. Вот грустные новости нашего околотка.

Я прошу Девиля делать обход каждый вечер, чтобы убедиться, что пожар окончательно погашен; повсюду принимают всякие предосторожности во избежание подобного несчастья.

Желаю, чтобы купание вам принесло пользу; одним словом, желаю вам всех благ и молю Бога, чтобы Он берег вас от всякого зла.

26. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница вечером, 27 февраля 1671 года

Дорогая моя, Рона меня тревожит; я хочу думать, что вы счастливо добрались, но я бы предпочла узнать это от вас самих. Я жду этого известия с нетерпением. Кажется, вы приехали в Арль в субботу и г-н де Гриньян выехал вам навстречу в Сент-Эспри. Он, должно быть, был в восторге видеть вас. Нам кажется, что вы въехали в Экс в среду и наконец что вы очень устали. Дорогое мое дитя, отдохните, ради бога, оставайтесь в постели, восстановите свои силы и сообщите мне о состоянии вашего здоровья. Знаете ли вы, что думать о вас составляет счастье тех, кого вы любите? Благодарю вас за письмецо для моей тети.

Все мы еще далеки от того, чтобы забыть вас. Мне недавно рассказали тысячу ужасов о Тарарской горе. Как я ее ненавижу! Имеется еще одна дорога, на которой колеса висят в воздухе и карету приходится держать за крышу. Я не выношу этой картины. Но, слава богу, теперь всему этому конец.

27. Госпоже де Гриньян

Я только что получила любезное письмо ваше. Не видно ли вам, как я его получала и с какой нежностью читала? Я думаю, в данном случае вы не потребуете от меня хладнокровия. Быть красавицей довольно утомительно. Надо выбирать одно из двух: если бы вы не были красивы, вы бы предавались больше отдыху. Ваша лень меня пугает. Ничего нет приятнее, чем быть красивой, — это дар Божий, который надо беречь. Вы знаете, как я люблю вашу красоту; мое самолюбие заставляет меня интересоваться ею, я ее вам поручаю из любви ко мне. Мне кажется, что в Провансе мне отдадут должное за ваше нежное, красивое и правильное лицо. Вы недовольны, что

у вас нос не кривой; а я благоразумнее вас и в вос-
торге именно оттого, что не кривой. Я не знаю, какую
пользу могу я извлечь из моих пестрых ресниц. Не
думаете ли вы, что я и г-н Куланж волшебники, что
мы отгадываем все, что вы делаете? Вы совсем не
поражены берегами вашей Роны; вы находите, что
они красивы и что река эта состоит из такой же воды,
как и другие. Что касается меня, я о ней имею стран-
ное понятие.

Ланглад вам даст отчет о своем посещении Мелю-
зины; пока я могу сказать, что он у нее только вымыл
ее чепчик; он это сделал охотнее всякого другого.
Уверяю вас, что она очень огорчена и смущена; я ви-
дела ее на днях: она не знает, что сказать. Ваше от-
сутствие возбудило нежность всех друзей к вам; но
не надо, чтобы это отсутствие было бесконечно. Ка-
ково бы ни было ваше отвращение к тягости долгого
пути, вы все же должны стараться как можно скорее
вернуться к нам. Я сказала г-ну де Ларошфуко ваше
мнение о труде других и какое применение вы из него
делаете; он поручил передать вам тысячу поклонов.
Он так добр к вам и так вас хвалит, что он заслужи-
вает вашей любви.

Я передам ваш привет г-же де Виллар. Многие
желают напомнить вам о себе в моих письмах. Бла-
годарю вас, что вы вспомнили Бранкаса. Вы должны
были видеть вашу тетку в Сент-Эспри и, вероятно,
были приняты ею как королева.

Дорогая моя, заклинаю вас написать мне обо всем —
и о г-не Гриньяне, и о г-не из Арля. Вы ведь знаете, что
подробности о людях безразличных нам так же нена-
вистны, как приятно знать все о том, кого любишь. Уга-
дайте сами, к числу каких вы относитесь?

Маскарон и Бурдалу доставляют мне большое удо-
вольствие, они по меньшей мере должны сделать ме-
ня святой: вы присутствуете во всех моих помыслах.
Когда я слышу что-нибудь прекрасное, я думаю о вас.
Целую вас нежно, поцелуйте и вы меня; поклон по-

мощнику епископа (коадьютору). Что касается Гриньяна, то я думаю, что он настолько занят вами, что не услышит никого.

28. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 4 марта 1671 года

Ах, дочь моя, что за письмо! В каком положении вы находились! Я бы не сдержала своего слова, если бы обещала не пугаться такой большой опасности. Я знаю, что она миновала, но для меня невозможно представить себе вашу жизнь в опасности, чтобы не содрогнуться от ужаса.

И г-н де Гриньян отпускает вас плыть во время грозы? Видя вашу отвагу, он рад перешеголять вас! Вместо того чтобы попросить обождать грозу, он подвергает вас опасности! Боже мой, не лучше было бы, если бы он был трус и сказал бы: «Если вам не страшно, то я боюсь и не позволю переправляться через Рону в такую погоду!»? Не понимаю на сей раз его любви к вам! Тут пугающая всех Рона, тут Авиньонский мост, проходить под которым следует, только приняв все предосторожности; а вихрь швыряет вас под одну из арок! Каким чудом вы не разбились и не утонули! Эта мысль меня убивает, я содрогаюсь, лишаюсь сна и не владею более собой. Думаете ли вы еще, что Рона — только вода? Признайтесь, что вы немало были испуганы при виде близкой и неизбежной смерти. Я уверена, что в другой раз вы будете менее отважны. Подобный случай покажет вам опасность такой ужасной, какая она есть. Я думаю, что вы, по крайней мере, хорошо помолились Богу за спасение; что до меня касается, то я убеждена, что ежедневные обедни, заказанные мною для вас, сотворили это чудо. Благодарю Бога за спасение ваше больше, чем за ваше рождение. На Гриньяна я сердита. Кoadьютору везет. Ему досталось за Тарарскую гору, кажу-

щуюся мне теперь отлогостью Немура. Г-н Буске пришел ко мне; я готова была расцеловать его за то, что он так благополучно вас довез. Я спрашивала его о всяком вашем движении и дала ему сколько-то денег, чтобы он выпил за мое здоровье. Это письмо покажется вам смешным; вы его получите в то время, когда давным-давно и думать забыли про Авиньонский мост. Стоит ли и мне думать об этом в настоящее время? Вот несчастье жить вдали от своих близких! Надо с этим примириться и не роптать. Но это естественно и было бы чересчур большим насилием подавлять всякие свои мысли; надо понять настроение человека, отвечающего на вещи, близкие его душе и сердцу. Вам часто придется извинять меня. Жду известия о вашем пребывании в Арле, мне известно, что вы там встретили много народу. Как хорошо, что я научила вас по-итальянски! Видите, как он пригодился в разговоре с вице-легатом? Описанная вами сцена превосходна; но, увы, мне не совсем нравится конец вашего письма! Чтобы пощадить вас, не буду возвращаться больше к вопросу об Авиньонском мосте, но не забуду этого никогда в жизни.

29. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 13 марта 1671 года

Я так рада, что одна в тиши моей комнаты спокойно пишу вам. Для меня нет ничего приятнее. Я сегодня обедала у г-жи де Лаварден после Бурдалу, где были и матери церкви — я так называю принцесс де Конти и де Лонгвиль.

Весь свет собрался, чтобы слушать проповедь, которая была достойна всех слушателей.

Во время проповеди я двадцать раз думала о вас; вы были бы в восторге от нее, а я бы радовалась, глядя на вас. Г-н Ларошфуко был очень обрадован вашим поклоном. У г-жи Лаварден не переставали

говорить о вас. Г-н де Амбр был там со своей кузиной, г-жой де Бриссак. Он казался очень заинтересованным выпавшим вам кораблекрушением. Хвалили вашу храбрость, причем г-н де Ларошфуко сказал, что вы хотели казаться храброй в надежде, что какой-нибудь благодетель помешает, и, так как не нашлось благодетеля, вы очутились в положении Скарамуша. На ярмарке я видела великаншу. Она была на голову выше Риберпре. На днях она родила двух крупных младенцев. Я снесла ваши поклоны в отель Рамбуйе, вам также все кланяются. Я была у г-жи дю Пюи дю Фу, я была также три раза у г-жи де Маян. Мне смешно на самое себя, что я с таким удовольствием проделываю все эти вещи.

Вы не напрасно считали дочерей королевы бешеными. Неделию тому назад г-жа де Людр, Котлегон и маленькая де Рувруа были укушены собачкой Теобона; эта собачка была бешеная, вследствие этого Людр, Котлегон и Рувруа поехали сегодня в Дьепп, чтобы окунуться там три раза в море. Печальное путешествие!

Бенсерад в отчаянии от этого. Теобон ехать не хотела, несмотря на то что тоже была укушена. Королева не хочет, чтобы она за ней ходила, пока эта история с укусами не выяснится. Не находите ли, что Людр напоминает Андромеду? Я представляю ее себе привязанной к скале, а графа де Тревиля — на крылатом коне, убивающим чудовище. Вот наболтала много вздору, а о вас известий не имею.

Вы думаете, что я угадываю сама, что вы делаете. Но я слишком беспокоюсь о вашем здоровье, о вашем расположении духа. Нам дороги малейшие подробности из жизни тех, кого мы любим. Я уже говорила это много раз. Г-жа Вовинё кланяется вам; ее дочь была очень больна, г-жа д'Арпажон тоже. Вот письмо от г-на де Кондома, которое он переслал мне с очень милой запиской. Ваш брат подпадает под влияние Нинон. Я не думаю, чтобы оно было для него благо-

творно. Есть умы, для которых оно совсем не годится. Она испортила его отца. Да поможет ему Бог! Христианка не может смотреть без сокрушения на подобные вещи. Ах, Бурдалу! Что за прекрасные мысли он высказал сегодня о смерти! Г-жа де Лафайет была на проповеди вообще в первый раз в своей жизни. Она была восхищена. Она благодарит вас за память о себе и просит передать вам ее сердечный привет. Я дала ей хорошую гравюру с вашего портрета; она повесила ее у себя в комнате. Прощайте, дорогая моя. Говорить ли вам, что я вас люблю? Во всяком случае, я вас уверяю в моей нежности. А Гриньян... Я не знаю, заслуживает ли он, чтобы я с ними разговаривала!..

Г-н де Аквиль передает вам, вероятно, все новости. У меня нет никаких. Я готова была вам сообщить, что канцлер сделал себе промывание.

У Мадемуазель вчера произошло нечто доставившее мне большое удовольствие. Пришла прекрасная и изящная, словом, прелестная г-жа де Жевр. Конечно, герцогиня думала, что я ей предложу свое место, но я была в долгу у нее за недавнюю неучтивость и отплатила ей немедленно: я не двинулась с места. Мадемуазель была в постели, и г-же де Жевр пришлось сесть внизу эстрады — это неприятно. Принесли питье для Мадемуазель; надо подать салфетку. Я вижу, г-жа де Жевр снимает со своей костлявой руки перчатку. Выше меня сидела г-жа д'Арпажон. Я толкнула ее, и она меня поняла. Она сняла тоже перчатку, сделала шаг вперед и, отстранив г-жу де Жевр, взяла и подала сама салфетку. Герцогиня была пристыжена. Произошло то, что она взошла на эстраду, сняла перчатку, и все лишь для того, чтобы смотреть, как г-жа д'Арпажон подает салфетку. Какая я, однако, злая, дочь моя: я была рада всему этому. Г-жа Пюзье тоже посмеялась от души. Мадемуазель не смела поднять глаза, а мое лицо не выражало ничего. Затем говорили много хорошего о вас, и Мадемуазель просила передать, что она рада, что вы здоровы и не утонули. Мы были у г-жи де Кольбер;

она спрашивала о вас. Вот какие ужасные мелочи, но я другого ничего не знаю.

Вы видите, я более не набожна. Увы, я так нуждаюсь в уединении Ливри! Я дам вам две книги Лафонтена, когда вы будете гневаться: там есть хорошие места, есть и скучные. Никто не довольствуется хорошим. Желая исправить вещь, обыкновенно ее портят.

30. Госпоже де Гриньян

Ливри. Четверг, 26 марта 1671 года

Если бы я столько плакала о моих грехах, сколько плакала о вас, с тех пор как я здесь, то, наверное, получила бы отпущение всех грехов.

Я провела здесь время, как предвидела, то есть постоянно думая о вас, но томила я больше, чем думала. Странная вещь живое воображение! Оно рисует все вещи, точно они еще перед глазами. Не знаю, как спастись от вас: наш парижский дом ежедневно мучит меня, а Ливри буквально убивает. Вам же приходится делать усилие памяти, чтобы думать обо мне; Прованс не может напоминать вам меня, как все здешние места напоминают мне вас.

Я находила сладость в грусти. Одиночество, глубокая тишина, печальная служба в благоговении, монастырский пост и красота здешних садов — все это мне очень понравилось. Я никогда не была в Ливри на Святой неделе. Увы, как я жаждала видеть вас здесь! Как бы вы ни тяготились одиночеством, но здесь оно приятно.

Однако я должна вернуться в Париж. Там я найду ваши письма и хочу идти завтра на Страстную проповедь отца Бурдалу или отца Маскарона; я всегда чтילה страсти Господни. Прощайте, моя дорогая крошка, закончу это письмо в Париже; вот все, что вы получите из Ливри; если бы я была в силах вовсе

не писать вам отсюда и посвятить Богу все мои чувства, это стоило бы всех покаяний в мире. Но вместо этого я искала утешения в беседе с вами. Ах, дочь моя, я слаба и ничтожна!

31. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 1 апреля 1671 года

Вчера я вернулась из Сен-Жермена, где была с г-жой д'Арпажон. Число лиц, справлявшихся о вас, равно числу всего двора. Из него, я думаю, надо выделить королеву, которая подошла ко мне и спросила меня про мою дочь и случай на Роне; я поблагодарила ее за честь, которую она мне оказала, вспомнив про вас. Она опять обратилась ко мне: «Расскажите, как она чуть не погибла». Я стала рассказывать ей о вашей отважной попытке переехать Рону во время сильного ветра, как лодку внесло под арку моста в двух пядях от столба и вы тысячу раз могли погибнуть, если бы стукнулись.

— А муж ее был с нею? — спросила королева.

— Да, и г-н коадьютор тоже, — ответила я.

— В самом деле, они очень виноваты, — заметила она очень сочувственно.

Затем сказала много любезностей по вашему адресу.

После того пришли несколько герцогинь, между прочими молодая Вантадур, очень красивая и очень милая. Ей несколько минут не подносили табурет. Я обратилась к гофмейстеру со словами: «Пусть ей подадут табурет, он ведь ей обошелся довольно дорого». Гофмейстер согласился со мною. Среди наступившей тишины королева вновь повернулась ко мне и сказала:

— На кого похожа ваша внучка?

— Сударыня, — ответила я, — она похожа на г-на де Гриньяна.

Ее величество сначала вскрикнула — мне очень жаль, но это правда, — а потом сказала тихо:

— Лучше, если б она походила на свою мать или на бабушку.

Вот результат моих всегдашних похвал. Я дала ваше письмо г-ну де Кондому. Не забыть бы мне дофина и Мадемуазель, которые много говорили мне о вас. Я видела г-жу де Людр. Она заговорила со мною, рассыпаясь в любезностях, что очень удивило меня. Она говорила о вас также любезно. Я только собиралась ответить ей, как заметила, что она меня не слушает, а прекрасные глаза ее блуждают по комнате. Я обратила на это внимание окружающих. Все рассмеялись. Она была очень сконфужена. Она погрузилась в море, и море увидело ее совсем нагою.

Прически «hurluberlu» меня очень забавляют. Попадают физиономии с такой прической, которые как-то невольно хочется ударить. Шуазель была похожа, как говорит Нинон, на картину с постоянного двора. Это сравнение великолепно. У нее острый язык, у этой Нинон! Если б вы только слышали ее рассуждения о религии, вы пришли бы в ужас. Ее страсть портить молодых людей напоминает известного г-на де Сен-Жермена, которого мы видели однажды в Ливри. Она находит, что ваш брат прост, как голубка; он похож на мать. У нас в семье только г-жа де Гриньян умница и не так глупа, чтобы постоянно во всем слушаться своей маменьки. Она за это уважает вас. Кто-то хотел заступиться за вас и лишить вас ее уважения. Она заставила его молчать и сказала, что знает лучше, чем он. Что за испорченность! Она находит вас умной и красивой и непременно должна приписать вам еще третье качество, без которого, по ее мнению, не может быть совершенства. Я очень даже сердита на нее за то зло, что она причиняет моему сыну в этом отношении. Не пишите ему ничего. Мы с г-жой Лафайет стараемся отвлечь его от этой опасной связи. У него, кроме того, имеется маленькая актриса и все эти Деп-

рею и Расины, которых он угощает ужинами. Словом, тут сушая чертовщина. Он смеется над Маскароном, как видите. Для него нужен был бы ваш проповедник из Гриньяна. Я никогда не слыхала ничего смешнее того, что вы мне пишете об этом. Я прочла ваше письмо г-ну де Ларошфуко. Он смеялся от всего сердца. Он говорит, что есть апостол, который стремится к *своему ребру* и хочет овладеть своей собственностью, но он не способен к большим предприятиям.

Мелюзина, кажется, в какой-нибудь норе. Мы давно уже о ней не слышим ни слова. Г-н де Ларошфуко просит вас передать, что, если б он был на тридцать лет моложе, он непременно посягнул бы на *третье ребро* г-на де Гриньяна. Место, где вы говорите про проповедника, у которого сломаны два ребра, заставило его громко расхохотаться. Желаем вам постоянно слышать столь веселые речи. Но впрочем, мы вас жалеем, что вам приходится выслушивать о Боге подобные вещи. Ах, Бурдалу! Мне говорили, что его проповедь на Страстной неделе превзошла всякое изображение. Это его прошлогодняя проповедь. Он только ее исправил по совету друзей. Она стала неподражаема. Как можно любить Бога, если вы не слышали хорошей проповеди! Вы нуждаетесь при таких условиях в большей благодати, чем другие. На днях мы слышали аббата де Монмора. Он очень красив и молод, и он прекрасно говорит. Вот бы вам такого. Он взошел на кафедру, перекрестился и сказал свой текст. Затем он нас не бранил, не оскорблял, он только просил нас не бояться смерти, потому что смерть — единственный способ воскресения. Мы с этим согласились, и все были довольны. В нем нет резкого. Он похож на г-на д'Ажана, хотя и не подражает ему. Он смел и скромн, он учен и благочестив. Словом, он мне нравится до невозможности.

Г-жа де Вовинё шлет вам тысячу поклонов. Ее дочке было очень худо. Г-жа д'Арпажон целует вас, и особенно г-н ле Камю, и я также. Как вы думаете,

дорогое дитя мое, чем я теперь занята? Я думаю о вас, я люблю вас, беспокоюсь за ваши дела, за ваши мысли, чувствую ваши горести и заботы, страдаю с вами и хотела бы страдать за вас, если бы это было возможно; я хотела бы очистить ваше сердце, как некогда очищала вашу комнату от надоедливых посетителей. Словом; я глубоко чувствую, что значит любить кого-нибудь больше самой себя: я вся в этом. Это выражение часто говорится на ветер, им многие злоупотребляют; я же повторяю его постоянно и чувствую вполне его истину. Однако пора кончить мое письмо и положить предел моему беспредельному чувству. Прощайте, дорогая моя, и знайте, что моя любовь к вам бесконечна.

32. Госпоже де Гриньян

Париж. Суббота, 4 апреля 1671 года

На днях я послала вам прическу г-жи де Невер. Удивительно, до какой крайности Ламартен довел эту моду, но в ней есть известная простота, которая мне нравится. Надо вам ее освоить, чтобы не делать сотни маленьких локонов над ушами. Они развиваются через минуту, и в настоящее время в моде не больше, чем прическа королевы Екатерины Медичи. Вчера я видела герцогиню де Сюлли и графиню де Гиш: их головы очаровательны; я побеждена. Эта прическа как раз для вашего лица; с ней вы будете походить на ангела. Чтобы сделать ее, нужна одна минута. Одно неприятно: что эта прическа оставляет голову открытой и заставляет бояться за зубы. Трошанира, приехавшая из Сен-Жермена, и я — мы постараемся вместе научить вас делать ее. Представьте себе голову с пробором (посредине) *à la paysanne*¹; волосы с каждой стороны подстрижены постепенно, словно ступени. Из них надо

¹ По-крестьянски (фр.).

сделать две большие круглые букли, доходящие не ниже пальца над ухом; эта прическа придает очень красивый молодой вид. Кажется, что с обеих сторон головы лежат два букета волос. Не надо подрезать волосы слишком коротко — волосы должны казаться вьющимися от природы, а слишком мелкие локоны на коротких волосах выдали уже не одну даму; их пример должен заставить других быть осторожными. Надевают ленты, как обыкновенно, и большую буклю, связанную между прической и шапочкой; иногда ее оставляют висеть до шеи. Не знаю, хорошо ли мы вам изобразили эту моду. Я велю причесать куклу и пошлю ее вам; а в конце концов я боюсь, что вы не захотите утруждать себя из-за прически. Верно одно: что прическа, которую делает Монгобер, невыносима. Впрочем, сообразайтесь с вашей ленью и вашими зубами, но не мешайте желать мне видеть вас здесь причесанной, как все другие дамы. Я представляю себе вас, и мне кажется, что эта прическа только для вас и создана, но у многих дам она очень смешна, особенно для тех, чья красота или возраст ей не соответствуют.

33. Госпоже де Гриньян

Пятница вечером, 17 апреля 1671 года

Пишу свою корреспонденцию у г-жи де Лафайет; я передала ей ваше письмо. Мы вместе его читали с удовольствием и находим, что никто не пишет лучше вас; вы очень хорошо умеете льстить ей, и я тоже нахожу в вашем письме слова, идущие прямо к моему сердцу, которым вы владеете вполне. Г-жа Лафайет была вчера в Версале; г-жа де Тианж просила ее ехать туда. Она была там хорошо принята, даже очень хорошо, то есть король посадил ее в свою коляску вместе с дамами и показывал ей все красоты Версаля, как бы это сделало частное лицо, которого посещают в деревне; он говорил только с нею и выслушивал с удо-

вольствием и большой вежливостью все ее восторги по поводу красот, которые он ей показывал. Можете себе представить, довольна ли она таким путешествием. Г-н Ларошфуко целует вас без всякой церемонии. Он говорит, что он скорее готов протанцевать буре, чем забыть вас. У него теперь приступ подагры в руке, он не может вам писать.

Г-жа де Лафайет ценит и любит вас. Она вспоминает, как вы лежали у ее камина, что вы хорошо помните.

34. Госпоже де Гриньян

*Пятница вечером, 24 апреля 1671 года,
у г-на де Ларошфуко*

Я пишу вам отсюда; я хотела сообщить вам, что король вчера прибыл в Шантийи. Он охотился на оленя при лунном свете. Фонари светили чудно, но фейерверк несколько поблек из-за яркой луны. Впрочем, вечер, ужин и игра — все прошло чудесно. Сегодняшняя погода внушала нам надежду на целый ряд ясных дней. Но вот что я узнаю при входе сюда и от чего не могу еще оправиться. Я не знаю сама, что пишу. Словом, дело в том, что Ватель, великий Ватель, бывший метрдотель Фуке, а теперь принца, человек исключительных способностей, чья здоровая голова могла бы вместить заботу о целом государстве, этот человек, которого я знала, видя, что к восьми часам утра еще не доставлена свежая рыба, не мог вынести мысли об обиде, которую бы он, вероятно, за это вынес, и, одним словом, он зарезался. Легко можете представить себе, какой страшный беспорядок произвел этот ужасный случай во время праздника. Рыба, быть может, прибыла как раз в ту минуту, когда он умирал, или в минуту его кончины. Мне больше ничего не известно теперь. Я думаю, что вы находите и это достаточным. Замешательство было ужасное, это неприятная история для праздника в пятьдесят тысяч экю.

35. Госпоже де Гриньян

Париж. Воскресенье, 26 апреля 1671 года

Сегодня воскресенье, 26 апреля; это письмо уйдет только в среду; но это не письмо, а донесение Мореля для вас о том, что происходило в Шантийи по поводу Вателя. Я вам писала в пятницу, что он покончил с собой. Вот подробности дела: король приехал в четверг вечером. Прогулка, ужин среди цветов — все шло как нельзя лучше. Кончили ужинать. Для некоторых столов не хватило жаркого по причине прибытия гостей, о которых Ватель не знал; это поразило Вателя; он повторил несколько раз: «Моя честь погибла; вот стыд, которого я не перенесу». Гурвилю он сказал: «У меня голова идет кругом: я не сплю уже двенадцать ночей, помогите мне отдать приказания». Гурвиль помогал, в чем мог. Ватель все вспоминал недостававшее жаркое, не к столу короля, а к 25-му. Гурвиль передал это принцу, который пошел в комнату Вателя и сказал ему: «Ватель, все прекрасно, ужин короля удался как нельзя лучше». Он ответил: «Сеньор, ваша доброта меня убивает; я знаю, что для двух столов не хватило жаркого». — «Нисколько, — сказал принц, — не беспокойтесь, все благополучно». Бьет полночь; фейерверк не удастся, он покрылся облаком; он стоил шестнадцать тысяч франков. В четыре часа утра Ватель обходит всех. Все спят; он встречает мелкого поставщика, который принес только два груза рыбы; он его спрашивает: «Разве это все?» — «Да, сударь». Он не знал, что Ватель послал во все морские порты. Ватель подождал еще; другие поставщики не прибыли. Голова его пылала, он думал, что другой рыбы не будет; он отыскал Гурвиля и сказал ему: «Сударь, я не переживу такого бесчестья». Гурвиль смеялся над ним. Ватель отправляется в свою комнату, прикрепляет шпагу к двери и пронзает ею свою грудь, но только после третьего удара, так как первые два не были смертельны; он падает мертвым. Между тем отовсюду доставляют рыбу; ищут

Вателя, чтобы разделить ее, идут в его комнату, стучатся, выламывают дверь и находят его в луже крови. Тогда люди побежали к принцу; он пришел в отчаяние. Г-н герцог плакал: на Вателе держалось все его путешествие в Бургундию. Принц с грустью сказал об этом королю. Говорят, что это произошло вследствие того, что он по-своему понимал честь. Его очень хвалили; хвалили и порицали в то же время его мужество. Король сказал, что он пять лет откладывал приезд в Шантийи, понимая, какие хлопоты он этим причинит. Он сказал принцу, что он не должен иметь больше двух столов и не принимать на себя всего; он поклялся, что не позволит принцу больше поступать так, но все это было слишком поздно для бедного Вателя. Между тем Гурвиль старался восполнить потерю Вателя; это удалось; обедали очень хорошо. Завтракали, ужинали, прогуливались, играли и даже охотились. Воздух был пропитан ароматом цветов, все выглядело словно в заколдованном царстве. Вчера, в субботу, время прошло так же. Вечером король поехал в Лианкур, где заказал разговение в самую полночь: он должен быть там сегодня. Вот все, что Морель мне пишет, чтобы передать вам. Я ничего больше не знаю. Г-н де Гаквиль, который присутствовал там, вам напишет подробно, без сомнения; но так как его почерк не так разборчив, как мой, я все-таки пишу; если я вам передаю эти бесконечные подробности, то оттого, что считаю их интересными.

36. Госпоже де Гриньян

Ливри. Среда, 29 апреля

Вчера рано утром я выехала из Парижа; обедать я должна была в Помпоне; я нашла там нашего добряка, который меня ждал. Я не хотела уехать, не попрощавшись с ним... Святость его еще увеличилась; меня весьма удивляет: чем больше он приближается к смерти, тем больше он очищается. Он очень серьезно бранил меня

и полон рвения и дружбы ко мне, называл меня сумасшедшей за то, что я не думаю о спасении души. Он называл меня красивой язычницей — за то, что я из вас сотворила себе кумира в моем сердце; что этот род идолопоклонства так же опасен, как и всякий другой, хотя мне он кажется менее преступным; что пора наконец подумать о себе. Он все это высказывал так непреклонно, что я не нашла слов для ответа. Наконец после шести часов этой приятной и серьезной беседы я попрощалась с ним и поехала сюда, где май уже в полном цвету. Соловей, кукушка и малиновка начали весну в наших лесах. Я весь вечер гуляла одна; я снова погрузилась здесь в грустные мысли, но о них я не буду больше говорить вам. После обеда я писала вам письмо в саду, где меня оглушали несколько соловьев, певших над моей головой.

Сегодня вечером я возвращаюсь в Париж, чтобы заняться своей корреспонденцией и отправить вам письма.

Вы правы, моя дочь, что при встрече с каторжниками мне не достало тепла. Мне следовало отправиться за ними, вместо того чтобы думать только о письме к вам. Представляю, как приятно были бы вы удивлены, встретив меня в Марселе в таком хорошем обществе! Но вы ведь там прогуливаетесь в носилках? Что за причуда! Я знала, что вы любили носилки только тогда, когда они стоят на месте. Как видно, в вас произошла большая перемена. Я вполне на стороне клеветников, и единственное, что могу сказать в ваше оправдание, — это то, что вы бы никогда не пользовались подобной повозкой, если бы вы меня не покинули и г-н Гриньян оставался бы в своем Провансе. Как мне неприятно это несчастье! Но я хорошо предвидела его! Берегите себя, моя дорогая; подумайте, что красавица де Гиз очень себе повредила и три дня была при смерти; вот хороший пример. Г-жа Лафайет все еще опасается за вашу жизнь; она уступает вам без затруднения первенство в моем сердце, учитывая ваши совершенства, но когда она тиха и ласкова, то говорит, что это не без труда; впрочем, все это давно решено и призна-

но: эта справедливость достойна ее. Латрош умирает. Я живу по-старому и продолжаю сборы в Бретань; правда, моя жизнь там не будет похожа на вашу. Меня будут беспокоить там собрания штатов, которые соберутся в Витре в конце июля. Мне это очень неприятно. Вашего брата там не будет к тому времени. Дочь моя, вы желаете, чтобы время шло быстро, чтобы нам скорее свидеться. Ах, вы сами не знаете, чего хотите, — вы будете очень обмануты; время вас слишком хорошо послушается, оно пройдет быстрее всякого ожидания, и, когда вы захотите его задержать, будет уже поздно, оно не будет больше в вашей власти. Я некогда делала те же ошибки, что и вы, и раскаялась в них. Хотя время не причинило мне столько зла, сколько другим, но оно постоянно лишает меня тысячи маленьких утех, оно оставляет слишком явные следы на своем пути.

Вы находите, что ваши актеры достаточно умны, чтобы декламировать стихи Корнеля. В самом деле, некоторые могут воодушевить. Я привезла сюда том, который меня очень занимал вчера вечером. Но скажите, разве вы не нашли прекрасными эти пять или шесть басен Лафонтена, которые находятся в присланном вам томе? Мы пришли от них в восторге у г-на Ларошфуко, мы даже выучили наизусть басню «Обезьяна и Кошка». «Для пройдох это было теплое местечко: никого они не боялись...» и так далее. Это художественная картина, а «Тыква», а «Соловей» — все это не хуже первого тома. Глупо с моей стороны писать вам такие мелочи; досуг в Ливри меня убивает.

Вы написали прекрасную записку г-ну Бранкасу. На днях он вам исписал целую десть бумаги; эта была довольно хорошая рапсодия. Он читал ее нам — г-же де Куланж и мне. Я ему сказала:

— Пришлите мне ее в законченном виде в среду.

Он ответил, что он ее не пошлет совсем и не хочет вовсе, чтобы вы ее видели, что это слишком глупое и слишком жалкое произведение.

— За кого вы нас принимаете? — воскликнула я. — Нам ведь вы его читали!

— Я не желаю, чтобы она читала!

Вот ответ, которого я от него добила. Никогда я не видела его таким странным... На днях он искал какое-то дело во второй инстанции, а дело слушалось в первой. Эта рассеянность очень позабавила господ сенаторов: я думаю, он выиграет из-за этого дело. Что вы скажете, дитя мое, о бесконечности этого письма? Если бы я хотела, то могла бы писать до завтра. Берегите себя — это вечное повторение мое, — не падайте, оставайтесь иногда в постели. С тех пор как я приставила к моей маленькой девочке кормилицу, похожую на кормилиц времен Франциска I, я думаю, вы должны следовать всем моим советам.

Вы думаете, что я не поеду повидаться с вами в этом году? Из любви к вам я все иначе устроила; но ваши носилки меня расстраивают; хорошо средство, чтобы не бегать в этом году! Увы, я должна сказать, что для меня нет другого места, кроме того, где вы находитесь. Ваш портрет стоит на моем камине, вас обожают в Провансе и в Париже, при дворе и в Ливри. Вам трудно, дочь моя, отплатить за все это — вам против воли придется быть неблагодарной. Обнимаю вас и люблю вас и буду вам всегда повторять это, потому что всегда чувствую одно и то же. Я поцеловала бы этого плута Гриньяна, если бы не была на него сердита.

Г-н Поль умер восемь дней тому назад. Наш сад от этого очень мрачен.

37. Госпоже де Гриньян

*Пятница вечером, 13 мая 1671 года,
у г-на Ларошфуко*

Я нахожусь возле человека, который вас любит и умоляет верить ему. Ему очень приятно было слушать описание ваших марсельских каторжников. Г-жа

Лафайет диктует мне много прекрасных вещей, которых я вам не скажу. Мы поехали гулять в Фавероль в Исси, где соловей, белый боярышник, сирень, фонтаны и прекрасная погода доставили нам всякие невинные удовольствия. Мы с вами были здесь когда-то, и это возбуждает мою нежность. Здесь мы встретили кошку, которая хотела выцарапать глаза у г-жи Лафайет. Она думала, что это можно себе позволить, помните? Теперь я сказала «прости» всем красотам этого края; я отправляюсь в другой, довольно суровый, впрочем, нет ни одного места, где бы я не думала только о вас. Я поручила мою внучку г-же Амело, г-же д'Ормессон, а особенно г-же дю Пюи дю Фу, с которой я провела вчера два часа; она будет заботиться о ней как о своем ребенке. Я попрощалась с Юземами и со многими другими. Наконец все кончено. Г-н Рамбюр умер. Можете ли себе представить его жену огорченной и с повязкой? Если вам нравится быть вполне любимой, то вам должна нравиться моя привязанность.

38. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 31 мая 1671 года

Наконец я очутилась в этих бедных Роше. Можно ли без грусти видеть эти аллеи, этот маленький кабинет, эти книги, эту комнату? Бывают приятные воспоминания, но бывают такие живые и такие нежные, что их еще труднее переносить. Воспоминания о вас принадлежат к числу последних. Вы понимаете, какое впечатление они производят на такое сердце, как мое...

Если вы будете продолжать чувствовать себя хорошо, то я приеду к вам только в будущем году. Бретань и Прованс несовместимы. Странная вещь длительные путешествия. Если бы можно было чувствовать себя всегда так, как в ту минуту, когда приезжаешь, то, я уверена, никто никогда не двинулся бы с места. Но

Провидение заставляет забывать это, то же Провидение, которое заставляет женщин забывать страдания родов. Бог дает это забвение для того, чтобы не иссяк человеческий род и чтобы можно было ехать в Прованс. Предстоящее путешествие доставит мне великую радость в свете. Как грустно думать, что не будет конца вашему пребыванию там! Я хвалю вас и все больше и больше удивляюсь вашему благоразумию, хотя, сказать вам правду, я очень недовольна невозможностью видеть вас; я надеюсь, со временем мы будем смотреть на вещи иначе. Надо надеяться, потому что без этого утешения нам оставалось бы только умереть.

Иногда в этих лесах я предаюсь таким мрачным мечтаниям, что возвращаюсь домой словно после болезни. Мне кажется, что вы не скучали в Марселе. Напишите мне, как вас приняли в Гриньяне. Здесь сыну моему устроили особую встречу. Вальян велел явиться пяти сотням человек. Все были хорошо одеты и в новых галстуках. Они выстроились, чтобы встретить нас в одном лье от Роше. Но вот недурное приключение: г-н аббат написал, что мы приедем во вторник, а потом забыл. Все эти бедные люди ожидали нас во вторник до десяти часов вечера, и, после того как они, опечаленные и сконфуженные, возвратились к себе домой, мы преспокойно приезжаем в среду, не подозревая даже, что нас ожидало целое войско. Эта неудача нас очень огорчила. Но нечего делать! Вот как мы начали свой приезд. Мадемуазель Дю Плесси все та же, какой вы ее оставили. У нее новая подруга в Витре. Она ею гордится, потому что та умна, прочла все романы и получила два письма от принцессы Тарентской. Я передала через Вальяна, что ревную ее к ее новой подруге и что хотя ничем не обнаружу своей ревности, но сердце мое страдает. Все, что она ответила на это, достойно пера Мольера. Забавно видеть, как она меня жалеет и старается в моем присутствии не произносить имени моей соперницы. Я также очень хорошо играю свою роль. Мои молодые деревья

великолепны. Пилуа восхваляет их до небес с удивительной честностью. Но, кроме шуток, они очень красивы, все эти аллеи, которые были посажены при вас. Вы знаете, я пишу на деревьях девизы. Вот, между прочим, слова, написанные мною для сына: «Vago di fama»¹. Вчера я начертала в честь лентяев: «Bella cosa far niente»².

Ах, дочь моя, мои письма стали совсем дики. Где то время, когда я писала о Париже, как все прочие, а теперь я вам сообщаю только новости о себе; но я уверена, они вас интересуют. Мое здешнее общество мне очень нравится. Наш аббат всегда очарователен. Мой сын и Ламус хорошо со мною ладят, и я с ними также. Мы постоянно друг друга ищем, и, когда дела разлучают нас, они приходят в отчаяние. Они не могут понять, как можно предпочитать счет фермера рассказам Лафонтена. Они любят вас все страстно. Вероятно, они вам напишут. Дочь моя, любите меня постоянно: моя душа живет вашей любовью. Я говорила вам уже много раз, что вы составляете все мои радости и все мои страдания. Когда я думаю, что остаток моей жизни пройдет вдали от вас, эта жизнь кажется мне покрытой тоской и мраком.

39. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 21 июня 1671 года

Наконец, дочь моя, я вздохнула свободно, вздохнула на манер г-на де Ла Суша. Мое сердце освободилось от тяжести. Вот уже две почты пришли без ваших писем. Я страшно беспокоилась за ваше здоровье. Решила, что вы питаете всем на свете, кроме меня. Мне легче было думать, что вы меня забыли, чем беспокоиться за ваше здоровье. Но, боже мой, я рас-

¹ Вперед, к славе! (лат.)

² Отлично подходит для безделья (ит.).

каиваюсь в том, что описала вам все свое беспокойство. Вам неприятно будет читать в то время, как я уже перестану беспокоиться. Вот несчастье — жить вдали друг от друга! Впрочем, оно не единственное на свете. Вы пишете мне удивительные вещи о ваших обрядах на «Празднике Господнем». Они носят совершенно светский, мирской отпечаток. Я не понимаю, как ваш святой архиепископ (кардинал Гримальди) допускает это. Правда, он итальянец и обычай этот взят из его страны.

Вы, дочь моя, красивы, не бледны, не худы и не изнурены, как принцесса Олимпия. Ах, я слишком счастлива. Во имя Бога веселитесь и старайтесь заботиться о себе. Благодарю вас за то, что вы тщательно одеваетесь. Ваша небрежность, за которую вас так часто бранили, в сущности, только равнодушие честной женщины к своей внешности. Ваш муж должен радоваться этому; но, поверьте мне, это довольно неприятно для посторонних зрителей. Потрудитесь, дорогая моя, удлинить ваши короткие юбки. Наши барышни в Витре — одну из них зовут Бонфуа де Крокуазон, а другую Керборн — носят юбки до самой земли.

Я называю здесь Лаплеси мадемуазель де Керлуш; эти имена приводят меня в восхищение. У нас тут постоянные дожди, и вместо того, чтобы сказать: «После дождя наступает хорошая погода» — мы говорим: «После дождя наступает дождь». Все наши работники разбрелись, и ваши письма вы можете адресовать мне не под сень деревьев, а к огню камина. У меня с самого приезда было много дел. Мы еще не знаем, останемся ли здесь на время собрания штатов. Несомненно одно: что мы вас не забываем. Мы говорим о вас очень часто, и хотя я говорю много, я еще больше думаю — и днем и ночью, словом, я думаю постоянно, как люди думают о Боге, когда действительно Его любят; я часто даже не желаю говорить о вас. Надо отучаться от излишества и чтобы быть вежливой и не надоедать никому. Я пользуюсь своими старинными уроками.

Мы читаем здесь очень много. Ламус просил меня, что хочет читать Тассо со мною вместе. Я ведь хорошо знаю итальянский язык. Это меня развлекает. Его знание латинского языка и здравый смысл делают из него хорошего ученика, а я по своему методу и благодаря учителям, бывшим у меня, сделалась хорошей учительницей. Сын мой читает нам разные мелочи, комедии, которые он изображает не хуже Мольера, стихи, романы, повести. Он очень забавен. Он помешал нам читать серьезные книги, как мы вначале собирались. Когда он уедет, мы примемся за какой-нибудь трактат о морали Николя. Но надо главным образом стараться проводить свою жизнь весело и с небольшим покоем. Но как это сделать, когда живешь в разлуке с вами? Вы очень верно заметили: «Мы говорим и видим друг друга словно сквозь густую траурную вуаль». Вы знаете Роше и можете легко себе представить меня тут. Но я — я не знаю, где вас найти. Я представляю себе Прованс, дом в Эксе, и все это, быть может, гораздо лучше действительности. Я нахожу вас там; Гриньяна я тоже вижу. Но у вас нет деревьев. Это очень жалко. Я не представляю себе, где вы гуляете. Я боюсь, чтобы ветер не унес вас с вашей террасы. Если бы я могла надеяться, что он принесет вас ко мне, я держала бы постоянно открытыми все окна. Но я начинаю говорить безумные вещи. Я нахожу, что замок Гриньянов очень красив. Он напоминает старинных Адемаров. Я рада, что аббат вас любит. Его сердце так настроено вами, словно я его изготовила собственноручно. Вот почему я люблю аббата. Ваша дочь забавна. Она не осмелилась мечтать о совершенстве носа своей матери, и она даже не захотела этого... Я не скажу вам более ни слова. Она решилась избрать третий путь... У нее маленький, почти четырехугольный носик. Вы не сердитесь, дитя мое? Но теперь смотрите на себя. Вот все, что вы должны делать, чтобы закончить благополучно то, что так хорошо начато. Прощайте, мое дорогое дитя. Поцелуйте г-на де Гриньяна за меня. Наш аббат ему кланяется.

40. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 1 июля 1671 года

Вот и июнь прошел, я немало удивлена этому, я думала, ему конца не будет. Помните ли вы тот сентябрьский месяц, о котором говорили, что он не хочет уступить свое место октябрю? Этот июнь был похож на него; но я теперь хорошо вижу, что всему бывает конец; я даже убеждена в этом.

Фуснель очень приятное место; мы отправились вчера туда, мой сын и я, в коляске, запряженной шестеркой лошадей; ничего нет приятнее, красивее этого: кажется, что летишь. Мы сочинили песни, которые вам посылаем. Мы так ценим вашу прозу, но это не мешает нам посылать вам наши стихи. Г-жа Лафайет очень довольна вашим письмом. Вот и решено: ваш брат покидает нас. Ламус и я — мы погрузимся в хорошее чтение. Тассо нас очень занимает, всякие мелочи развлекали нас до сих пор из-за моего сына. Он считается королем всех глупостей. Я буду совершать длинные прогулки одна тет-а-тет, как говорил Тонкедек. Верите ли, что я постоянно думаю о вас? У меня тоже есть свой маленький друг, которого я нежно люблю; самая любезная вещь в мире — это хорошо исполненный портрет.

Что бы вы ни говорили, ваш портрет хорош. Ваши письма из Гриньяна вознаградили меня за прошлые огорчения; я жду ваши письма всегда с нетерпением, но, верно, я часто пишу слишком длинно; хотела бы на сей раз быть благоразумной. Несправедливо судить вас по мне: это мера произвольная; у вас меньше досуга, чем у меня.

...Вот пришла мадемуазель Дю Плесси; она крепко меня поцеловала, просит меня показать ей места в ваших письмах, в которых говорится о ней: Мой сын имел наглость сказать ей при мне, что вы вспоминаете о ней с удовольствием, и тут же говорит мне: «Покажите же письмо, чтобы она в этом не сомневалась». Я покраснела, как краснеете вы, когда думаете о чужих грехах. Я вынуждена была солгать. Я сказала, что сожгла ваше письмо.

Вот шалости нашего знаменосца. Я получила очень ласковое и учивое письмо от Гито. Он пишет, что с некоторых пор нашел во мне тысячу хороших качеств, о которых не думал. Я же ответила ему, что он еще больше меня полюбит, когда узнает лучше. Я пишу лучше всякие глупости, чем избитые мысли, над которыми мы столько раз смеялись. Я уверена, что вы сумеете воспользоваться помощью мадам Суриян. Надо прекратить тон дружбы и интимность как можно скорее, чтобы заставить людей исполнять нашу волю и прихоти. Иначе приходится умереть, и умереть от дурной шпaги. Я дала слово, дорогая моя, сейчас закончить; я делаю над собою усилие, чтобы оставить вас в покое. Наша переписка — единственное удовольствие моей жизни. Я убеждена, что и вы так думаете. Обнимаю вас, моя дорогая крошка, и целую ваши прекрасные щечки.

41. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 5 июля 1671 года

Это доказывает вашу любовь, моя дорогая, что вы так цените все мелочи, которые я вам пишу. Вы охотно интересуетесь мадемуазель Крокуазон: взамен этого нет ни одного слова в вашем письме, которое бы мне не было дорого. Я не смею начать читать их из боязни, что я их слишком скоро прочитаю, и, если бы не утешала меня возможность начинать их снова несколько раз, я бы чтение их продолжила, но, с другой стороны, нетерпение заставляет меня их пожирать. Я хотела бы знать, что бы я сделала, если бы у вас был почерк де Аквиля; помогла бы мне сила любви разобрать его? Поистине я этому почти верю. Об этом рассказывают разные истории. Впрочем, я очень люблю Аквиля, но не могу привыкнуть к его почерку; я ничего не разберу, что он пишет; мне кажется, что он говорит в треснувший горшок. Я разбираю, догадываюсь, перебираю слова, и затем, когда теряю нить, я сержусь и бросаю

все. Говорю это вам все по секрету; я бы не хотела, чтобы он знал, сколько хлопот он мне причиняет: он воображает, что его почерк печатный. Но как вы справляетесь с его почерком? Мой сын уехал вчера; он очень не хотел расставаться с нами; я всегда стараюсь внушать ему все хорошее: прямоту, честность и благородство. Он легко поддается моим внушениям; но вы знаете слабость человеческую. Я отдаю все в руки Провидения и оставляю себе только утешение, что не могу себя ни в чем упрекнуть относительно сына. Он умен и весел, и без него нет возможности не скучать. Мы опять начнем трактат о нравственности г-на Николя.

Будь я в Париже, я бы прислала вам эту книгу, она очень понравилась бы вам. Мы с удовольствием продолжаем Тассо; стыдно признаться; что я опять взялась за «Клеопатру», которой, благодаря скверной памяти, я снова заинтересовалась. Это ужасно. Но вы ведь знаете, что я совсем не строга и щепетильна на этот счет и люблю подобные книги, и я позволяю себе развлекаться ими под предлогом, что сын заставил меня их читать. Он читал нам тоже несколько глав из Рабле, от которых мы покатывались со смеху. Зато он много беседовал со мною, и если я не ошибаюсь, то мои рассуждения останутся у него навсегда в памяти. Я его хорошо знаю и часто за его остротами вижу его настоящую душу. Если он осенью получит отпуск, то вернется сюда. Я в большом затруднении из-за собрания штатов. Первое мое намерение было бежать, чтобы не делать расходов; но вы знаете, что пока г-н Шон будет объезжать свою провинцию, его супруга будет ожидать его в Витре, куда она приедет через двенадцать дней, на две недели раньше своего супруга; она просила меня не уезжать отсюда, не повидавшись с нею. Вот чего нельзя избежать, не решившись разойтись с ними навсегда. Правда, во избежание скучных посещений я могла бы уехать в Витре, но мне не хочется проводить целый месяц в такой суете. Вне Парижа я предпочитаю только деревню.

42. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 12 июля 1671 года

Получила всего одно письмо от вас, дорогая дочь моя, и очень жалею, так как привыкла получать два. Как опасно приучать себя к дорогим и нежным заботам, подобным вашим. Не легко после обходиться без них.

Если братья мужа приедут к вам этой осенью, то вы проведете время в приятном обществе. Кoadьютор был немного нездоров, но он совсем поправился. Его лень невероятна, и он тем более виноват, что, когда хочет, может очень хорошо писать.

Он все еще вас очень любит и поедет к вам в середине августа: раньше невозможно. Он клянется (но я не верю ему), что он все летает и у него нет ни одной ветки для отдыха. Это мешает ему писать, кроме того, ему больно глазам.

Вот все, что я знаю о «г-не Вóроне» (Seigneur Corbeau). Предоставляю вам удивиться странности моих знаний. Я тысячу раз в день вспоминаю время, когда вы были постоянно возле меня. Увы, дорогая дочь моя, теперь я все пою песню о вас: «Когда же настанет то время, пастушка?..» Жалею об этом времени во все дни моей жизни, и ценой всей жизни я желала бы его возвратить. Я не скажу, чтобы я имела на совести, что недостаточно сознавала удовольствие быть с вами; я клянусь вам, что я никогда не смотрела на вас равнодушным взглядом, тем взглядом, который создает привычка. Я смотрела на вас с нежностью и всегда радовалась, глядя на вас.

Если бывали минуты, в которые я этих чувств не обнаруживала, то это только от избытка чувства. Поэтому не в этом могу я себя упрекать. Я только жалею, что недостаточно видела вас, что иногда сознательно (жестокая политика!) лишала себя этого удовольствия. Однако, что же я делаю? Я наполняю письмо тем, чем переполнено мое сердце. Многих мыслей надо касать-

ся только слегка и даже притворяться, что не замечаешь их. Я думаю, что вы точно так же делаете. Заклинаю вас особенно заботиться о вашем здоровье, если вы хоть немного дорожите мною; веселитесь, не предавайтесь пустым, несбыточным мечтам, не огорчайтесь, доведите свою беременность до благополучного конца, и затем, если г-н Гриньян любит вас и не вознамерился убить вас, то я знаю, что он сделает или, вернее, чего он не сделает.

Неужели у вас хватит духу не окончить Тацита? Оставили ли Германика среди его побед? Если вы сыграете с ним эту проделку, то сообщите, на чем вы остановились, и я окончу вместо вас. Это все, чем могу услужить вам. Мы дочитываем Тассо с удовольствием.

Мы открыли в нем красоты, которых не замечаешь при поверхностном знакомстве с ним. Мы начали трактат о нравственности. Это то же, что Паскаль. Кстати, о Паскале. Я удивляюсь всегда честности господ почтальонов, беспрестанно находящихся в дороге только для того, чтобы отвозить и привозить наши письма. Нет дня, чтобы они не привезли вам или мне по письму. Они ходят всюду и всегда. Их очень много и в городах, и в деревнях. Добрые люди! Как они услужливы, и что за прекрасная выдумка почта, и как мудро Провидение вдохнуло в людей чувство корыстолюбия! Я часто хотела письменно выразить им мою признательность; и я бы это давно сделала, если бы не Паскаль. Я прочла у него главу, в которой он пишет, что и они, может быть, столько же благодарны мне за то, что я пишу, насколько я благодарна им за то, что они отвозят мои письма.

Возвращаюсь к нашим чтениям: я обязалась окончить Тацита без ущерба для «Клеопатры». Вы знаете, как я строго исполняю такие обещания. Я иногда задумываюсь над страстью моей к таким пустякам. Мне самой это непонятно. Вы, может быть, помните, как ухо мое бывало оскорблено дурным слогом, я знаю немного толк в хорошем слоге, и никто больше меня

не ценит силы красноречия. Слог Кальпренеда во многих местах отвратительный: длинные периоды в его романах, неудачные слова и выражения. Все это меня раздражает. На днях я писала моему сыну об этом приятном слогe. Я нахожу, что слог Кальпренеда совсем не годен. И, несмотря на все это, я не могу оторваться от книги. Возвышенность чувств, сила страстей, занимательность событий и чудесные подвиги страшных шпаг героев — все это меня увлекает, как маленькую девочку; я живу ими. Не будь тут г-на Ларошфуко и г-на д'Аквиля, которые меня утешают, я бы повесилась из-за этой моей новой слабости. Признаю себя неправой и продолжаю. Мне особенно лестно будет исполнить ваше поручение — сохранить вам дружбу аббата. Он душевно любит вас: мы часто говорим о вас, о ваших делах и о ваших совершенствах. Он очень бы хотел раньше, чем умереть, побывать в Провансе и оказать вам какую-нибудь услугу. Мне пишут, что бедная г-жа Монлуэ дошла до сумасшествия; она долго безумствовала, не проливая слезы. Теперь у нее высокая температура и она плачет; она говорит, что хочет быть осуждена на вечные муки, потому что муж ее, вероятно, уже осужден. Мы продолжаем строить нашу часовню. Погода теплая, вечера и утра прекрасные, в наших лесах и вокруг моего дома прохладно; у меня в комнате тоже. Я очень опасаясь, что вы не так легко приспособились к жаре Прованса. Остаюсь, как всегда, вашей, моя дорогая и милая дочь. Поклон г-ну Гриньяну. Продолжает ли он еще обожать вас?

43. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 15 июля 1671 года

Если бы я вам сообщала все мои мечты о вас, то мои письма были бы самыми длинными в мире. Но это не совсем удобно, а потому я пишу только то, что

можно писать, мечты же остаются мечтами. Для них здесь у меня много времени. У Ламуса маленький флюс, а у аббата распухло колено. Это дает мне свободу распоряжаться временем по своему желанию. Я люблю гулять по вечерам до восьми часов. Сын мой уехал. Здесь тишина, спокойствие и полное уединение, как нигде. Нелишне говорить вам, дорогая моя, о ком я думаю и с какой нежностью; вы и без моих слов догадываетесь. Если бы вы не были в интересном положении и крылатый конь водился бы еще на земле, то могли бы оказать мне любезность, а именно сесть на него верхом и время от времени приезжать видаться со мною. Это было бы не трудно, он объезжал ведь всю землю в два дня. Вы могли бы даже обедать со мною и возвращаться к ужину к Гриньяну или ужинать здесь, чтобы вместе потом гулять. Вы вернулись бы на следующий день прямо к обедне.

Мой сын в Париже; он там недолго останется. Двор вернулся — ему нельзя показываться. Смерть герцога Анжуйского я считаю большой потерей. Г-жа Виллар пишет мне довольно часто и всегда говорит мне о вас; она нежна и умеет любить, за это я чувствую привязанность к ней. Она просит передать вам много лестного от ее имени — ее письмо переполнено уважением и любовью к вам; отвечайте ей на маленьком полулисточке, который я смогу ей послать. Маленькая Сен-Жеран пишет мне каракульки, которых я не разбираю. Я ей отвечаю резко и грубо — ее это очень занимает.

Мы все еще с удовольствием читаем Тассо; я уверена, что для вас это чтение было бы интересно, если бы мы были втроем. Большая разница — читать книгу одной или с людьми, которые указывают вам на красивые места и будят ваше внимание. «Мораль» Николя превосходна, и «Клеопатра» идет своим чередом, но мы читаем ее не торопясь и в часы досуга: на этом чтении я обыкновенно засыпаю. Оригинальность этого сочинения мне больше нравится, чем

его слог. Что касается чувств, то они мне даже очень нравятся: они доведены до совершенства, они отвечают моему идеалу прекрасной души. Вы знаете, что я люблю также и удары шпаги. Я говорю это по секрету.

Девушка Дю Плесси удостаивает нас своими частыми посещениями; она вчера рассказывала за столом, что в Нижней Бретани хорошо едят и что на свадьбе ее золовки съели в один день тысячу двести блюд жаркого. Мы были поражены, словно все превратились в камень. Наконец, набравшись духу, я сказала ей:

— Мадемуазель, подумайте хорошенько! Вы хотите сказать, именно тысячу двести блюд жаркого? Порой можно ошибиться.

— Нет, сударыня, — отвечала она, — тысячу двести или тысячу сто блюд; я не хочу утверждать точно, чтобы не соврать, но я помню наверное, что было одно из этих двух чисел!

И она повторила это двадцать раз, не уступив нам ни одного цыпленка. Мы сосчитали, что при таком угощении нужно было по крайней мере триста слуг и они все должны были работать, чтобы подавать к столу, а самые столы надо было установить на громадном лугу, построив на нем предварительно палатки; и если надо было только пятьдесят палаток, то тогда пришлось бы начать постройку месяцем раньше. Этот рассказ недурен; вы бы остались им довольны, если бы слышали. Нет ли и у вас такой лгуны?

Часы, дорогая моя, которые вы мне подарили и которые всегда или спешили, или опаздывали на час, на два, стали очень верны и не отстают ни на минуту от наших стенных часов. Я этому очень рада и снова благодарю вас. Засим я вся ваша. Аббат уверяет, что он обожает вас и что он жаждет оказать вам услугу; он сам еще не знает какую, но это все равно. Он любит вас столько же, сколько меня.

44. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 19 июля 1671 года

Не знаю, получили ли вы, дорогая моя, мои письма от 17 и от 21 июня; я всегда пишу вам два раза в неделю — это моя радость и утешение. Я получаю в пятницу два ваших письма, поддерживающих во мне бодрость всю неделю. Я нахожу, что вы со всех сторон окружены родными, и вижу вас исполняющей очень хорошо обязанности хозяйки дома. Уверяю вас, что приветливость гораздо благороднее и любезнее, чем холодность. Она совсем не к лицу хозяйке дома. Вы далеки от этого, и то, что вы делаете, хорошо. Желаю вам только средств, потому что готовности у вас довольно.

Вам, без сомнения, были приятны мои похвалы коадьютору во время его пребывания у вас. Я не принимала во внимание его подагру, когда писала вам. Ах, г-н Ворон, если бы ваши страсти ограничились необходимым «un poco di pane un poco di vino»¹, вы не дошли бы до настоящего своего положения. Надо переносить подагру, когда ее заслужил; мой бедный сеньор, я очень жалею вас, но это вам поделом.

Я нахожу, что вам далеко до одиночества. Я радуюсь за всех тех, которые могут развлечь вас. Г-жа де Рошбон скоро будет у вас. Кoadьютора можете оставить надолго. Предложение ваше закончить постройку замка он наверное примет. Куда ему девать свои деньги? Это не нарушит его экономии.

То, что вы утверждаете насчет правила, которое я написала, не придавая ему никакого значения, очень хорошо и верно. Если бы я его написала не так скоро и отделала бы на досуге, то, верно, я сказала бы то же, что вы. Словом, вы правы, и я никогда ничего не выпущу в свет, не посоветовавшись с вами.

Вы писали письмо Ламусу, за которое мы оба обязаны благодарить вас: оно все проникнуто дружбой

¹ Немного хлеба, немного вина (ит.).

ко мне. Со стороны Аквиля очень любезно, что он послал вам мое письмо. Наконец Бранкас написал мне такое нежное письмо, которое вознаграждает меня за прошлую его небрежность ко мне: он в каждой строчке уверяет меня в своей дружбе. Если бы я вздумала отвечать ему в том же тоне, то вышли бы письма вроде «Португалки».

Никого не надо хвалить, пока он не умер. Это хорошо сказано, мы ежедневно видим тому много примеров. Но в конце концов, друг мой, мнение публики не ошибается: оно хвалит, когда хорошо, и, так как у нее имеется хорошее чутье, она не долго бывает обманута и начинает порицать, когда дурно. Точно так же, когда переходишь от зла к добру, общее мнение одобряет это; оно не отвечает за будущее и говорит только о том, что видит. Графиня де Грамон и другие испытали последствия его непостоянства; но не оно меняется первым. Вы не имеете повода жаловаться на общественное мнение; оно не начнет с вас, чтобы делать несправедливости.

Наш аббат питает к вам нежность, за которую я его обожаю. Он находит в вас устойчивость. Она его восхищает и заставляет его сгорать нетерпением облегчить вашу жизнь и быть вам в чем-нибудь полезным. Он почти так же хочет ехать в Прованс, как и я. Мы заняты нашей часовней; она будет готова ко Дню Всех Святых. Я чувствую себя великолепно в моем полнейшем одиночестве. Этот парк теперь красивее, чем когда вы его видели. Мои маленькие деревья пышно разрослись, они отбрасывают тень. Это не то, что вы видели, когда торчали одни розги. Говорят, г-жа де Шон приезжает сегодня. Я пойду к ней завтра. Я не могу отделаться от этого визита, хотя предпочла бы быть в «Сарусине» или читать Тассо. Я так наострилась в итальянском, что вы будете удивлены моему искусству; я и сама ему удивляюсь.

Вы слишком хвалите мои письма, моя дорогая. Я крепко рассчитываю на вашу привязанность. Я дав-

но уже сказала, что вы правдивы. Эта похвала мне приятна — она нова и отличается от всех других, — но иногда она может повредить. Я чувствую в глубине моего сердца все добро, которое я испытываю от вашей правдивости. Ах, как мало правдивых людей на свете! Подумайте немного об этом слове «правда»! Вам оно должно нравиться! Я нахожу в нем, как я его понимаю, глубокую затаенную силу.

Божественная Дю Плесси в некотором отношении вся фальшива. Я ей оказываю чересчур много чести, говоря дурное про нее. Она играет всякие роли: то она представляет из себя святошу, то женщину со способностями, то робкую недотрогу, то чахоточную, то самую покладистую женщину в мире, но главным образом она копирует меня, доставляя мне большое удовольствие. Я как бы вижу себя в зеркале, только в смешном виде, или слушаю свое собственное эхо; но эхо отвечает мне глупости. Прощайте, моя милая! Вы ведь все замечаете! Не видно ли вам, как я красива по воскресеньям и как неряшлива в будни? Сообщите мне, имеете ли вы еще храбрость одеваться на выход. Боже мой, как счастлив тот, кто может видеть вас в Провансе! И какая будет для меня радость, когда уже я обниму вас! Этот день ведь должен настать когда-нибудь. В ожидании его я проведу очень жестокие дни, когда наступит время ваших родов.

Остаюсь преданная вам и вся ваша. Если вы меня любите, дорогая моя, то берегите себя.

45. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 22 июля 1671 года.

День святой Магдалины, в который был убит мой отец

Дорогая дочь моя, пишу вам с особенным удовольствием, хотя у меня ничего нового нет. Г-жа де Шон прибыла сюда в воскресенье, но знаете ли, каким об-

разом? Пешком и между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи. В Витре ее встретили, по ее же желанию, запросто; никто не обратил внимания на нее, а те, которые видели, приняли ее и людей ее за цыган и даже намеревались стрелять в них. Она приехала из Нанта через Герш. Ее экипаж и воз с вещами застряли в скалах в одном лье от Витре, где проработали до рассвета, пока доставили все в город. Я пошла к ней в понедельник. Не поверишь, как она обрадовалась мне. Красавица Мюринет с нею. Они здесь вдвоем ждут приезда г-на де Шона, который объезжает Бретань. Штаты соберутся дней через десять. Представьте себе мое положение в этой пустыне. Г-жа де Шон не знает, куда деваться от скуки, — я ее единственное убежище. Вы легко поймете, что и я ее предпочитаю мадемуазель Керборн; она будет здесь после обеда.

Все мои аллеи расчищены, а парк блестит; они здесь останутся два или три дня — погулять на свободе. Так как я ей говорила, что осталась здесь только ради нее, что хочу, чтобы она мое гостеприимство не скоро забыла, хотя не могу предложить ничего другого, кроме имеющихся здесь продуктов. Ах, боже мой, довольно об этих пустяках. Впрочем, еще должна передать вам тысячу поклонов от нее и сказать, что она ценит вас больше всех на свете. Г-н д'Аквиль научил ее тому.

Ну а вы, красавица моя, как там поживаете у Гриньянов? Все ли еще страдает бедный коадьютор подагрой? Все ли еще преследуют невинность?

Г-жа Кентен, сходством с которой мы вас всегда дразнили, точно парализована — она почти не может владеть ногами. Это очень удивительно — ей всего двадцать лет. Сегодня утром она в своей коляске остановилась у наших дверей и попросила вина. Выпив поднесенную ей кружечку, поехала в Пертр к кому-то вроде доктора, очень известного в этих краях.

Как вам нравится эта бретонская бесцеремонность? Она выезжала из Витре и, следовательно, не могла за-

хотеть пить. Таким образом, я поняла, что вся эта остановка произошла только для того, чтобы показать мне свой экипаж вроде Жана Парижского. Неужели я не выйду из новостей Бретани? Что у нас общего с какой-то женщиной из Витре?

Двор собирается в Фонтенбло; путешествие Рошфора и Шамбора отменили. Изменяя планы, на осень думают предупредить лихорадку дофина, которая повторяется у него ежегодно в это время в Сен-Жермене. На сей раз она будет обманута: она не застанет дофина там.

Аббатство де Ребе, принадлежавшее аббату де Фoa, отдали де Кондому. Бедный де Фoa! Здесь все оделись в траур по герцогу Анжуйскому! Я не собираюсь оставаться здесь на время собрания штатов — это мне тяжело. Наш аббат не может оставить свою часовню — это послужит поводом и для меня не оставаться здесь. Шум и суета Витре для меня далеко не так приятны, как мои леса, моя тишина, мои книги. Я оставляю Париж и друзей не для того, чтобы появиться на Собрании: мое достоинство, как оно ни ничтожно, не дошло еще до того, чтобы я бежала в провинцию, как плохие комедианты. Целую вас, дорогая моя, с нежностью; вся душа моя проникнута любовью к вам. А душа моя довольно обширна, когда она достигнет полноты чувства. Ваше здоровье дороже для меня моего собственного. Берегите себя, не падайте. Передайте мой поклон г-ну де Гриньяну.

46. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 26 июля 1671 года

Вчера я сидела совершенно одна с книгой в руке в моей комнате. Вдруг открывается дверь и входит высокая и очень красивая женщина; она задыхается от смеха и прячет за собою какого-то господина, который тоже смеется; позади этого господина есть еще моло-

дая женщина. Глядя на них, я стала тоже смеяться, не зная ни их самих, ни причины их веселости. Хотя я и ожидала сегодня г-жу де Шон — она должна пробыть здесь два дня, — я напрасно приглядывалась, я никак не могла думать, что это она; тем не менее то, несомненно, была она. Поменар, привезший ее в Витре, уговорил ее сделать мне сюрприз. Поменар был так весел, что мог развеселить самое скуку. Сначала играли в волан — в этой игре г-жа де Шон очень напоминает вас, — затем ужин, после ужина прелестная прогулка, во время которой мы все говорили только о вас. Я рассказывала Поменару, что вы чрезвычайно озабочены его делами, не столько текущими, сколько массой новых несправедливостей, огорчающих вас за него. Мы довели шутку до крайности. Гуляя по большой аллее, мы вспомнили, как вы упали здесь однажды; при этом я покраснела до корней волос. Говорили тоже о г-же дю Плесси и ее глупых выходках, о том, как вы дали ей пощечину, и я, чтобы смягчить обиду, сказала: «Смотрите, как эти маленькие девочки жестоко играют», а матери я заметила: «Сударыня, эти молодые создания так шалили, что подрались; ваша дочь дразнила мою, а моя ударила ее». Это было потешно. Как я этой уловкой развеселила г-жу Дю Плесси! Весь этот рассказ смешил их до смерти.

Мюринет одобряет ваш поступок и клянется следовать вашему примеру всякий раз, как Дю Плесси будет говорить ей дерзости. В настоящее время я их всех ожидаю. Здесь будут Поменар и Дю Плесси, они покажут мне письмо из Парижа, в котором говорится о пяти или шести пощечинах, данных какими-то дамами друг другу. Трудно себе представить более сумасбродного человека, чем Поменар. Его веселость зависит от уголовных дел; если у него будет еще одно дело, он умрет от радости. Мне поручено передать тебе тысячу поклонов. Мы тебя не переставали прославлять. Г-жа де Шон желает тебе такую же г-жу де Севинье в Провансе, какую она приобрела в Бретани.

Жду ее мужа, чтобы сдать ее ему на руки и быть свободной от обязанности развлекать ее. Дорогая моя, как жаль мне вас, что вы должны возиться с этой старой тетей д'Аркур. Какое стеснение, какая тоска! Для меня была бы такая тягость в тысячу раз несноснее, чем для всякого другого; вы одна были бы только способны заставить меня проглотить этот яд; клянусь вам, дитя мое, что если бы я была в Гриньяне, то очистила бы вашу комнату от таких гостей, что я много раз делала для вашего удовольствия. Я думаю, это высшее доказательство любви моей к вам, так как я ненавижу скуку хуже самой смерти и я очень желала бы посмеяться с вами, Вардом и г-ном Вороном. Отделайтесь поскорее от этой «трубы» Страшного суда. Я ее не люблю и уже двадцать лет должна ей визит.

По-моему, вам там живется очень хорошо. Наш аббат питает к вам нежность и почтение, которые трудно описать в двух словах. Он с нетерпением ждет план Гриньяна и г-на д'Арля; больше всего желает он вам сто тысяч экю, чтобы закончить ваш замок или употребить их по вашему усмотрению. Не все часы похожи на те, которые проводишь с Поменаром. Размышления, в которые погружаешься наедине с собой, далеки от веселых, и даже они вскоре наскучат. Я уже писала вам, что думала остаться здесь или в Витре. Наш аббат не может покинуть своей часовни; пустыня Бюрон или тоска Нанта с г-жой де Молак не нравятся его деятельному характеру. Теперь я буду часто приезжать сюда; г-жа де Шон будет всегда говорить, что меня ждет, чтобы избавить меня от посетителей. Что до моего лабиринта, то он красив со своими зелеными коврами и палисадником высотой до груди; это место чудное; но, увы, дорогая моя, пока надежды нет увидеть вас когда-нибудь здесь.

*Di memoria nudrirse puú che di speme*¹ — вот мой вечный девиз. Наши изречения вы всегда находили

¹ Жить больше воспоминанием, чем надеждой (лат.).

прекрасными. Вы, должно быть, чувствуете, что нет дня, нет часа, ни минуты, когда бы я не думала о вас, не говорила о вас: все мне вас напоминает. Мы кончаем Тассо: эту поэму мы читали с наслаждением. Ламус очень доволен мною, а вами еще больше, за честь, которую вы оказываете его философии. Для него вы не были бы менее умны, если б даже мать ваша была самая большая дура в мире. Мы намерены читать Гичардини, чтобы не забросить итальянский язык. Мюрине владеет им как французским. Я получила письмо от нашего кардинала; он бранит на чем свет стоит своего толстого аббата. Прощайте, дорогая моя! Я даже не говорю, что люблю вас. Завтра я закончу это письмо и расскажу, чем занята моя компания здесь.

В настоящую минуту она спит, потому что уже двенадцать часов. Совершив сегодня вечером большую прогулку, мы после ужина обстригли маленькую Серне и наложили первую повязку, которую снимем завтра. Красавица Мюрине так же искусна, как Вьен. Поменар только что ушел от меня; граф де Креанс требует его казни, на что Поменар не согласен; вот и процесс!

Г-жа де Шон рассказывала мне, что аббат Тетю, прожив некоторое время в Ришелье, поселился без всякого стеснения у г-жи де Фонтевро, где и пребывает уже два месяца. Они видели его проездом месяц тому назад; предлог был — оспа в Ришелье. Если это поведение не принесет ему пользы, оно может быть для него очень вредным. Г-н де Кондом намерен отказаться от своей епархии; г-жа де Шон говорит об этом как о свершившемся факте. Маленькая особа прислала стихи для его сестры, стихи нам не понравились. Я очень рада, что вам мои стихи понравились; барабанным боем нельзя было бы больше перевозносить их. Видно, до Гриньяна очень уже далеко, если мне отсюда не было слышно. Трудно представить себе, как меня эта даль огорчает и как грустно жить без вас. Прощайте, дорогая моя, я иду спать и целую вас.

Ваша малютка очень мила, и ее кормилица прелесть. Мои познания в этом отношении нечто вроде чуда и объясняют мне, каким образом любовь обратила кузнеца в превосходного живописца.

47. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 23 августа 1671 года

Итак, дорогая моя, у вас была президентша де Шарм, когда вы писали мне. Ее муж — близкий друг Фуке, не так ли? Наконец вы не одна, дочь моя. Г-н де Гриньян прав, что не дает вам засиживаться одной, не мешало бы ему тоже подстричь свою капуцинскую бороду. Правда, она ему до сих пор не мешала, так как в Ливри его «взбитая борода» (*touffe ébouriffée*) не навела вас на мысль, что Адонис был красивее его.

Я часто повторяю четверостишие ваше по этому поводу. Удивительно, какое глубокое впечатление оставляют в душе нашей некоторые воспоминания. Я живо представляю себе ту чудесную осень, но конец ее приводит меня в ужас. Ваши рассуждения о смерти де Гиза достойны удивления. У бедного Ламуса болят зубы, и я гуляю одна до поздней ночи. Чего только я не передумаю в одиночестве! Скуки я не боюсь, против страданий, идущих от самого моего сердца, я не в силах ничего предпринять. Но во всем остальном у меня счастливая натура: я умею приноравливаться и пользоваться всем; я даже чувствую себя лучше здесь, в уединении, чем в сутолоке и шуме Витре; я здесь вылечилась от насморка: пила воду, совсем не говорила, не ужинала, и хотя не сократила своих прогулок, однако вполне выздоровела. Г-жа де Шон приехала сюда в четверг, говоря, что не могла больше жить без меня, что вся Бретань была ей в тягость и что она просто изнывала. Сказав это, она бросилась на мою постель. Мы переполошились. Но она крепко заснула просто от одной усталости. Когда

она проснулась, она стала восхищаться свободой Роше. Мы отправились вглубь леса и сидели там в тени деревьев. Пока вся компания играла в шары, я заставляла ее рассказывать о Риме, о том, как она вышла замуж за де Шона. Мы бы еще долго так сидели, если б вдруг не полил дождь как из ведра. В одно мгновение промокли листья на деревьях, а затем и мы сами промокли до нитки. Мы пустились бежать, кричим, падаем, скользим; наконец прибежали домой, развелили огонь, переменили белье, рубашки, носки — все. Я всех снабдила, чем нужно; затем высушили ботинки и стали безумно хохотать. Вот как поступил дождь с губернаторшей в собственной ее губернии. После ужина бедняжка пустилась в обратный путь. Она была больше недовольна предстоящей ей скучной у себя ролью, чем обидой, нанесенной ей здесь дождем.

Она просила меня написать вам обо всем и приехать завтра помочь ей принимать штаты. Я обещала и то и другое. Сегодня исполняю первое из моих обещаний, а второе исполню завтра. Мне невозможно отделиться от этого.

Г-жа де Лафайет сообщит вам, каким образом г-н де Ларошфуко произвел своего сына-принца (де Марсильяка) в герцоги и король пожаловал ему пенсию. Манера дарить стоит больше самого дара. Не правда ли? Мы часто смеялись тому, как все царедворцы обращаются с одними и теми же словами.

У вас теперь принц Адемар. Передайте ему, что я получила его последнее письмо, и поцелуйте его за меня. У вас там пять или шесть господ де Гриньянов. Хорошо еще, что они все так любезны и благовоспитанны, а то было бы вам горе от них. Мне пишут, что в Сюлли скарлатина и что тетя приедет, чтобы увезти детей, что будет весьма неприятно кормилице; но что делать? Надо покориться необходимости. Печально будет вам оставаться в Провансе после отъезда г-жи де Сонетер в Париж.

Прошу вас, дорогая моя, оказать мне любезность и не ездить мне навстречу, когда я к вам приеду, как вы

это сделали в прошлый раз. Вообще прошу вас больше всяких других дел позаботиться о себе. Помните свое положение, о котором я не перестаю думать и тревожиться.

Г-н Шезиер у меня. Он нашел мои деревья замечательными. Его они тем более удивили, что он совсем недавно видел их совсем маленькими, *не больше мизинца*, как выражается г-н де Монбазон о своих детях. Очень рада, что болезнь г-на де Гриньяна непродолжительна. Целую его и желаю ему всякого блага, как и его половине, которую люблю в тысячу раз больше себя самой. Наш аббат, твой покорнейший слуга, Ламус ждет обещанного письма.

48. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 16 сентября 1671 года

Сегодня я сердита, дорогая моя. Помните, как вы мне говорили: «Вы сегодня злые»? Мне грустно без известий от вас. *Любовь никогда не бывает спокойна*. Вот вам изречение. Здесь идет дождь. Мы одни, и очень невесело. Словом, вам больше радости, чем я испытываю сегодня. Против моего горя нет лекарства. Это главным образом беспокоит моего аббата, Ламуса, и моих людей. Я бы хотела, чтобы скорее наступила пятница, — я получу тогда ваши письма; сегодня только среда. Надо терпеливо выжидать, а терпение, как вы знаете, чуждая мне добродетель... Впрочем, через три дня все выяснится. Особенно я желала бы скорее узнать, как вы оправились после испуга. Я не выношу испугов: они могут расстроить вконец здоровье всякой и небеременной женщины. Меня успокаивает немного благоразумие. Я уверена, что вы не вставали несколько дней с постели. Не говорите больше, что не станете сообщать мне ничего о своем здоровье. Уверяю вас, такое умалчивание может привести меня в отчаяние. Не доверяя вам, я бы вечно была

в таком настроении, как сегодня. Мы живем очень далеко друг от друга, и если при душевном горе ждать помощи от письма, то у нас хватит времени повеситься, прежде чем оно дойдет по назначению.

Вчера я приняла маленькую дозу «Морали» Николя. Она принесла мне облегчение, но еще больше мне понравилась маленькая критическая статья, писанная против «Береники» Расина.

Она показалась мне веселой и талантливой. Она принадлежит перу автора «Сильфид», «Гномов» и «Саламандр». У него попадают слова, ничего не значащие, они обнаруживают даже в нем человека, незнакомого со светом; это очень жаль. Но таких слов немного, и можно не обращать на них внимания. Я прочитала все, прониклась его мыслью. Уверяю вас, она превосходна. Я знаю, что этот пустяк вас очень бы развлек, и потому как я желала, чтобы вы очутились здесь, сидели возле меня в своей маленькой комнате. Только не надо бы потом возвращаться в ваш замок, когда чтение наше было бы окончено. Я признаюсь, что мне тяжело было бы вас вновь отпустить. Самое жестокое для меня — это прощаться с вами. Я одна только знаю, что стоило мне мое последнее прощание с вами. Я с трепетом вспоминаю об этом. Надеюсь, что настоящее мое письмо застанет вас веселой, и прошу вас немедленно его сжечь. Кoadьютор может быть доволен, что я не отвечаю ему сегодня. Чтобы достойным образом кончить настоящее мое произведение, я хочу задать вам двадцать пять или тридцать вопросов. Есть ли у вас мушкаты? Вы мне пишете только про винные ягоды. Теплая ли у вас погода? Есть ли у вас такие миленькие зверьки, какие были у нас в Париже? Давно ли была у вас тетя д'Аркур? Вы понимаете, что, не получая так долго писем от вас, я совсем потеряла нить наших бесед. Ах, как мне хочется кого-нибудь прибить. Я была бы благодарна какому-нибудь глупому бретонцу, который привел бы меня в ярость! Вы писали мне прошлый раз, что вы довольны моим оди-

ночеством, что здесь я буду думать о вас. Это недурно сказано. Как будто во всех других местах я не думаю о вас? Прощайте, дочь моя, — на этом месте самое время закончить мое письмо. Я боюсь договориться до чего-нибудь несообразного; надо сохранять свое достоинство.

49. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 20 сентября 1671 года

Болезнь бедного кавалера де Бюу не напрасно внушала вам опасение. Этот молодой человек всегда нравился мне еще в Париже, и я охотно верю всему хорошему, что вы ему приписываете. Станным кажется только его страх смерти. Тут есть над чем подумать. Впрочем, совершенно верно, что мы все в такие минуты проникаемся надеждой на жизнь. Эта надежда усугубляет наше горе и приводит нас в отчаяние. Время, которое мы при обыкновенных обстоятельствах легко расточаем, стараясь по возможности коротать его, в такие минуты становится для нас дорогим, и мы готовы пожертвовать всем за один из дней, так равнодушно прежде проживаемых. Вот в какие мысли я иногда погружаюсь, живя в знакомой вам пустыне. Христианская мораль — прекрасное средство против всех зол, но я хочу, чтобы она была христианской, в противном случае она слишком пуста и бесполезна. Ламус находит меня довольно благоразумной в этом отношении. Но дунет первый ветерок, глянет один луч солнца — и ушли все мои размышления. Мы часто разбираем мнения Оригена и наше. Нам трудно было бы понять мысль о вечных муках. Разве только приказ короля или Священное Писание не привели бы нас к повинновению.

Я очень рада, что вам нравится прошение Буало. Не будучи таким знатоком, как вы, я нашла его все-таки замечательным. Ламус гордится вами. Вы чудная

ученица. Жаль, что вы покидаете Гриньян. Там у вас хорошее общество, и красивый дом, и красивый вид, и свежий воздух. Вы едете в маленький душный городишко. Там могут быть разные болезни и нездоровый воздух, и бедняга Куланж уже вас не застанет. Мне жаль его. Видно, ему не судьба видеть вас в Гриньяне. Не сведете ли вы его с собою на ваши собрания штатов? Это все же будет не то что дома. Вы, без сомнения, сами сознаете, как неприятно путешествовать в вашем положении в такое время года. На Собрании вы увидите впечатление, какое произведут протесты г-на де Марселя, я нахожу их очень мудреными и довольно ограниченными. Мне кажется, что мои уверения его в дружбе написаны в том же духе. Он уверяет меня, что готов служить вам только под одним условием, а я уверяю его в моей дружбе тоже только под условием. Я говорю при этом, что не сомневаюсь, что вы всегда найдете поводы быть ему обязанной.

Г-н де Лаварден приехал сюда прямо из Ренна в четверг вечером. Он рассказывал, какой ему сделали пышный прием. Он принес присягу в парламенте и произнес красивую речь. На следующий день я его отвезла в Витре, откуда в его же экипаже поехала в Париж.

Я буду там до конца ноября, а затем поеду за детьми; весной же, если даст Бог, увижу Прованс. Наш аббат желает ехать со мною, чтобы повидаться с вами и привести вас сюда. Боже мой, как давно уж вы живете в Провансе! В жизни вовсе не стоит иметь привязанности; то и дело чувствуешь, как у тебя сердце рвется на куски. Но в чем же средство против привязанностей? Надо всегда иметь под рукой эту «Мораль», как бутылочку с уксусом, чтобы нюхать на случай обморока. Я должна признаться, дочь моя, мое сердце заставляет меня очень страдать. Я легче справлюсь со своим умом, чем с настроением.

Я очень довольна вами. Не думайте, чтобы я была чересчур щепетильна. Моя нежность могла бы сде-

лать меня такой, но я никогда ее не слушалась, и, когда она неблагоразумна, я ее браню. Но верьте мне, что я вас люблю, и то, что меня трогает, тронуло бы всякого на моем месте. Я пишу это вам для того, чтобы вы не думали, что со мною трудно жить. Нет, дорогая моя, я согласна, что надо делать так, как вы сделали. Но что я говорю! Я вижу все, я чувствую все, и я преисполнена любовью к вам.

Вы рисуете мой портрет и сами удивляетесь его красоте. Знаете ли вы, что все это делает меня очень жалкой. Вы сравниваете меня с образом, созданным вами и полным преувеличений. Я очень смеялась над этим городком Карпантра, который вы запираете, словно чтобы он отдохнул, когда он уж очень вам надоест. Ваши дамы хорошо нарисованы в своих платьях, но что за лица! Я нигде не видала таких физиономий. Как прекрасен ваш облик в вашем скромном платье! Как бы я хотела вас видеть и поцеловать от всего сердца. Ради бога, дитя мое, берегите себя, избегайте всяких испугов. Я не одобряю вашего путешествия.

Молю Бога, чтобы бедный шевалье (де Бюу) поправился. Целую негодяев... Вы дали мне самое жалкое представление о том месте, какое я занимаю в сердце г-на де Гриньяна, говоря, что мне отведен только остаток его сердца, не занятый вами. Я знаю, что значит такой остаток. Но придется удовлетвориться и этим. Король принял г-на д'Андии не лучше, чем мы бы его приняли. Оставим г-на Помпона устраиваться на его хорошем месте.

50. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 23 сентября 1671 года

Вот уже четыре дня, как у нас свирепствует буря. Все аллеи залиты водой, и гулять по ним невозможно. Наши каменщики, плотники — все сидят дома. Словом, я возненавидела эту страну и ежеминутно стрем-

люсь к вашему солнцу. Вы, может быть, соскучились по нашим дождям. Мы обе, кажется, поступаем правильно.

В Витре бедный аббат де Монтиньи; архиепископ Леонский отправился в края более прекрасные, чем наши. Он около шести недель пребывал между жизнью и смертью. Наконец смерть взяла верх и он успокоился. Он не предвидел конца, потому что был без сознания, но брат его, генеральный адвокат, безутешен. Я часто навещаю его, и мы вместе плачем: в таких случаях приходится делать все возможное. Я единственное его утешение. Впрочем, я большей частью живу в своей комнате, читаю и не смею носу высунуть на улицу. Сердце мое спокойно относительно вас — я думаю, что вы здоровы. В противном случае эти сентябрьские бури окончательно бы меня извели. Это ее предательство: такая погода и двадцать рабочих... Мне остается только кричать... *Quos ego!*¹

Я продолжаю «Мораль» Николя; она восхитительна. До сих пор я еще не нашла у него никакого средства против дождя, но я надеюсь еще найти, так как я нахожу там все. Собственно, я могла бы удовольствоваться покорностью воле Божьей, но я ищу специального средства.

Одним словом, эта книга замечательна. Никто не писал так хорошо, как эти господа, то есть Николь и Паскаль. Я говорю, Паскаль, потому что во всем прекрасном я всегда встречаю его имя. Людям обыкновенно бывает так приятно слушать рассуждения о себе и о своих чувствах, что нам нравится, даже когда говорят о нас зло. Я охотно прощаю автору выражение «опухоль сердца» и даже думаю, что трудно отыскать более подходящие слова для выражения понятия надутой гордости и тщеславия. Попробуйте найти другое слово! Я окончу чтение этой книги с удовольствием. Читаем мы, кроме того, историю

¹ Вот я вас! (лат.)

Франции, начиная с короля Жана. Я хочу разобраться в ней и знать ее по крайней мере не хуже, чем историю Рима, в которой у меня нет ни родных, ни друзей. Словом, пока у нас будут книги, мы не собираемся умирать. Ламус очень доволен моим настроением. Душеспасительным чтением нам служит собрание писем г-на де Сен-Сирана. Г-н д'Андийи вам их пошлет. Я надеюсь, они вам понравятся. Вот и все, дитя мое, что может сказать вам настоящая отшельница.

Мне передали, что г-жа де Вернейль очень больна. Король говорил со стариком д'Андийи и держал себя при этом так мило и просто, как только мыслимо было. Он, видимо, был рад пощеголять своим умом перед старцем и заставить его восхищаться собой. Король сказал, что выбрал г-на де Помпона с особенным удовольствием и ждет его с нетерпением и что он, король, позаботится о его интересах, зная, что он человек небогатый. Затем король еще сказал старику, что тот из тщеславия написал в предисловии к своему «Иосифу», что ему уже восемьдесят лет; а тщеславие — это большой грех. Затем много смеялись и шутили. Король после всего прибавил, что не думает оставлять его в покое в его затворничестве, он за ним пошлет, он хочет его видеть как человека знаменитого во многих отношениях. Когда старик стал уверять короля в своей преданности, тот ответил, что никогда не сомневался в этом, потому что кто служит хорошо Богу, тем самым служит королю. Одним словом, то были сущие чудеса: король позаботился накормить его обедом и отправить его прогуляться в экипаже.

Андийи в восторге, он повторяет время от времени: «Необходимо унижить себя! Необходимо смирение!» Можете представить себе мою радость от всего этого, я ведь принимала немалое участие. Дай Бог, чтобы мои письма доставили вам такое же удовольствие, какое ваши доставляют мне. Дорогое мое дитя, целую вас от всего моего сердца.

51. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 30 сентября 1671 года

Мне кажется, что в настоящее время мнение архиепископа Леонского самое верное. Теперь он, вероятно, знает, сознательна ли материя или бессознательна, что за частицу разума дал Бог животным и все остальное. Вы видите, дитя мое, я думаю, что он уже на небе. *O che spero!*¹ Он скончался в понедельник утром. Я была в Витре и видела его, о чем очень жалею; лучше было бы его не видеть. Брат его, генеральный адвокат, безутешен. Когда я предложила ему приехать ко мне поплакать на свободе моих лесов, он ответил, что слишком глубоко несчастен, чтобы искать утешения. Бедному маленькому епископу было всего тридцать пять лет. Он был хорошо поставлен и обладал одним из блестящих умов, склонных к науке. Эта склонность его и погубила, как и Паскаля. Он истощил свой организм. Подробности эти вас не особенно интересуют, но здесь они злоба дня.

Чтение Николя увлекает меня, в особенности третий трактат: «Средства сохранить мир между людьми». Прочтите его внимательно, прошу вас, и заметьте, как ясно объясняет он человеческое сердце и как в нем каждый может узнать себя, будь то философ-янсенист, или молинист, или кто бы то ни был. Это называется освещать фонарем самое дно человеческого сердца. Он открывает нам то, что мы ежеминутно сами чувствуем, но не имеем достаточно ума и искренности, чтобы понять свои чувства и самим разобраться в них. Одним словом, я никогда ничего подобного не читала. Вообще без чтения мы бы умерли здесь от тоски. Дождь льет беспрерывно. Я думаю, этого достаточно, чтобы изобразить нашу тоску. Но у вас ведь ясное солнце. Я очень жалею вас, что вы оставили Гриньян: там прекрасная погода. Вы жили на воле и в хорошем обще-

¹ Какая надежда! (лат.)

стве, и среди осени вы покидаете деревню, чтобы замкнуться в душном городе. Мое воображение страдает от этого. Разве г-н де Гриньян не мог отложить свое собрание! Разве не от него это зависело? И что стало с бедным де Куланжем?

Уединение лишает нас всякой мысли; каждая мелочь нас волнует. Я читаю и перечитываю ваши письма с любовью и удовольствием. Я не в силах высказать вам всех моих чувств. Досуг свой я занимаю тем, что отвечаю на ваши письма, но все же остается достаточно времени для тоски. Наш аббат возгордился вашими лестными письмами.

Ламус читает наставление в вере по праздничным и воскресным дням. Он хочет попасть в рай. Я ему говорю, что это одно любопытство с его стороны. Он хочет убедиться, что такое солнце: действительно ли куча вращающейся пыли или огненный шар. Прощайте, дорогая моя, как видите, то, что мы делаем, называется щекотать себя, чтобы смеяться. Целую вас очень нежно и прошу позволить думать о вас и от всей души любить вас.

52. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 4 ноября 1671 года

Ах, дочь моя, сегодня минуло два года со дня страшного происшествия в Ливри, когда сердце мое было в тисках, но таких воспоминаний лучше всего избегать. Бывают мысли, которые словно ранят голову. Поговорим лучше о Николе, о нем мы давно уже не говорили. Вы здраво рассуждаете о том равнодушии к мнению людей о нас, которое этот писатель советует иметь. Я вполне с вами согласна; что необходимо немного благодати и что одной философии далеко не достаточно. Он так высоко ставит мир и согласие с ближним, он советует достигать мира ценой стольких жертв, что после этого невозможно оставаться равнодушным

к тому, что мир о нас думает. Угадайте, чем я занята: я вновь начинаю читать этот трактат. Право, я бы хотела сделать из него отвар и выпить. Меня приводят в восторг его рассуждения о гордости и самолюбии, которые видны во всех диспутах и обыкновенно прикрываются громким именем любви к правде. Этот трактат писан для многих, но мне кажется, что главным образом автор имел в виду меня. Он говорит, что красноречие и легкость выражаться придает известный блеск мыслям. Это выражение красиво и ново; слово «блеск» (*éclat*) на своем месте. Как вы находите? Нам не мешало бы прочесть еще раз эту книгу в Гриньяне. Если бы я была вашей сиделкой после родов, то это было бы удобно. Что могу я на таком расстоянии сделать для вас больше, как ежедневно заказывать обедню и беспокоиться о вас без всякой пользы? У меня, однако, работают десять или двенадцать рабочих: они воздвигают часовню. Они бегают по балкам, словно висящим в воздухе, и каждую минуту так и кажется, что сломают себе шею. Я гляжу на них снизу, и у меня от страха подкашиваются ноги. Я думаю о Промысле Божием, создавшем корысть, я благодарю Бога, что находятся люди, которые за двенадцать су готовы сделать то, что другой не сделает за сто тысяч золотых.

Ах, как счастливы те, которые живут в деревне, имеют свой уголок земли, сажают свою капусту, — я это читала у очень хорошего автора.

У нас тоже несколько рабочих заняты насаждением новой аллеи; в хорошую погоду, когда нет проливного дождя, я сама держу деревья. Но погода приводит нас в отчаяние. Я готова мечтать о каком-нибудь сильфе, который перенес бы меня в Париж.

Г-н Лувины не имел средств, чтобы купить должность своего отца, а г-н Лафейяд пошел в гору; я никогда не думала, что он с такой легкостью пойдет по стопам Фортуны. У тети был приступ лихорадки, она очень меня испугала. У вашей крошки болят зубы; она кусает как вы, это забавно. Что вам сказать еще? Я жи-

ву как в пустыне; никогда еще я не была больше одна, чем в этом году. Я ждала Латрош, но она больна. Итак, мы совсем одни и много читаем. Прощайте, мое дорогое дитя, вся ваша *hasta la muerte*¹. Целую коадьютора из Арля, полковника Адемара и прекрасного шевалье.

53. Госпоже де Гриньян

Воскресенье, 15 ноября 1671 года

Признаюсь, что вопрос мой о том, сохранили ли вы мои письма, сделан мною без всякого основания, так как вы им всегда оказывали больше чести, чем они заслуживали, храня их даже тогда, когда еще играли в куклы; но нет ящичка, способного вместить их, — для моих писем нужен целый сундук.

Ничего нет смешнее того, что вы рассказываете об имени Адемара. Единственная пометка на его письмах — это подпись.

Я еще не знаю, как будет называться полк. Я вам писала мое мнение об этом. Вы знаете, что мне нравится имя Адемар и я буду стоять за него с опасностью для жизни. Но я очень боюсь, что не мы выйдем победителями; вот красивый девиз: «*Che peri, pur che m'innolzi*»². Вот подходящая речь для смелого и честолюбивого юноши, для будущего маршала Франции.

Мне хотелось бы знать ваше мнение о нем; не знаю, где я его вычитала; не думаю, чтобы я сама сочинила его. Что касается г-на Гриньяна, то если, как вы пишете, он предпочитает дрозда вам, то я люблю сову больше, чем его. Радость моя, вызванная вашими письмами, не может быть продолжительна, когда вспомню о предстоящих ваших родах. Вы решились рожать в Ламбеске. Есть ли там ваш хирург? Маленькая Девиль пишет, что есть хирург, которого

¹ До самой смерти (*исп.*).

² «Пусть погибнет всякий, лишь бы я преуспевал» (*лат.*).

вы знаете. Боюсь, не слишком ли он молод; ему придется пускать кровь, а для этого требуется опыт. Право, я и сама не знаю, что говорю; берегите себя больше всего. Прошное пусть послужит вам уроком.

Писала ли я вам, что устроила самую красивую аллею в свете, работая сама среди рабочих? Никто мне не помогает, потому что здесь страшная стужа. Ламус бегает двадцать раз взад и вперед, чтобы согреться. Аббат хлопочет постоянно по нашим делам, и я одна, в моем длинном плаще, погружена в мечты о Провансе, которые меня никогда не покидают. Я хотела бы узнать здесь, что вы уже разрешились от бремени, так как утомление вместе с беспокойством о вас кажутся мне не по силам. Сообщите мне, какой девиз избрал Адемар. Он, должно быть, в большом затруднении: г-н де Гриньян будет отстаивать свой Гриньян по праву, Рувиль предлагает другой, придется примириться с девизом «*petit glorieux*».

Вы спрашиваете, зеленые ли еще у нас листья? Да, очень еще зелены, немного перемешаны с красными и желтоватыми листьями. Все вместе составляют прелестную узорчатую ткань.

Вот две добрые вдовы, г-жа де Соннетер и г-жа де Левилль. Первая богаче второй, а вторая красивее первой. Отчего вы ничего не пишете о ваших Собраниях — они продолжают дольше наших? Напишите о своем здоровье. Если вы находите такие вопросы нелепыми, то вам ничего другого не остается, как сжечь мои письма не читая. Аббат целует вас родительски и закликает вас рожать сколько вам будет угодно детей, только до нашего приезда. Прощайте, моя дорогая и милая, поручаю вам мою жизнь.

54. Госпоже де Гриньян

Роше. 29 ноября 1671 года

Дорогая моя, трудно себе представить радость мою, когда я получила пакет, известивший меня о благопо-

лучном разрешении. Видя адрес, написанный Гриньяном, я догадалась, что вы уже родили, но как-то странно себя почувствовала, не видя дорогого вашего почерка; впрочем, там было одно ваше письмо от 15-го, но я держала его в руках и не видела, настолько письмо г-на де Гриньяна меня ошеломило. Наконец я его открыла и со странным трепетом прочла. Я нашла в нем все, чего могла желать на свете. Как вы думаете, что делают люди при таком избытке радости? Спросите коадьютора, если вы не испытали сами. Знаете ли вы, что делают? Сердце ваше сжимается, и вы не можете удержаться от слез. Я это и сделала, дорогая моя, и с каким удовольствием! То были слезы счастья — слезы, полные сладости, которую нельзя ни с чем сравнить, даже с самыми сильными удовольствиями. Вы как философ знаете причину всего этого. Я же их только чувствую и буду служить Богу молебны в благодарность за Его милость. Если б мое состояние духа продолжалось долго, жизнь была бы чересчур приятна. Но надо пользоваться настоящим — горести быстро приходят. Какое счастье родить сына и крестить его именем Прованса! Вот что называется исполнение желаний. Благодарю вас, дочь моя, множество раз за три строчки, приписанные вами, — они довершили мою радость. Мой аббат в таком же восторге, как я. Ламус ликует. Прощайте, ангел мой; мне еще предстоит писать много писем.

55. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 23 декабря 1671 года

Пишу, чтобы немного поболтать с вами. После того как я в самый день приезда сюда отправила вам письмо, маленький Дюбуа принес мне ваше письмо, которое я считала потерянным. Можете себе представить, как я ему обрадовалась. Я хотела сейчас же

ответить, но г-жи Лафайет, де Сент-Жеран и Виллар помешали мне. Я вполне понимаю ваше участие в положении г-на де Лозена. Все ваши размышления по этому поводу естественны и верны. Здесь начинают понемногу забывать его. Вот страна, которая легко забывает несчастных! Говорят, де Лозен был в таком отчаянии во время дороги, что боялись оставить его хотя бы на одну минуту одного. Когда в одном опасном месте ему предложили выйти из коляски, он ответил: «Эти опасности не для меня созданы». Он говорит, что он безупречен во всем относительно короля, но единственная вина его в том, что у него слишком могущественные враги. Король на это ничего не ответил, и его молчание обнаруживает ясно свойство вины г-на де Лозена. Он думал, что его оставят в Пьер-Ассизе, и, после Лиона, стал прощаться с д'Артаньяном, но, когда узнал, что его везут в Пиньероль, он вздохнул и произнес: «Я погиб». Во всех городах, что он проезжал, его встречали с большой жалостью — его опала действительно велика.

Король в то время позвал г-на де Марсильяка и обратился к нему со словами:

— Я даю вам губернию Берри, которой управлял Лозен.

Марсильяк ответил:

— Государь, ваше величество знает лучше всех на свете законы чести. Ваше величество вспомнит, что я не был другом де Лозена, и, если захочет на минуту войти в мое положение, рассудит, могу ли я принять милость, которую мне предлагают.

— Вы слишком щепетильны, — сказал король. — Я понимаю не хуже другого. Вы не должны смущаться этим.

— Если ваше величество одобряет, то я бросаюсь к его ногам с благодарностью!

— Я назначил вам тысячу двести франков в ожидании лучшего.

— Да, государь, вручаю их в руки вашего величества.

— А я, — сказал король, — даю вам их во второй раз и отдаю вам честь за ваши возвышенные чувства.

Произнеся это, он повернулся к своим министрам, рассказал им про щепетильность г-на де Марсильяка и прибавил:

— Я восхищаюсь этой разницей: Лозен так и не удосужился меня поблагодарить за губернаторство Бери, а вот человек преисполнен благодарности!

Все это вполне верно, мне рассказал это г-н де Ларошфуко. Я подумала, вам понравятся эти подробности; если нет, напишите мне. Ларошфуко очень страдает от своей подагры, хуже, чем в предыдущие годы. Он все говорил мне про вас; он любит вас, как свою дочь. Принц де Марсильяк был у меня и тоже все время говорил о вас.

Мое дорогое дитя, я видела г-на де Мема; он потерял наконец свою дорогую жену. Он заплакал, увидав меня. Я также не могла сдержать слезы. Вся Франция выразила ему соболезнование. Советую вам написать ему. Вы сделайте это в память Ливри, которое вы еще любите. Неужели мои письма вам приятны? Мне они не кажутся приятными, когда я кончаю их писать. Они, видимо, приобретают ценность только после того, как попадут в ваши руки. Одним словом, дорогое дитя, для меня это счастье, что письма мои вам нравятся, иначе вы были бы достойны сожаления, получая их в таком изобилии. Г-н де Куланж спрашивает, которой из ваших дам мои письма пришлись по вкусу. Мой слог так небрежен, что надо обладать природным и светским умом, чтобы примениться к нему.

Я послала за Пеке, чтобы посоветоваться об оспе твоей малютки. Он испугался сначала, но потом был удивлен ее силе, что она смогла изгнать этот яд. Он думает, что она проживет сто лет после такого хорошего начала.

Наконец я собралась с силами и беседовала двенадцать часов с Куланжем. Мне кажется, что, кроме него, не с кем говорить. Я считаю большим счастьем для себя, что мне пришлось у него жить. Однако теперь, мое сердце, говорю я себе, берегись слабости человеческой! Укрепляя себя такими словами, я одолела уже свою первую слабость, но Като еще раз сбила меня с толку. Она входит. Мне казалось, она должна мне сказать: «Барыня вам кланяется и просит вас приехать к ней». Она же рассказала мне все ваше путешествие и что вы иногда вспоминали обо мне. В течение одного часа я была довольно зла. Я играю с вашей дочкой. Вы не особенно ею заняты, но мы вам за это мстим: она меня обнимает, знает, зовет меня просто «мама», а о другой маме в Провансе ни слова.

Король уезжает 5 января в Шалон и совершит еще много других поездок и несколько смотров по дороге. Путешествие продлится двенадцать дней, но офицеры и войско отправятся дальше. Я предвижу еще какой-нибудь поход вроде Франш-Конте. Вы знаете, что король — *герой на все времена года*.

Бедные царедворцы в отчаянии: у них нет су за душой. Бранкас чистосердечно просил меня вчера одолжить ему под залог, обещал никому не говорить об этом, предпочитая иметь дело со мною, чем с кем-либо другим. Латрусс просит меня посвятить его в тайны Поменара, чтобы существовать честным образом. Словом, все они уничтожены. Я все прошу Шатильона сочинить для вас экспромт. Он просит на это восемь дней срока. Я не согласна, потому что экспромт будет тогда уже старый. Он, наверное, достанет его со дна знакомой вам охотничьей сумки. Прощайте, прекрасная графиня, надо знать меру. Я пишу уж не письмо, а целый том. Целую трудолюбивого Гриньяна, г-на Ворона, надменного Адемара и счастливицу Людовика Прованского, которому все астрологи и феи предсказывают добро.

56. Госпоже де Гриньян

Париж. Новый год 1672 года

Вчера была у г-на де Юзеса. Он обещал известить меня о результате аудиенции его у г-на Ле Теллье. Он хотел даже, чтобы я привела с собою г-жу де Куланж. Но до сих пор — а теперь уже десять часов вечера — я письма от него не получала. Вероятно, г-н Юзес решил писать вам непосредственно. Советую Гриньяну смягчать по возможности строгие королевские приказы, объяснив предварительно, что сделаться ему ненавистным населению — значит лишиться возможности служить королю. Если же надо будет отсылать приказы, то люди умные советуют медлить с их исполнением до получения ответа короля, к которому Гриньян должен обратиться с письмом как человек, знающий местные условия, и просить для блага службы королевского помилования. Если бы вы только знали, как нападают на Гриньяна за то, что он слишком мало внимания обращает на свой край, а заботится только о том, чтобы привести людей к повиновению, вы поняли бы, как трудно угодить на всех. Если бы он делал обратное, было бы еще хуже. Те, которые завидуют высоте его положения, не замечают его трудностей. Например, в настоящее время разве вы не достойны сожаления?

Путешествие короля окончательно отложено, но войска идут вперед, в Метц. Севинье уже там, а Латрусс сегодня уезжает; оба полны добрых намерений, и оба без денег.

Архиепископ Реймский шлет вам тысячу сердечных поклонов; он передал мне, что г-н де Юзес сегодня вовсе не видел его отца, и уверяет, что король особенно доволен вашим мужем и что охотно принимает поднесенный им ему подарок от провинции, но за неточное исполнение приказов шлет тайный указ об изгнании консулов. Он говорил еще многое, но обо всем писать неудобно. Мой совет Гриньяну — исполнять

обязанности королевской службы ревностно, но в одно и то же время стараться немножко щадить сердца населения Прованса, чтобы таким способом вернее заставить повиноваться королю. Г-н де Ларошфуко пишет, и я присоединяюсь к нему, что ваше письмо превосходно. Если вы думаете противное, вы, значит, мало понимаете толк в этом. Оно очень приятное, очень умное. Вот вам наш ответ. Прощайте, дорогая моя графиня! Я день и ночь думаю о вас. Дайте мне повод служить вам, чтобы насытить мою любовь.

57. Госпоже де Гриньян

Париж. Вторник, 5 января 1672 года

Вчера, в понедельник, 4 января, король принимал у себя голландского посла. Он потребовал, чтобы при этом присутствовал принц де Тюренн, г-н де Буйон и г-н де Креки. Посланник, вручая королю письмо, просил прочесть его, но король его не прочел, хотя Голландия просила этого. Король ответил, что содержание письма ему известно, что у него есть копия в кармане.

Несмотря на такой ответ, посланник заговорил очень подробно об оправданиях, находившихся в письме, о том, что штаты Голландии рассмотрели внимательно свои действия и не могут понять, чем могли вызвать неудовольствие его величества. Они всегда были к нему почтительны. Между тем носят слухи, что все вооруженные приготовления Франции направлены против них. Они готовы покориться во всем воле его величества и просят вспомнить доброту к ним других французских королей, предшественников его величества, которым голландцы всецело обязаны своей силой.

Король начал речь. Она была величественна. Он говорил с достоинством и удивительно красиво, он говорил, что ему известно, как возбуждают его врагов против него, что, не желая быть застигнутым врасплох, он считал благоразумнее укрепиться на суше и на море,

чтобы во всякое время быть готовым к защите, что, после некоторых еще распоряжений, он весной поступит так, как найдет более выгодным для блага и славы своего государства. Затем кивком он дал понять послу, что не ждет от него ответа. Речь посла соответствовала письму. Но в письме только было прибавлено, что Голландия исполнит все требования короля, лишь бы только не пришлось ей ссориться с ее союзниками.

В тот же день г-н де Лафельяд был назначен командиром гвардейского полка. Он принес присягу в присутствии маршала Франции, как принято, и король, находившийся при том, обратился сам к полку и сказал, что он назначает ему в начальники г-на де Лафельяда, и собственноручно передал ему пику. Это обыкновенно делает комиссар от имени короля. Видно, его величество хотел оказать ему особую милость при церемонии.

Г-да Данжо и Лангле поссорились на улице Якобинцев из-за денег, выигранных в карты. Данжо угрожал. Лангле сказал, что он совсем забыл, что имеет дело с Данжо, а Данжо в свете не слывет за опасного человека. Их помирили. Дело в том, что они оба были виноваты и упреки обоих были жестоки и неприятны. Лангле заносчив и чересчур фамильярен со всеми. На днях он играл с графом де Грамоном. Тот заметил ему по поводу его вольности обращения: «Г-н де Лангле, оставьте вашу фамильярность на тот вечер, когда будете играть с королем».

Маршал Бельфон испросил разрешения короля продать свое место. Никто лучше его не будет исполнять свои обязанности. Я уверена — и все того же мнения, — что он хочет расплатиться с долгами и подумать единственно о спасении своей души.

Г-н генеральный прокурор (Nicolas le Camus) назначен первым председателем. Этот шаг для него очень важен. Не забудьте ему написать вы оба, или, если кто из вас напишет один, пусть другой сделает приписку в письме. Председатель Николаи ушел со своего места. Вот сколько новостей!

58. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 6 января 1672 года

Дорогая моя, вы не желаете, конечно, чтобы я продолжала плакать о вашем отсутствии, но эта судьба, посланная мне Богом, для меня очень жестока. Мне кажется, я никогда не привыкну к разлуке с вами. Но я уже молчу. Я не хочу распространяться более о моих чувствах, чтобы не подавать вам дурного примера и не колебать вашего мужества. Будьте спокойны, наслаждайтесь вполне величием вашего духа. Я справлюсь как сумею с моим сердцем. Вчера я была в Сен-Жермене. Королева много расспрашивала о вас, вопрос о родах был исчерпан до конца. Затем говорили о моей поездке в Прованс, несколько слов о Бретани и о счастье г-жи де Шон, что она меня там застала. Мы ведь были там обе вместе.

М. увлек меня к окну, чтобы говорить о вас, и очень серьезно просил передать вам, что он несказанно рад вашим благополучным родам. Его тон и любезность заставляют думать, что он не прочь быть всегда к вашим услугам, тем более что, говорят, ему наскучило обожать ангела г-жу де Грансе. Из его слов я старалась извлечь пользу какую только можно. Я нашла Мадам лучше, чем ожидала. Она была вполне искренна. Г-на де Монтозье я не видела, он был у монсеньора. Мне передали множество поклонов для вас, и меня самое осыпали комплиментами. Я рада возвратиться домой. Г-жа де Ришелье мне показалась удрученной; она даст ответ г-ну де Гриньяну. Она утомлена двором. Ее мельница, кажется, остановилась. Теперь, дорогая моя, как бы вы думали, кто у меня? Жители Прованса. О чем они говорят? О г-же де Гриньян. Кто входит в мою комнату? Ваша малютка. Вы говорите, что она напоминает мне вас. Это хорошо сказано. Вы, вероятно, хотите, чтобы я сказала, что я не нуждаюсь в напоминании.

Я сажусь в коляску. Куда я еду? К г-же де Валявуар. Зачем? Чтобы говорить о Провансе, о ваших делах, о ваших поручениях. Куланж сказал на днях:

— Вы видите эту женщину? Перед ее глазами всегда находится ее дочь.

Таким образом, дорогая моя, вам придется опасаться, что я буду выглядеть нелепо. Но не бойтесь, это приятное безумие. Кроме того, я умею применяться ко времени, месту и к людям, и может показаться, что я не всегда думаю о вас.

Я получила ваше письмо от 30-го. Вы мне не нравитесь, дитя мое, когда все браните свои милые письма. Что за охота вам нападать на свой ум, на свой слог, сравнивать себя с принцессой д'Аркур. Откуда вы набрались такого смирения? Оно нарушает справедливость и истину, оно неприятно моему сердцу. Что за манеры, дитя мое, бросьте их, умоляю вас, смотрите на вещи прямо; вам придется защищать себя против тщеславия, а это дело между вами и вашим духовником.

Ваша худоба меня убивает. Увы, где то время, когда вы в день съедали столовую ложку еды и всё боялись быть слишком толстой? Если вы еще раз забеременеете, то, верьте мне, вы погибли на всю жизнь. Вам никогда не поправиться.

Г-жа де Субиз снова родила. Она встала с постели все еще чересчур толстая. Поэтому ее никому не жаль. Очень жалею вас из-за вашего общества. Говорят, что губернаторство в Бретани дадут г-ну де Рогану. Он говорит словно во времена бретонских герцогов.

Вчера у г-жи де Куланж беседовали о вас, и г-жа Скаррон вспомнила, с каким умом вы некогда защищали одно дурное дело на том самом месте, даже на том же ковре, где мы сидели. Там были г-жа де Лафайет, г-жа Скаррон, Сегре, Кадрус, аббат Тетю, Гильераг и Бранкас.

Вас никогда не забывают, не забывают также ваших достоинств. Все еще живо. Когда я думаю о том, что вы живете так далеко от нас, я не могу удержаться от грустных вздохов, хотя я знаю, что вы живете как царица. Мы вздыхаем также и о нашей жизни здесь и в Сен-Жермене, словом, мы всегда вздыхаем.

Лозен, говорят, входя в темницу, сказал: «На веки веков». Я думаю, что здесь в одном месте ответили: «Аминь». Впрочем, не всюду. Кое-где, вероятно, сказали «нет».

Когда он ревновал вашу *соседку*, он лез в глаза, он наступал ей на руку и готов был на любые поступки. Вот что значит совершать серьезные грехи.

Ваша девочка красива. У нее голос, который проникает прямо в сердце. У нее очень милые манеры. Я играю с ней и очень ее люблю. Целую вас от всей моей души.

59. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 13 января 1672 года

Ах, боже мой, что вы такое написали! Какое удовольствие вам говорить так дурно о своей особе и о своем уме? К чему вы унижаете вашу хорошую жизнь? Вы не поверите, как это сердит и оскорбляет меня в моих лучших чувствах; хотя я и не должна отвечать на вещи, о которых вы пишете в шутливом тоне, однако я не могу воздержаться, чтобы вас не забранить. Понимаю вас, когда вы говорите, что боитесь остроумия известных господ; но если бы вы знали, как они ничтожны вблизи и как они сами подчас чувствуют себя сконфуженными, то вы бы немедленно сняли их с пьедестала. Вы, должно быть, забыли, как много раз они вам же казались смертельно скучными. Все предметы издали кажутся больше — это такой закон.

Мы ужинаем ежедневно с г-жой де Скаррон. Она обладает приятным и удивительно прямым умом; какое удовольствие слушать ее рассуждения об ужасных волнениях в стране, которую она хорошо знает, об отчаянии бедного Гедикура среди блеска занимаемого им положения, о постоянных беснованиях Лозена, о черной меланхолии дам Сен-Жермена, не исключая и самой счастливой из них (г-жи де Монтеспан)! С ней очень приятно беседовать. Эти разговоры увле-

кают нас далеко: от морали христианской мы переходим к морали политической. Часто беседуем о вас; она очарована вашим умом и манерами; когда вы вернетесь сюда, вам не придется сетовать, что вы отстали от жизни.

Дорогая моя, теперь послушайте, что говорят о доброте нашего короля, и поймите, какое счастье служить такому господину. На днях он позвал к себе маршала Бельфона в свой кабинет и сказал:

— Я хочу узнать причину, почему вы уходите от меня: из набожности ли, из желания ли удалиться или из-за долгов? Если из-за последних, то я прикажу войти в переговоры с вашими кредиторами.

Маршал, чувствительно тронутый этой добротой, ответил:

— Государь, это из-за долгов, я разорен, я несчастлив, что вижу затруднения друзей, одолживших мне деньги.

— Хорошо, — сказал король, — я постараюсь удовлетворить друзей ваших обеспечением долга; даю вам сто тысяч франков на ваш версальский дом и на четыреста тысяч франков грамоту в виде обеспечения на случай вашей смерти; сто тысяч покроют недоимки, и затем вы можете продолжать служить мне.

Надо обладать особенно черствым сердцем, чтобы не быть тронутым добротой такого повелителя, который входит в интересы одного из своих слуг. Маршал не противился и тут же был водворен на прежнее свое место и осыпан благодеяниями.

Все эти подробности верны. В Сен-Жермене ежедневно устраивают балы, комедии и маскарады. Король делает для развлечения Мадам больше, чем он когда-либо делал для другой.

Расин написал трагедию под названием «Баязет» — вещь в своем роде превосходную; эта, по крайней мере, не идет *empirando*¹, как другие. Г-н Таллар

¹ Здесь: плотно (*ит.*).

говорит, что эта пьеса настолько выше пьес Корнеля, насколько пьесы последнего выше Бюфля. Вот что называется похвалой; но истину нет надобности держать в плену; предоставим судить о пьесе нашим собственным глазам и ушам.

Шумом «Баязета» утомленная, моя душа рвется в театр; я хочу посмотреть комедию и сама судить о ней.

Недавно была я в Ливри: увы, дочь моя, оставшись верной себе, я думала только о вас! Погода была прекрасная, хотя очень холодная; солнце сияло, деревья покрыты алмазами и жемчугом; такое разнообразие приятно. Я много гуляла, на следующий день обедала в Помпоне; я не смогу пересказать вам все, что говорено было в течение пяти часов; мы не скучали. Г-н де Помпон будет здесь дня через четыре; мне было бы очень неприятно, если бы пришлось говорить с ним о ваших делах в Провансе; я думаю, он все равно не выслушал бы меня. Что до г-на Юзеса, то я, честное слово, никогда не видела в свете человека более умного и более рассудительного; жду его, чтобы сообщить вам, что он успел в Сен-Жермен.

Согласно вашей просьбе, пишу вам длинное письмо; надеюсь, вы этим останетесь довольны. По правде сказать, я иногда ужасаюсь громадности моих писем; только ваши ласковые уверения заставляют думать, что они вам не в тягость. Заклинаю вас, дорогая моя, беречь свое здоровье, стараться оправиться и не искушать Бога своими диалогами и соседством.

60. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница вечером, 15 января 1672 года

Сегодня утром послала курьера, который повез вам самые приятные новости относительно ваших дел в Провансе; но пишу еще раз сегодня вечером, чтобы почта не прибыла к вам без моих писем. Думаю, дорогая моя, что вы получаете их охотно, вы мне это

столько раз говорили, зачем стали бы вы обманывать меня и себя?

Но если это не так, то вы в самом деле достойны сожаления, получая их так много. Каждое ваше письмо доставляет мне блаженство. Я считаю вас такой совершенной, что могу только удивляться вам.

Пьеса Расина в самом деле прекрасно написана, я ее видела. Моя *невестка* — самая восхитительная актриса, какую я когда-либо видела. Она неизмеримо выше Дезие, и я, считающаяся хорошей комической актрисой, не достойна держать свечи для ее выхода. Она вблизи дурна, и я не удивляюсь, что моему сыну она не понравилась, но когда декламирует, то она обворожительна. Пьеса «Баязет» хороша; конец немного запутан, но страсть не такая иступленная, как в «Беренике». Впрочем, по моему малому разумению, она не лучше «Андромахи», а что до прекрасных комедий Корнеля, то ничто на свете не может даже приблизиться к ним, а не только превзойти его божественные строки. На днях он читал у г-на Ларошфуко комедию, которая напомнила его прошлое вдохновение

Если бы вы были на обеде, то не соскучились бы: любуясь невесткой, вы удостоились бы лицезреть ангелов (дев де Грансэ) и Лабордо, переодетую маленькой девочкой. Поменар с лакеями шел впереди, а герцог замыкал шествие. Поменар был до носа закутан в плащ, потому что граф де Креанс все еще хочет повесить его во что бы то ни стало. Вся знать была в театре: маркиз де Вильруа был в бальном костюме, граф де Гиш опоясан, как его дух, все остальные одеты бандитами. Я два раза видела графа де Гиша у Ларошфуко, он показался мне очень умным и более естественным, чем обыкновенно.

Наш аббат, у которого я живу, просит передать вам, что получил план Гриньяна, чему он очень рад, и уже предвкушает удовольствие гулять в тамошнем парке. У меня тысяча поклонов для вас от всех, знающих доброе расположение короля к графу де Гри-

ньяну. Г-жа де Вернейль чуть не умерла. Прощайте, дитя мое; что еще сказать вам о моей любви и заботах о вас? Целую превосходного де Гриньяна, осторожно-го коадьютора и надменного Адемара.

61. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 20 января 1672 года

Вот «Максимы» г-на Ларошфуко: они просмотрены, исправлены и дополнены: посылаю их вам от имени автора. Между ними найдете божественные, и, к стыду моему, я некоторые не понимаю. Бог знает, посчастливится ли вам больше меня! У нас спор архиепископа Реймса с архиепископом Парижа из-за обряда: Париж требует, чтобы Реймс испрашивал позволения совершать обряды, на что Реймс ни за что не согласен. Говорят, что эти два архиепископа никогда не будут жить в мире, что, будь они за тридцать миль друг от друга, они все же не перестанут спорить. Обряд состоял в причислении иезуита Борджиа к лику святых. Все певцы оперы выбивались из сил, свечи были зажжены до улицы Сент-Антуан; была страшная давка. Старик Меринвиль умер, не дойдя туда.

Не ошибаетесь ли вы насчет моих писем? Вчера один негодяй, увидев мое неоконченное письмо, спросил: неужели я думаю, что у кого-либо на свете хватит терпения прочесть его? Я испугалась, но не исправи-лась, не пропуская ни одной безделицы, могущей раз-влекать вас. Для меня только и жизни, и удовольствия, что в письмах к вам; ко всему остальному на свете я довольно безразлична. Ваш братец беспокоит меня. Он в походе, мерзнет и на неопределенное время от-правляется в Кёльн. Я надеялась видеть его зимой, а вышло совсем иное. Кончилось тем, что утешением моей старости стала мадемуазель де Адемар. Если бы вы знали, как она любит, ласкает и целует меня; она некрасива, но очень приятна, голосок очарователь-

ный, она бела и чиста; словом, я люблю ее. Мне кажется, что вы до страсти любите сына; я этому очень рада.

Завтра бал у Мадам. Мадемуазель волнуется из-за бриллиантов. Это заставило меня вспомнить наши прежние тревобления, о которых я теперь жалею. Могла ли я быть несчастной, живя вместе с вами? Вся моя жизнь полна раскаяния: г-н Николь, пожалейте меня и научите покориться воле Провидения! Прощайте, дорогая моя дочь, не смею сказать, что обожаю вас, но не допускаю любви выше моей. Ваша нежность ко мне смягчает и в одно и то же время увеличивает тоску мою о вас.

62. Госпоже де Гриньян

*Сент-Мари де Фобур. Пятница, 29 января
1672 года, День святого Франциска Сальского
и день вашей свадьбы*

Первая и главная моя глупость, что я помню годовщины всего. Вот место, дочь моя, где я пролила столько горьких слез в день вашего отъезда. Я содрогаюсь при одном воспоминании об этом. Вот уже час, как я гуляю одна в саду, все наши сестры ушли к вечерне в ожидании музыки; у меня хватило духу отделаться от этого. Дорогое мое дитя, я более не могу выносить ваше отсутствие. Воспоминания меня осаждают; я думала, что умру в этом саду, где я так часто вас видела.

Не желаю огорчать вас описанием моего настроения, тем более что ваша строгая добродетель не допускает слабостей человеческих. Бывают дни, часы, минуты, в которые я не владею собою. Я слаба и не хочу казаться сильной. В довершение всего посланный к кавалеру де Гриньяну привез известие, что он опасно болен; эта печальная весть окончательно доконала меня. Мне известно, что кавалер де Гриньян

все свое имущество отписал вам; как оно ни мало, примите это как доказательство его любви к вам. Впрочем, между Гриньянами нет ни одного, который бы относительно не был богаче вас. Я в отчаянии от предстоящей потери. Увы, маленький аспид де Роган спасся от смерти, а этот любезный, благородный, красивый человек с добрым сердцем, смерть которого никому не может быть приятна, погибает на наших руках. Будь я свободна, я бы не отходила от него. Я не боюсь заразиться, но я не завишу от себя.

Вчера г-жа Дюфренуа ужинала у меня. Она похожа на нимфу, богиню, но когда г-жа де Лафайет, Скаррон и я хотели сравнить ее с вами, то мы нашли ее многим ниже вас. Ее наружность и цвет лица хороши, но у нее странные глаза, ее нос нельзя сравнить с вашим, ее рот тоже грубее вашего. Кроме того, она так занята своей красотой, что, кажется, произносит только те слова, которые ей к лицу; невозможно представить себе ее говорящей о чем-либо вообще или с участием.

Что касается вашего ума, вашей жизни, мудрости и благоразумия, то обо всем было говорено. Я никогда не слыхала, чтобы кого-либо хвалили более, чем вас.

Говорят, что канцлер умер; не знаю, будет ли назначен хранитель печати до отправки этой почты. Графиня (де Фьеск) очень опечалена смертью дочери; она уехала в Сен-Мари-де-Сен-Дени. Не существует излишних предосторожностей при беременности и при родах, как нельзя избежать того и другого. Я ни на кого не намекаю. Прощайте, моя дорогая, письмо это будет короткое, так как трудно писать о чем бы то ни было при моем настроении. Вам печаль моя ни к чему. За мои длинные письма вы должны быть в претензии на самое себя и на ваши ласки, так щедро расточаемые мне. Целую вас тысячу раз; возвращаюсь в сад, затем к больным, не менее меня опечаленным.

Вот Магдалина Агнесса, входя, благословляет вас во имя Христа, Господа нашего.

63. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 3 февраля 1672 года

Вчера целый час беседовала с г-ном де Помпоном. Не хватило бы бумаги на моем столе, чтобы выразить радость нашего свидания. Мы слегка касались многих вопросов, распространяться о которых было некогда. Он нисколько не переменился. Он хорош, как всегда, и считает меня лучше, нежели я стою. Его отец дал ему понять, что он доставит ему удовольствие, если будет любезен ко мне. На досуге я заговорила с ним о епископе; он так же хорошо умеет слушать, как и отвечать. Он понял мои замечания насчет прелата и не одобрил, что человек его профессии добивается власти. Кажется, я ничего не забыла из того, что следовало мне сказать ему, и ушла от него, преисполненная радости от сознания, что эта дружба может оказать вам большую услугу.

Мы условились писать друг другу. Ему нравится мой безыскусный и беспорядочный слог, хотя его стиль — само красноречие.

Кавалер в том положении, как вчера; ему вечером, после соборования, было немного лучше, но он все еще очень плох. У него оспа показывается и сейчас же сохнет, так же как было у г-жи Сен-Симон. Рипер напишет вам подробнее меня. Я, впрочем, имею известия каждый день и очень беспокоюсь: я люблю его более, чем думала. Сегодня ночью с принцессой де Конти случился удар; она еще не умерла, но лежит без сознания, безмолвная, пульса нет. Ее мучат, чтобы привести в сознание. В ее комнате находятся сто человек, а в ее доме триста человек: все плачут, кричат. Вот все, что я знаю до последнего дня. Канцлер (П. Сегье) умер как великий человек; его остроумие, необъятная память, прирожденное красноречие и глубокая набожность соединились вместе, чтобы обнаружиться в последние дни его жизни: сравнение с факелом, удваивающим пламя, когда гаснет, подходит ему как нельзя лучше. Маскарон, исповедовавший

его, был смущен его ответами и цитатами; он толковал «Miserere» и заставил всех плакать навзрыд. Он цитировал Священное Писание и Отцов Церкви лучше окружавших его епископов. Словом, он умер прекрасной и необычайной смертью.

Что удивительнее всего, он не оставил большого состояния; он так же был богат при вступлении ко двору, как и при смерти. Правда, он пристроил семью. Словом, он всего оставил семьдесят тысяч ливров ренты. Разве это богатство для человека, прослужившего сорок лет канцлером и который сам по себе был богат? Смерть открывает многое, и все это я узнала не от его родственников.

Г-жа де Куланж и я сегодня присутствовали при богослужении. Г-жа де Вермейль так больна, что не могла принимать сегодня. Еще неизвестно, кто будет назначен хранителем печати.

Заклинаю вас упросить коадьютора ответить г-ну д'Ажану. Нехорошо не отвечать известному епископу. Я ежедневно собираюсь писать этому коадьютору; его неаккуратность портит меня, я его порицаю, а сама подражаю ему. Целую г-на де Гриньяна. Фигурируют ли еще дрозды? На днях была у меня дама, которая перепутала поговорку о дрозде и, вместо того чтобы сказать: «Она пьяна, как дрозд», сказала: «Первая президентша была глуха, как дрозд», чем вызвала взрыв хохота. Прощайте, дорогая моя дочь, я люблю вас больше себя. Ваша дочка милая и постоянно радует меня. Она с каждым днем делается красивее. Это маленькое хозяйство оживляет меня.

64. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 5 февраля 1672 года

Сегодня тысяча лет, как я родилась. Я в восторге, дорогая моя, что вам нравятся мои письма, однако я не думаю, чтобы они были так приятны, как вы гово-

рите. Посылаю вам четыре стопы бумаги — вы знаете, на каком условии. Я надеюсь из них получить бóльшую часть до Пасхи; после этого я буду стремиться к другим удовольствиям. Сегодня утром мне говорили, что кавалеру лучше. Он молод, и я надеюсь, Бог сохранит его. Принцесса де Конти умерла в четыре часа утра, через несколько часов после того, как я запечатала свое письмо; она не пришла в сознание и не произнесла ни одного здорового слова; порой она звала к себе Цецилию, свою горничную, и говорила: «Боже мой!» Надеялись, что ее сознание вернется к ней, но она больше ничего не говорила. Она умерла, вскрикнув, и судорожно сжала руку стоявшей около нее женщины. Трудно представить себе уныние окружающих: герцог, принцы де Конти, г-жа де Лонгвиль, г-жа де Гамаш заливались слезами. Г-жа де Жевр упала в обморок, г-жа де Бриссак громко кричала и металась из стороны в сторону; пришлось их выгнать, потому что не знали, что с ними делать. Эти две особы потерпели неудачу. «Кто хочет доказать слишком многое, тот ничего не доказывает», — сказал кто-то.

Итак, печаль всеобщая. Король казался тронутым и произнес ей надгробное слово, сказав, что она более выдавалась своей добродетелью, чем состоянием. Воспитание детей она поручает в своем завещании г-же де Лонгвиль. Я говорила, что только дьявол выиграет от этой смерти и что он заберет обоих маленьких принцев; но чтобы никто не радовался, они попали в хорошие руки. Г-н принц назначен опекуном. Двадцать тысяч экю роздано бедным, столько же слугам; она пожелала быть погребенной в своем приходе совсем просто, как самая незнатная женщина. Я не знаю, насколько эти подробности интересны; как бы то ни было, вот они, дорогая моя; вы хотите, чтобы мои письма были длинны, потому я пишу все. Я вчера видела эту святую принцессу; она изуродована врачами; ей вырвали два зуба и прижигали голову; поэтому, если бы бедная пациентка не умерла от удара, она была бы достойна

сожаления, оставшись в живых. Эта смерть наталкивает на глубокие размышления, она была бы жестока для всякой другой, но, так сказать, удачна для нее. Принцесса была постоянно к ней готова, но не почувствовала, когда она к ней пришла. Бранкас поражен этой смертью.

Третьего дня я забыла вам сообщить, что встретила в соборе Парижской Богоматери Канапля. После тысячи любезностей по адресу г-на де Гриньяна он мне сказал, что маршал де Вильруа его уверял, будто бы письмами г-на де Гриньяна восхищались в Совете, их читали там с удовольствием и король сказал, что он никогда не читал лучших писем. Я обещала написать вам про это. Дама, которой я вам не назвала в моем последнем письме, — г-жа де Лувуа. Кстати, г-н де Лувуа вот уже четыре дня вступил в Совет и заседает там в качестве министра. Завтра король утвердит его еще с шестью государственными советниками, и неизвестно, сколько времени это будет продолжаться; вот прекрасное занятие для короля, но он, наверное, отлично с ним справится. Мне приходят в голову смешные мысли о канцлере. Но откуда они могли взяться у меня, эти мысли, когда я так печальна все последние дни? Мои нервы натянуты, я не перестаю плакать. К чему убиваться над тем, что вне нашей власти? Это то же, что строить воздушные замки. Вы слишком благоразумны, чтобы любить подобные мечты. Я, впрочем, люблю их. Прощайте, дочь моя; целую вас с глубокой нежностью! Мне кажется, ваша любовь для меня нужнее и дороже жизни.

65. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 12 февраля 1672 года

Дорогая дочь моя, я могу только огорчаться за вас, думая о смерти бедного шевалье. Вы его видели недавно, этого достаточно, чтобы его очень полюбить и

чтобы лучше знать все его достоинства, дарованные ему Богом. Он человек благородный, его чувства были глубоки и честны, он был очень красив и бесконечно нежен к вам. Все это делало его очень приятным вам, как и всем окружающим. Я легко понимаю ваше страдание — я сама его испытываю, однако я хочу развлечь вас вещами, которые вас интересуют, и рассказом о том, что происходит в свете.

У меня был длинный разговор с г-ном Камю; он вполне понимает ваши чувства и дает мне хорошие советы. Он не выносит дурных поведений и легко понимает нас, так как мы прямы и искренни; что бы ни было, от искренности не следует отдаляться. Долго нельзя обманывать людей: обманщики бывают скоро накрыты. Я в этом твердо уверена. Г-н де Помпон того же мнения. Напишите поклон г-ну Камю: каждое ваше слово для него дорого, тем более что он не обязан отвечать вам.

Итак, как я вам передавала, маркиз де Вильруа уехал в Лион; король велел ему передать через маршала де Креки, чтобы он удалился; думают, что это из-за какой-нибудь речи у г-жи графини (Суассон). Короче,

Толкуют о воде, о Тибре, а об остальном молчат.

Король спросил у Месье, возвратившегося из Парижа:

— Что, брат мой, слышно в Париже?

Тот ответил:

— Много говорят о бедном маркизе.

— А что говорят о нем?

— Говорят, что он хотел вступить за другого несчастного.

— За какого несчастного? — спросил король.

— За шевалье де Лорена, — ответил Месье.

Король сказал на это:

— Разве вы еще думаете об этом шевалье? Вы были бы благодарны, если бы вам его возвратили?

— Да, государь, — ответил Месье, — я был бы в величайшей радости.

— В таком случае, — сказал король, — я вам доставлю эту радость. Вот уже два дня, как отправлена почта; когда она вернется, я возвращу вам вашего шевалье де Лорена, но я хочу, чтобы вы всю свою жизнь помнили это. Я сделаю даже более того — я назначаю его маршалом моей армии!

При этих словах Месье бросается к ногам короля, обнимает его колени и целует руку от радости.

Король его поднимает и говорит:

— Брат мой, мы как братья не так должны обнимать друг друга!

И король поцеловал его.

Все эти подробности совершенно верны. Я знаю их из самого верного источника. Обдумайте все это хорошенько, и вы увидите, что от такого поступка наше рвение к службе королю может только усилиться. Мадам, говорят, совершит путешествие, и многие дамы будут ей сопутствовать. У Месье эта история произвела неодинаковое впечатление.

У одних физиономии вытянулись на полфута, у других сузились. Говорят, у кавалера де Беврона лицо стало бесконечно длинным. Г-н де Наваиль тоже возвращается. Он будет служить генерал-лейтенантом в армии Месье вместе с Шомбергом.

Король сказал маршалу де Вильруа:

— Вашему сыну нужно было это маленькое наказание, но земные наказания не вечны.

Вы можете быть уверены в правде моих слов. Я ненавижу ложь.

Ла Маран на днях одна в пальто заходила к г-же де Лонгвиль. Немало шептались об этом. Ланглад пишет, что он ее как следует отделал за глупости, что она говорила про вас. Жаль, что вас не было тогда за дверьми, вы бы могли все слышать. Г-жа де Бриссак была безутешна у г-жи де Лонгвиль. К несчастью, граф де Гиш заговорил с нею, и она забыла свою роль

так же, как свое отчаяние в день смерти принцессы (де Конти). Она тогда лишилась чувств, но была мигнута, когда она забылась и очень хорошо узнавала всех окружающих.

Прощайте, моя дорогая и милая дочь. Не находите ли вы нашу разлуку слишком долгой? Я глубоко страдаю. Моя боль была бы невыносима, если б я не желала вас любить, несмотря на все.

66. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница вечером, 26 февраля 1672 года

Я получила письмо, которое вы мне послали через г-на де Лавалета: мне дорого все, что идет от вас. Я хочу, чтобы он взял Пелисона в докладчики, — посмотрим, будет ли он хорошим секретарем; я не поверю, пока не увижу сама.

Бедная Мадам все еще в агонии, ее состояние очень странно. В Париже все волнуются: из Испании пришла почта, королева Испанская не только придерживается Пиренейского договора, по которому нельзя угнетать своих союзников, но она будет защищать Голландию всеми силами; вот готова вспыхнуть величайшая война в свете, а из-за чего? Из-за пустяков.

Мы нападём на Фландрию; голландцы соединятся с испанцами, да хранит нас Бог от шведов, англичан, немцев! Я поражена этой новостью. Я бы очень хотела, чтобы какой-нибудь ангел спустился с неба, чтобы успокоить умы и водворить мир.

Наш кардинал (де Рец) все еще болен, я его окружаю заботами: он вас все еще любит и надеется, что вы его тоже любите.

Я постараюсь выяснить вам дело, о котором вы говорили в прошлый раз. Мне кажется, ни г-н граф де Гиш, ни г-н де Лонгвиль тут ни при чем, — словом, я вам объясню. Г-н де Буфле после смерти убил человека. Буфле лежал в гробу на колеснице: его везли,

чтобы похоронить. Его священник шел за телом; дроги опрокидываются, гроб падает и убивает бедного кюре. Вчера один человек опрокинулся, возвращаясь из Сен-Жермена; у него сделался разрыв сердца, и он умер в коляске.

Г-жа Скаррон ужинает здесь каждый вечер. Ее общество восхитительно. Она играет с вашей дочкой и говорит, что она красива, — «совсем не безобразна». Вчера эта малютка назвала аббата Тетю своим папой. Он защищался по весьма уважительным причинам; мы ему поверили. Целую вас, моя милая; в последний раз я вам сообщила столько новостей, что сегодня мне нечего говорить; но я вас уверяю, что я могла бы писать еще долго, если б желала изложить все мои чувства к вам.

67. Госпоже де Гриньян

Ливри. Вторник, 1 марта 1672 года

Дочь моя, я начинаю свое письмо сегодня, в последний день Масленицы, я его закончу завтра. Между тем как вы находитесь в Сент-Мари, я нахожусь у нашего аббата; он за последние два дня не совсем здоров, и это его беспокоит; меня это не особенно огорчает, но я бы хотела, чтобы он лучше был совсем здоров. Г-жа де Куланж и г-жа Скаррон хотели меня повезти в Венсен; г-н де Ларошфуко хотел, чтобы я пришла к нему читать комедию Мольера, но, по правде говоря, я от всего отказалась с удовольствием, и вот теперь я исполняю свой долг, радуюсь и печалюсь за письмом к вам; право, уже давно я вам пишу. Итак, вы в Сент-Мари; не желая ничем смягчить свое горе по поводу смерти бедного шеваляе, вы ничего не предпринимаете против этого горя, не хотите ничем развлечься.

Итак, вы проводите Масленицу вдали от общественных развлечений; оберегайтесь также воздуха, зараженного оспой: я боюсь за вас гораздо больше, чем

вы сами. Здесь у нас г-жа де Латрош; право, ей удастся приехать в Париж. В прошлом году ее пребывание здесь было для меня испорчено печалью от разлуки с вами. С тех пор вы, дорогое дитя, по вашим словам, побывали повсюду, но не были в Париже. Вы прекрасно рассуждаете о «Надежде». Если бы эти рассуждения написал Бурдело, вся вселенная о них бы знала; вы не шумите столько, чтобы творить чудеса; «горе счастья» так хорошо сказано, что нельзя достаточно восхвалить перо ваше, которое выражает подобные вещи. Вы все говорите о надежде, и я настолько с вами согласна, что не знаю хорошенько, ехать ли мне в Прованс, так я боюсь новой разлуки. Я уже вижу, как время будет лететь; я знаю это. Но после такого прекрасного размышления мое сердце решает, как и ваше, и я желаю ехать, я даже хочу надеяться привезти вас с собой; об этом трудно говорить издалека; по крайней мере, дочь моя, помещение и мебель будут готовы. Я думаю только о вас; для вас мои первые шаги, а все остальное следует потом.

Я ужинала вчера с Ларошфуко, Дю Плесси, Лафайет, Турнэ у Гурвиля; мы ожидали великого Помпона; но его почтенная служба помешала ему прийти в общество своих друзей; у него много дел, он должен писать всюду депеши по поводу войны.

Архиепископ Тулузский произведен в кардиналы в Риме; эта новость дошла сюда в то время, когда ждали назначения г-на де Лаона; это большое огорчение для его друзей. Думают, что г-н де Лаон пожертвовал собою для служения королю и, чтобы не изменить интересам Франции, он не пощадил кардинала Альфьери, который ему и подстроил эту штуку. Надеются, что он достигнет этого сана, но это может быть не скоро, и все-таки пока досадно.

Бенсерад сказал, по моему мнению очень остроумно, что возвращение шевалье де Лорена радует его друзей и огорчает тех, кого он вывел в люди, потому что из них ни один не остался ему верен.

Я думала, что от нас будет зависеть заключение мира. Испанская королева ответила не совсем так, как говорили; она просто сказала, что придерживается мирного договора, который позволяет помогать союзникам. Мы поступили так же с Португалией. Теперь королева даже обещает не помогать голландцам, но она не хочет скрепить это обещание подписью; вот из-за чего идет спор. Если мы будем настаивать, чтобы она подписала, — все погибло; в противном случае мир будет заключен скоро, когда Испания не будет против нас. Со временем узнаем больше. Прощайте, дорогая и милая дочь моя; я очень боюсь, чтобы вы, в вашем одиночестве, не портили себе головы раздумьем.

68. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 4 марта 1672 года

Дорогая дочь моя, вы пишете, что не могли бы так долго ненавидеть кого бы то ни было; это очень хорошо; я в этом отношении похожа на вас, но я, кроме того, могу сильно любить, и разлука несколько не уменьшает моей нежности. Меня сильно огорчает ваша небрежность к себе; правда, что вы всегда пользовались всяким поводом быть небрежной к себе и это у вас в натуре, но меня всегда это огорчало, и теперь я не могу не бранить вас за это. Из вас и г-жи Дюфренуа можно было бы сделать золотую середину; вы обе — две крайности, вы, конечно, менее несносная, но все-таки крайность. Я сама себе удивляюсь, как охотно я пишу вам всякий вздор, но я не могу удержать свое перо; еще слава богу, что это вам нравится; другому был бы противен такой беспорядочный набор слов. Прошу вас не жалеть об отсутствии моих, когда я буду у вас, вот я и ревную вас к моим же собственным письмам!

Обед у г-на Валавуара окончательно затмил наш — не количеством мясных блюд, но необыкновенным

разнообразием тончайших вин. Эти вина превзошли вина ордена *Кото*. Дорогая моя, прошу вас, из любви ко мне, причешитесь завтра, неряшливость портит красоту. У меня к вам больше поклонов, чем звезд на небе. Кстати, о звездах: Лагувиль была на днях у Сен-Луи, который потерял своего старого пажа; Лагувиль говорила о своей звезде; звезда, по ее мнению, делала то одно, то другое. Вдруг Сегре, как бы очнувшись от сна, сказал:

— Сударыня, неужели вы думаете, что у вас есть целая звезда? Я только и слышу, как все говорят о своей звезде; по-моему, они говорят пустяки. Знайте, что звезд всего на небе тысяча двадцать две. Ясно, по одной для всякого не хватит.

Он проговорил это так забавно и вместе с тем серьезно, что заставил забыть о скорби. Г-н д'Аквиль передал ваши письма г-же Водемон; я его почти не вижу больше: большие рыбы пожирают маленьких. Прощайте, моя дорогая и милая. Посылаю вам «Баязета» и сказки Лафонтена для развлечения.

69. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда вечером, 9 марта 1672 года

Дочь моя, сейчас получила ваше письмо, восхитившее меня; оно полно любви, нежности и блестящих мыслей; краткий, ясный и безукоризненный слог его может очаровать каждого и не любящего вас, как я. Г-жа де Куланж пришла в восторг от некоторых мест письма, которыми я не могла не поделиться с нею. На вашем письме лежит какой-то праздничный отпечаток, который придает ему особенную прелесть.

Вот уже давно, как я заметила, что вы грустите, и очень жалела об этом; надеюсь, что игра в гусек поправит ваши дела по примеру греков; я бы очень желала, чтобы не играли в другую игру и не проиг-

рывали столько денег. Постоянные неудачи обижают нас. Победа над нами, даже в самых маловажных случаях, неприятно и оскорбительно действует на нас. Николь очень хорошо говорит об этом! Наконец я ненавижу игру случайностей и теперь вполне убеждена, что фортуна слепа, если может так поступать с вами. Будь она только крива, вы бы не были так несчастливы в игре.

Вы спрашиваете, каковы симптомы такой любви? Во-первых, его преувеличенное равнодушие; во-вторых, показание людей близких, подтвержденное общим голосом; остановка всех движений этой круглой машины; оставление на произвол судьбы всех забот обыкновенных, чтобы отдаться одной-единственной; вечная сатира на влюбленных стариков:

«Поистине надо быть уже очень глупым и безрассудным, чтобы влюбиться в такую молодую женщину! Не правда ли, какое подходящее занятие для меня? Да я бы предпочел сломать себе обе руки!»

На все это, однако, отвечаешь ему в уме: «Да, все это верно, но вы тем не менее влюблены. Вы рассуждаете верно и справедливо, это вас терзает, но вы не перестаете быть влюбленным. Вы очень благоразумны, но любовь сильнее вашего ума, вы больны, вы плачете, вы выходите из себя, и вы все-таки влюблены».

Если вы доведете до такой крайности г-на де Ванса, то прошу вас, дочь моя, не утаить этого от меня; трудно придумать себе лучшее препровождение времени, как с этим умным и достойным прелатом; он самый остроумный из своих современников; вы восхищались его стихами, восхищайтесь его прозой; он превосходен во всем; он заслуживает быть вашим другом. Вы очень забавно рассказываете о той даме, которая любила кружить головы монахам; большое чудо будет вскружить голову г-на де Ванса, — его голова умно, крепко и хорошо организована; это сокровище Прованса — воспользуйтесь им!

Запрещаю вам, дорогое мое дитя, присылать мне ваш портрет: если вы хорошо выглядите, то дайте срисовать себя масляными красками, но сохраните этот милый подарок для меня ко времени, когда я приеду к вам; мне будет жалко оставлять его здесь. Послушайте моего совета, а пока примите подарок, превосходящий все прошлые и настоящие подарки, — нитку жемчугов в двенадцать тысяч эю; это довольно дорого, но не дороже моего доброго желания. Рассмотрите ее хорошенько, взвесьте ее, смотрите, как прелестно нанизан жемчуг, и скажите мне, как вам нравится; это самая красивая из тех, что я до сих пор видела; здесь ею все восхищались. Если вам понравится, то вы получите еще несколько таких, потому что я не умею быть щедрой наполовину. Она в самом деле прекрасна и куплена у венецианского посланника, нашего покойного соседа. Вот тоже щипчики для бесподобной бороды, самые лучшие в Париже; вот также книга, которую мой дядя Севинье просил меня переслать вам. Я уверена, что это не роман. Я не дала бы ему послать вам сказки Лафонтена, которые... предоставляю вам судить самой о них.

Мы стараемся занимать нашего доброго кардинала (де Рец). Корнель читал ему пьесу, которая будет поставлена через некоторое время и которая напоминает древних. Мольер прочтет ему в субботу Триссотена, очень забавную вещь. Депрео представит ему своего «Лютрена» и свою «Поэтику» — вот все, что может быть к его услугам.

Этот бедный кардинал любит вас всем сердцем: он часто вспоминает вас и его похвалы вам неиссякаемы. Но, увы, когда мы вспоминаем, что отняли у нас наше дорогое дитя, то мы безутешны; что меня касается, то я не желаю утешиться; я не могу хвастать ни твердостью характера, ни философией — мною руководит мое сердце.

Кто-то когда-то сказал, что истинное достоинство сердца измеряется его способностью любить.

Это правило поднимает меня на большую высоту, и я бы очень возгордилась, если бы тысяча других моих недостатков не отрезвляли меня.

Адемар довольно хорошо относится ко мне, но он, как и вы, ненавидит епископа: праздность заставляет вас делать из этого забаву. У вас не было бы столько досуга, если бы вы были здесь. Г-н де Юзес показал мне один из ваших мемуаров. Он его исправит и превратит в шедевр. Поверьте ему в этом, вы можете посылать ему все, что угодно, не боясь, чтобы что-либо вышло из его рук не доведенным до совершенства. Во всем, что исходит от вас, есть маленькая доза пылкости — это неподдельная марка мастера, это собака Басана. Вам пришлют развязку, которую г-н де Юзес сочинит к этой комедии. Я собираюсь к епископу; я ежедневно нахожу его имя у моих дверей. Не бойтесь, чтобы я из-за этого поступилась вашими интересами. Многие из прелатов очень беспокоятся о мире, который, во всяком случае, будет заключен не иначе как со всевозможными предосторожностями. Если хотите доставить удовольствие епископу, то продолжайте проигрывать деньги, доведите себя до нужды; вот чего он ждет.

Вот новость, послушайте: король дал понять господам де Шаро, что он намерен пожаловать им грамоты герцога и пэра, то есть что они оба будут иметь честь быть принятыми в Лувре и в парламенте. Сыну предоставляют главное управление Пикардии — это место оставалось незанятым уже давно, — двадцать тысяч франков жалованья и двести тысяч франков от г-на Дюраса за предоставленное ему господами Шаро место капитана гвардии. Подумайте, не счастливее ли Дюрас самого г-на Шаро. Эта должность так прекрасна благодаря доверию, которое она дает, и чести быть близким к его величеству, что не имеет цены. Г-н де Дюрас во время своего дежурства будет сопровождать короля в армию и начальствовать над всем домом его величества. Не мешает нашему другу де Ноайлю быть настороже, — может быть, волку отольются овечьи слезки.

Не перестают говорить о войне; вы можете понять, как я огорчена; есть люди, желающие еще набивать головы всяким вздором; но на сей раз их хлопоты будут напрасны.

Вся моя надежда, что кавалерия не будет осаждать голландцев; поживем — увидим, как распутается это дело. Я встретила маркиза де Ванса; он показался мне таким молодым, что я спросила его, как поживает его мать; г-н де Куланж стал вразумлять меня. Кардинал де Рец прервал наш разговор с единственной целью — говорить о вас.

Я постоянно прошу Адемара повторить еще тысячу раз, что вы меня любите; вы уверяете меня, что ваша нежность ко мне достойна любви моей к вам; если я недовольна этим сопоставлением, то меня очень трудно удовлетворить.

Только что получила ваше письмо от среды Великого поста; в самом деле, дочь моя, вы меня смущаете своими похвалами и благодарностью, вы этим только заставляете меня вспомнить все, что я хотела бы сделать для вас, и вздыхать, потому что я недовольна собою в этом отношении; дай Бог мне осыпать вас благодеяниями, чтобы вы впали в неблагодарность! Мы часто говорили, что это честный выход из положения, в котором не знаешь, за что взяться, но я не столь счастлива, чтобы довести вас до этой крайности: ваша признательность еще превышает мои заслуги!

Однако какое безрассудство тратить столько денег на эту собачью игру в брелан! Это разбойничий притон, изгнанный из этой страны, потому что тут путешествуют серьезные люди. Вы страшно несчастливо играете и постоянно проигрываете, послушайте меня, не упрямитесь, подумайте, что проигрыш всех денег не доставил вам даже развлечения; напротив того, вы заплатили пять или шесть тысяч франков для того, чтобы скучать и быть побитой фортуной. Дочь моя, я выхожу из себя; надо сказать, как Тартюф: *это избыток рвения.*

Кстати, о комедии — вот «Баязет»; если бы я могла послать вам Шанмеле, вы бы нашли эту пьесу хорошей, но без нее она теряет половину своей цены. Я до сумасшествия люблю Корнеля, он даст нам еще «Пульхерию», в которой опять увидим руку, нарисовавшую смерть великого Помпея, и душу Цинны.

Его гению все должно уступить. Вот маленькая басня Лафонтена о приключении священника г-на де Буфле, убитого наповал в экипаже мертвым телом; это странное происшествие, хорошо написанное, но уступает многим. Басня красива, но она ничто в сравнении с дальнейшими его баснями. Не знаю, какая эта басня — «Молочный горшок».

Я часто получаю известия от моего бедного мальчика; война мне очень не нравится, во-первых, из-за него, а затем из-за других, кого люблю. Г-жа де Водемон в Анвере: она нисколько не расположена вернуться; ее муж против нас. Г-жу де Курсель скоро будут допрашивать; не знаю, тронет ли она сердце твердое, как алмаз г-на д'Аво (*il petto adamantino*).

Дочь моя, пишу без меры, надо же кончить; когда пишу другим, то рада закончить, вам писать люблю больше всего на свете. Я имею много поклонов передать вам от Ларошфуко, нашего кардинала Барильона, а больше всего от г-жи де Скаррон, которая знает, как хвалить вас. Вы подходите под ее вкус. Что касается до Куланжей, аббата, моей тетки, моей кузины, Ламуса — все в один голос кланяются вам, но я не всегда расположена к этим скучным пересказам. Я забыла о Рипере, он все еще в постели; мне приходят в голову разные мысли о его болезни; что у него такое? Я все же обожаю мою внучку, несмотря на божественную красоту ее брата. Прощайте, дорогое мое дитя, целую вашего графа, я люблю его больше, когда он сидит в своей комнате, а не в вашей. Ах, какая радость видеть вас тоненькой, здоровой, в состоянии ходить и бегать наравне со всякой другой женщиной! Доставьте мне удовольствие видеть вас такой.

70. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 16 марта 1672 года

Вы пишете о моем отъезде. Ах, дочь моя, я изнываю от этой надежды, ничто меня не задерживает, кроме моей тети, умирающей от боли и водянки; она своим положением сокрушает мое сердце, ее мужество, терпение, покорность судьбе удивительны. Г-н д'Аквиль и я — мы следим изо дня в день за ее болезнью, он видит, как я страдаю, что я несвободна, в настоящее время я руководствуюсь его указаниями. Мы увидим между сегодняшним днем и Пасхой, если ее болезнь усилится с тех пор, как я здесь, то она умрет на наших руках; если же она почувствует облегчение и начнет поправляться, я уеду, как только г-н де Куланж возвратится. Наш бедный аббат в таком же отчаянии, как я; мы увидим, какой оборот примет болезнь в апреле, я ни о чем другом не думаю. Вы не можете так сильно желать видеть меня, как я жажду обнять вас; умерьте свое честолюбие и не думайте когда-нибудь сравниться со мною в этом отношении.

Мой сын сообщает мне, что они жалки там, в Германии, и не знают, что творят. Он очень огорчен смертью кавалера де Гриньяна. Вы спрашиваете, дорогое дитя мое, люблю ли я все так же жизнь? Признаюсь вам, что нахожу в ней несносные огорчения; но еще ужаснее кажется мне смерть, я чувствую себя такой несчастной, думая, что все кончается смертью, что, если бы я могла начать вновь жить, я была бы очень довольна. Я чувствую обязанность, которая меня давит; меня создали без моего согласия; между тем уйти из нее я обязана — это меня убивает. И как я уйду из нее? Откуда? Из какой двери? Когда? В каком положении? Буду ли переносить тысячу мучений, которые заставят умирать в отчаянии? Будет ли у меня бред? Умру ли от несчастного случая? Примирюсь ли с Богом? Как я ему преставлюсь? Заставят ли меня страх и нужда раскаяться? Буду ли я испытывать какое-либо

другое чувство, кроме страха? На что могу я надеяться? Достойна ли я рая? Попаду ли в ад? Где мой выбор? Ничего нет безрассуднее, как поручить свое спасение неопределенности, но все это вполне естественно; глупую жизнь, которую я веду, не трудно понять. Я углубляюсь в эти мысли и нахожу, что смерть так ужасна, что заставляет меня еще больше ненавидеть жизнь. Она ведет меня к ней по пути, усеянному терниями. Вы подумаете, что я хочу жить вечно, — совсем нет; но если бы спросили моего мнения, то я предпочла бы умереть на руках моей кормилицы; это меня избавило бы от многих огорчений и вернее и легче доставило бы мне Царство Небесное. Но поговорим лучше о чем-либо другом.

Я в отчаянии, что вы получили «Баязета» помимо меня; причина тому собака Барбен, ненавидящий меня, потому что я не сочиняю «Принцесс Клевских» и «Монпансье». Вы хорошо и верно судили о «Баязете» и знаете, что я такого же мнения о нем. Я хотела послать вам Шанмеле, чтобы оживить немного пьесу. Сам «Баязет» какой-то застывший; нравы турок неверно подмечены; они вовсе не делают таких церемоний, чтобы жениться; развязка тоже нехорошо подготовлена — нельзя понять причины такого страшного разгрома. Однако есть в пьесе много приятного, но ничего особенно прекрасного, ничего увлекающего, ничего похожего на тирады Корнеля, приводящие в трепет. Дочь моя, надо осторожно сравнивать его с Расином и никогда не забывать разницы между ними; в пьесах Расина есть места бесцветные и слабые, и он никогда не пойдет дальше «Андромахи», но «Баязет» стоит ниже его, по мнению многих и по-моему, если мне можно иметь свое мнение. Расин пишет комедии для Шанмеле, но не для будущих веков; если он когда-нибудь перестанет быть молодым и влюбленным, это будет совсем не то. Итак, да здравствует наш старый друг Корнель! Простим его за скверные стихи ради высоких красот, восхищающих нас, этих неподра-

жаемых образцов великого мастера. Депрео еще больше меня превозносит его, одним словом, это считается хорошим вкусом, придерживайтесь и вы этого.

Вот остроумное слово г-жи де Корньюель, которое очень рассмешило партер: г-н Тамбоно-сын, сбросив судейскую мантию и опоясав свой живот и спину широким ремнем, намерен в таком прекрасном виде вступить в морскую службу: не знаю, что ему сделала суша. «Увы, — сказала г-жа Корньюель, — не укусила ли его бешеная собака?» Это было сказано так бесхитростно; все очень смеялись.

Не могу пожалеть вас за неимение в Провансе сливочного масла, так как тамошнее оливковое масло замечательно и рыба превосходная. Ах, дочь моя, как я хорошо понимаю, что могут делать и думать люди, находящиеся, как вы, среди ваших провансальцев! Я так мало стремлюсь блистать при вашем дворе Прованса, о котором легко сужу по Бретани! По прошествии трех дней пребывания в Витре я только и думала о Роше; клянусь вам Богом, что единственное мое желание — провести лето с вами в Гриньяне, вот куда я стремлюсь, и не дальше. Мое вино из Сен-Лорана у Адемара; я его получу завтра; я много раз в душе благодарила вас за него: это очень любезно. Г-н Лаон очень рад быть кардиналом. Уверяют, что на днях г-н де Монтозье, говоря с дофином о достоинстве кардиналов, сказал, что это вполне зависит от папы, который, если пожелает, может сделать кардиналом даже конюха. На этот разговор пришел кардинал де Бонци; дофин ему и говорит:

— Сударь, правда, что если папа захочет, то может конюха произвести в кардиналы?

Г-н де Бонци был поражен и, догадавшись, в чем дело, ответил ему:

— Правда, государь, что папа выбирает, кого хочет; но до сих пор мы еще никогда не видели, чтобы он выбирал кардиналов из своей конюшни.

Это мне рассказал кардинал де Буйон.

Напишите несколько слов нашему кардиналу, он любит вас; предместье вас тоже любит, г-жа Скаррон вас любит; она здесь проводит Масленицу и все вечера у меня. Барийон тоже еще здесь, и допустил бы Господь, чтобы и вы сюда приехали. Прощайте, дитя мое; я все не могу закончить; вам никогда не удастся понять, как сильно я люблю вас.

71. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 13 апреля 1672 года

Признаюсь, дочь моя, я очень огорчена потерей моих писем; но знаете ли, чем я была бы еще больше огорчена? Это потерей ваших. Я это испытала, это для меня одна из жесточайших вещей на свете. Но, дитя мое, я люблюсь вами, вы пишете по-итальянски, как кардинал Оттобон, и даже немного примешиваете испанского: «тапега» не из наших; и что касается ваших фраз, то я вам уступаю в умении составлять их. Продолжайте упражняться в этом языке, он очень красив, вы произносите его хорошо; у вас достаточно свободного времени; изучайте его и старайтесь удивить меня вашим умением. Вы слушаетесь меня, чтобы не забременеть, благодарю вас за это от всего сердца; старайтесь также угодить мне — не заразиться оспой.

Ваше солнце меня пугает. Головокружение, частые удары, как у нас золотуха, у вас, верно, тоже голова кружится, как у других! Г-жа де Куланж надеется сохранить свою голову в Лионе и делает приготовления для защиты себя от губернатора. Если она едет в Гриньян, то с целью рассказать вам о своих победах, а не о своем поражении; я даже не думаю, чтобы маркиз взял на себя роль любовника; за ним наблюдают люди, имеющие хорошее обоняние и не допускающие шуток.

Он безутешен, что не идет на войну; я тоже в отчаянии, что не могу уехать вместе с г-ном и г-жой де Куланж. Это было бы дело решенное, если бы не от-

чаянное положение моей тети, но нужно запастись еще терпением; как только буду свободна, то не задержусь здесь ни минуты. Я купила дорожный экипаж, заказала платья; наконец могу не сегодня, так завтра отправиться в дорогу!

Никогда так страстно я ничего не желала. Будьте уверены, что я не потеряю ни минуты, — это мое несчастье заставляет меня опаздывать.

Я бы очень хотела послать вам нашего кардинала: вам бы очень приятно было побеседовать с ним: я не вижу ничего, что могло бы вас развлечь; но вместо того чтобы направляться в Прованс, он уезжает в Коммерси. Говорят, что король жалеет об отъезде Канапля; он имел полк, который был расформирован, он просил десять аббатств — и ему отказали; он просил место флигель-адъютанта — и получил отказ. Полон отчаяния и вместе с тем преданности к его величеству, он написал письмо старшему брату и уехал на судне герцога Йоркского; тот его любит и уважает; вот вам более подробный рассказ.

Говорят только о войне. Все грустны, все взволнованны.

Маркиз де Грамон был на днях так восхищен проповедью Бурдалу, что в одном месте громко воскликнул: «Черт возьми, он прав!» Мадам громко расхохоталась, и проповедь была прервана. Не думаю, чтобы проповедников, которых вы рисуете, прерывали от восхищения. Прощайте, моя дорогая и милая; когда думаю о стране, нас разделяющей, то теряю разум и покой.

72. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 22 апреля 1672 года

Я получила ваше письмо от 13-го, как раз в то время, когда отвечать было поздно. Как я ни старалась не задерживать отправку почты, она все-таки была предо-

ставлена лености почтальонов, чего я больше всего опасалась. Постараюсь отыскать нового знакомого (в почтовой конторе), признаюсь, я бы предпочла скорее уехать и покончить с моей бедной тетей; говорить так жестоко с моей стороны, но еще более жестоко со стороны моей обязанности к тете мешать мне ехать повидаться с вами. Мое положение не из приятных. Пошлю вам маленький галстук, который теперь здесь в моде; по нему можете заключить, что со времени вашего отъезда вкус здешних людей не стал тоньше. Видите, до чего мы простоваты в этой стране! Горю нетерпением узнать о вашей поездке в Сент-Бом, это же ваша Нотр-Дам-дез-Анж. Г-н маркиз де Ванс, оказывающий мне всякие услуги, уверяет меня, что дорога небезопасна. Он лишился старшего сына. Я его очень жалею; ему хочется плакать, но он воздерживается. Он, кажется мне, очень привязан к вам.

Я была с кардиналом у г-жи де Лафайет. Мы находим, что ей здесь лучше, чем в Париже. Мы много говорили о вас. Он уезжает в понедельник. Он любит вас нежно и ответит вам на ваше предложение сделаться архиепископом Экса. Мы представили себе жизнь, которую предстоит ему вести у вас. Он будет постоянно находиться между двух огней — желать видеть вас и бояться быть смешным.

Мы распределили часы его занятий и придумали казнь для того, кто первым пронюхает про его привязанность к вам. Эта беседа завела нас дальше Флери. Д'Аквиль и аббат де Понкарре были с нами. Я была одна с этими тремя мужчинами. Сейчас собираюсь гулять три или четыре часа в Ливри. Я задыхаюсь, мне грустно: необходимо, чтобы возрождающаяся зелень и соловьи успокоили мой дух. Здесь сплошные прощания, экипажи, которые мешают пройти улице. Завтра возвращусь, чтобы отправить экипаж моего сына; но этот не загромоздит улицу, это сундуки, которые отправляются через вестовых; он купил своих лошадей в Германии. Я дала денег Барийону, чтобы он выдавал

сыну во время кампании. Я мачеха: вчера сказав «прощай» бесчувственному мальчику, я, кажется, плакала. Этот поход будет тяжелый, я же не полагаюсь на его благоразумие: *roso duri, pur che s'innalzi*¹ — вот до чего он дошел, это его настоящий девиз. Прощайте, сегодня не скажу больше ничего. Я уезжаю в Сент-Бом — в место, где не перестану думать о вас, и, может быть, слишком неясно. Мне очень трудно видеть этот сад, эти аллеи, маленький мост, дорогу, луга, мельницу, весь этот пейзаж с его лесом и не думать о вас, мое дорогое дитя.

Маленький Д'Акен — первый доктор. Не столько заслуги, как молодость сделали его таким. *La ferveur l'a pu faire autant que le mérite*².

73. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 27 апреля 1672 года

Прежде всего отвечу на ваши два письма, а затем сообщу вам новости нашего края. Г-н Помпон читал первое ваше письмо, и я собираюсь показать ему бóльшую часть второго; он уехал; прощаясь с ним, я показала ему ваше письмо, потому что я никогда не сумела бы лучше объяснить ему ваши дела. Он находит вас замечательной; не смею повторить ни с кем он сравнивает ваш стиль, ни его похвалы вам; он настоятельно просил меня передать вам, что он глубоко уважает вас и всегда будет стараться делать для вас все от него зависящее. Он был в восторге от вашего описания Сент-Бомы; он будет еще более в восторге от второго вашего письма. Нельзя ни лучше, ни яснее описывать, чем вы это делаете; я более чем уверена, что вы достигнете этим письмом всего, к чему вы стремитесь; вы увидите ответ. Я напишу только коротенькое письме-

¹ Жить недолго, лишь бы прославиться (*ит.*).

² Не по заслугам мне, быть может, милость эта? (*фр.*) Корнель.
Сид. Перевод Ю. Корнеева.

цо, потому что, по правде сказать, моя дорогая, я не вижу, чтобы вы нуждались в помощи в этом случае; я нахожу, что правда на вашей стороне. Вы никогда не говорили мне об этом деле; это г-н де Помпон рассказал мне все, что он знал об этом; но нечего отвечать на то, что вы мне пишете в письме; он будет иметь удовольствие читать его. Епископ (из Марселя) свидетельствует при каждой встрече, что он рад будет помириться с вами: он нашел здесь все хорошо подготовленным для примирения, которое может оказать честь человеку его звания. Думают, что не сегодня завтра приедет сюда новый президент из Прованса. Спасибо вам за ваш рассказ о Сент-Боме и за красивое кольцо. Принцесса Палатинская тоже один раз полюбопытствовала, как и вы, и не больше вас была удовлетворена. Однако вы ничем не убавите моего желания видеть этот страшный грот; чем труднее туда попасть, тем больше надо желать его видеть; и в конце концов, он мало меня интересует. В Провансе я ищу только вас; когда я обрету вас, у меня будет все, чего я желаю. Моя тетка все еще очень плоха. Я ей передала тысячу нежностей от вас, за что она очень благодарит вас. Г-н де Латрусс пишет ей чрезвычайно любовно; эти дружеские излияния агонии, которым я не придаю значения; я бы отреклась от тех, которые начинают любить только перед смертью. Дорогая моя, надо любить во время жизни, как вы поступаете, стараться облегчить и сделать ее приятной, не наполнять горечью и огорчениями тех, кого любишь; поздно меняться, когда смерть близка. Вы знаете, как я всегда смеялась над добрыми намерениями. Я вижу вещи, как они есть. Верьте мне, я совсем не безумная. Нельзя постоянно больше быть довольной кем-либо, чем я вами. Я пошлю г-же де Куланж ваше письмо.

Перехожу к новостям. Король уезжает завтра. Сто тысяч человек будет вне Парижа; уже четыре дня, как я занята прощаниями. Вчера я была в арсенале — хотела провожать начальника артиллерии, который сде-

лал мне прощальный визит, но я его уже не застала, а вместо него нашла там Латроша, прощавшегося с сыном, и графиню, которая плакала в связи с отъездом мужа; у нее была серая шляпа, которую она нахлобучила на голову в расстройстве. Это было забавно... Наконец они оба уехали сегодня утром, жена в Люд, а муж на войну; но на какую войну! — самую жестокую, самую гибельную, о которой когда-либо слышно было со времени похода Карла VIII в Италию. Королю об этом докладывали. Ишль защищен и окружен двумя сотнями пушек. Там шестьдесят тысяч человек пехоты, три громадных города и впереди еще широкая река. Граф де Гиш, который знаком со страной, показал нам на днях ее карту у г-жи де Вернейль — это просто удивительно. Г-н принц очень занят этим походом. В один прекрасный день явился к нему какой-то не то дурак, не то сумасшедший и говорит ему, что он изобрел способ делать деньги.

— Друг мой, — сказал принц, — благодарю тебя; но если бы ты изобрел способ переправить нас через Ишль невредимыми, ты бы мне доставил большее удовольствие, потому что я не могу найти такого способа!

Генерал-лейтенантами будут у него маршалы де Юмьер и де Бельфон. Вот очень интересные подробности. Обе армии соединятся, король будет отдавать приказания Месье, Месье — принцу, принц — г-ну де Тюренну, и г-н де Тюренн — двум маршалам и даже армии маршала де Креки. Король сказал г-ну де Бельфону, что он просит и его повиноваться г-ну де Тюренну не в пример другим. Маршал, не прося времени подумать (вот его ошибка), ответил, что он не заслужил бы вообще чести, которой удостоивал его король, если бы унизился теперь подчинением, которому не было примера. Король просил его добродушно обдумать свой ответ, прибавив, что он просит его об этом в знак дружбы и что в противном случае речь может идти о его опале. Маршал ответил, что он отлично понимает, что рискует потерять милость его величе-

ства и свое состояние, но что он на все это согласен скорее, чем потерять уважение к себе, и что он не может подчиняться де Тюренну, не унижая своего достоинства. Король ему сказал на это:

— В таком случае, господин маршал, нам придется расстаться.

Маршал низко поклонился и ушел.

Г-н де Лувуа, который не любит его, поторопился послать ему немедленно приказ отправиться в Тур; он был отчислен из штаба королевской квартиры.

У него пятьдесят тысяч эку долгу; он разорен, но доволен, и никто не сомневается, что он уйдет в монастырь. Он предоставил в распоряжение короля свой экипаж, который был заказан на счет его величества. Это было принято как неуважение к королю, между тем как он поступил так самым невинным образом. Все его родные, Виллары и все, кто к нему привязан, в отчаянии. Не забудьте написать г-же де Виллар и бедному маршалу. Однако маршал де Юмьер, которого сильно поддерживает г-н де Лувуа, еще не явился, ожидая ответа от маршала де Креки. Последний приехал из армии с почтой, чтобы дать ответ лично: он приехал третьего дня и целый час разговаривал с королем.

Приглашенный сюда герцог де Грамон вступился за права маршалов Франции и предоставил королю судить, кто больше дорожит этим саном: те ли, которые защищают величие его, даже тогда, когда рискуют не понравиться за это королю, или тот (г-н Тюренн), который стесняется носить этот титул, снимает его знаки отовсюду, где они имеются, считает звание маршала чуть ли не оскорблением для себя и желает командовать в качестве принца. Кончилось тем, что маршалы де Креки и де Юмьер уехали к себе в деревню сажать капусту. Вот о чем только и говорят. Одни говорят, что они поступили хорошо, другие — что они поступили дурно. Графиня (де Фиеск) охрипла от крика; граф де Гиш — от своего фальцета; их надо бы разъединить —

это чистая комедия. Одно верно: что этих трех важных для войны людей очень трудно будет заменить. Принц очень жалеет о них, в интересах короля конечно. Г-н де Шомберг не более других расположен подчиняться г-ну Тюренну, после того как он сам был командующий армиями. Наконец-то Франция, постоянно изобиловавшая великими полководцами, терпит недостаток в них при настоящем несчастном положении.

Г-н де Аллигр назначен хранителем печати; ему восемьдесят лет: это настоящее хранилище, это папа.

Я погуляла по городу: была у г-на де Ларошфуко. Он удручен разлукой со всеми своими детьми. Помимо этого, он просил меня передать вам от него тысячу любезностей; мы долго беседовали.

Каждый кого-либо оплакивает: кто отъезд сына, кто брата, кто мужа, кто любовника: надо быть уже очень негодным человеком, чтобы не интересоваться отъездом всей Франции. Данжо и граф де Со приходили с нами прощаться; они нам передали, что король, чтобы не видеть слез, уехал тайно сегодня утром, вместо того чтобы уехать завтра, как было всем объявлено. Остальные последуют за ним. Вместо того чтобы ехать в Вилле-Котре, он поехал в Нантей, где встретят его, вероятно, и другие, исчезнувшие отсюда. Он поедет завтра в Суассон. Скажите, разве это не любезно? Нельзя себе приблизительно представить, в какую печаль здесь все погружены. Королева осталась регентшей. Представители всех высших учреждений пришли к ней представляться. Вот как печально начинается эта странная война!

74. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 4 мая 1672 года

Я не в силах выразить, как мне жалко вас, дочь моя, как я хвалю вас и удивляюсь вам. Вот моя речь, разделенная на три пункта. Жалею вас за то, что вы

подвержены черным мыслям, причиняющим вам, без сомнения, много зла; хвалю вас за умение подавлять их, когда нужно, главным образом из-за Гриньяна, — это доказательство любви вашей к нему; удивляюсь же я вам за то, что вы умеете заставлять себя казаться совсем не такой, какая вы на деле. Это геройство с вашей стороны, достойное философа.

Некогда я решила, что в жизни не существует настоящего зла, кроме физической боли; все остальное только в нашем воображении и зависит от того, как мы это воспринимаем. Все другие страдания находят лекарства или во времени, или в покорности судьбе, или в силе духа; размышление, набожность, философия могут смягчить их; физические же боли захватывают душу и тело. Лик Спасителя может заставить с терпением переносить боли, но не может уменьшить их.

Вот рассуждение, о котором можно было бы думать, что оно целиком взято в Фобур Сен-Жермен, тогда как оно исходит из дома моей бедной тетки, где я задавала тон разговору; предметом его служили испытываемые ею страшные боли, которые, по ее мнению, невозможно сравнить ни с какими другими страданиями в жизни. Г-н Ларошфуко того же мнения. Он все еще страдает подагрой. Он лишился своей настоящей матери, которую он искренне оплакивает. Я видела его горячие слезы, и это возбудило мою любовь к нему.

«Она была, — сказал он, — необыкновенно достойная женщина, и она была единственная, которая никогда не переставала меня любить».

Не забудьте написать ему, и пусть де Гриньян тоже ему напишет.

Любовь г-на Ларошфуко к родным — вещь бесподобная; он предполагает, что она одна из цепей, связывающих нас друг с другом. Мы узнали много вещей про сумасшедшую мать; вы были правы, говоря иногда, что она была не той, за кого мы ее принимали. В самом деле, она была другая или, скорее, была все вместе; соединяя в себе лиру с голосом и остроумие

с грубостью. На нас, дочь моя, нашло вдохновение, и мы вполне теперь понимаем вашу ссору в приемной г-жи Лафайет; остальное расскажу вам в Провансе.

Болезнь моей тетки протянется еще очень долго. Ваше путешествие очень уместно; может быть, и мы к тому времени успеем приехать. Мы умираем от желания провести Троицу в дороге, или в Мулене, или в Лионе, аббат вполне разделяет со мною мое желание. В Париже не осталось ни одного знатного человека (надо подразумевать — военного). В воскресенье я слушала обедню в церкви французских монахов; я сказала мадемуазель де Латрусс: «Мы, вероятно, найдем бедных францисканцев совсем покинутыми; здесь, должно быть, никого не будет, кроме маркиза д'Аллюи».

Входим в церковь и встречаем первого и единственного человека — маркиза д'Аллюи. Дитя мое, этот пустяк заставил меня смеяться до слез. Наконец и он уезжает в свою губернию, на берег моря; вам известно, что необходимо оберегать побережье.

Король встретил г-жу де Монтеспан не на первом ночлеге, но на дороге, в одном доме де Сангена, дальше того, который вы знаете; он оставался там два часа; думают, что он там в первый раз видел своих детей. Красавица здесь жила с охраной и с одной приятельницей; она остается здесь три или четыре месяца безвыездно. Г-жа де Лавальер в Сен-Жермен; г-жа де Тианж здесь, у своего отца; я на днях видела ее дочь; она прекраснее, чем можно себе представить. Есть люди, которые говорят, что король поехал прямо в Нантейль; но факт тот, что красавица находится в так называемом доме Легенито. Передаю вам только то, что верно; я ненавижу, презираю ложные слухи.

Вы, должно быть, уже уехали, дочь моя; надеюсь, что будете писать отовсюду; я всегда пишу вам. Я так хорошо устроила, что нашла на почте приятеля, который заботится о наших письмах. Последние дни я была очень занята убранством моего домика; Сент-

Обен сделал чудеса в нем; завтра я буду ночевать здесь. Клянусь вам, что я люблю его только потому, что он был построен для вас; моя комната будет удобна для нас двоих. Я расскажу вам, как это все хорошо устроилось. Я страшно беспокоилась о вашем бедном брате: все признают эту войну такой жестокой, что нельзя не тревожиться за тех, кого мы любим; тем не менее вдруг я начинаю надеяться, что война может оказаться не такой ужасной, как говорят, потому что мне никогда не случалось видеть, чтобы что-нибудь делалось согласно нашему воображению.

Напишите мне, пожалуйста, что произошло между принцессой д'Аркур и вами; Бранкас в отчаянии, думая, что вы не любите его дочь; г-н де Юзес обещался водворить мир повсюду; очень буду рада знать причину вашего охлаждения.

Вы пишете, что ваш сын становится не так хорош собой, достоинства больше; жалею о его красоте и радуюсь его пристрастию к вину: частичка Бретани и Бургундии вместе с благоразумием де Гриньянов произведет прекрасный эффект. Ваша дочь составляет противоположность этому: она становится с каждым днем красивее, а ее хорошие качества уменьшаются. Уверяю вас, что она очень хороша, но зато упряма, как маленький демон; у нее есть своя маленькая воля и свои маленькие фантазии. Она меня очень забавляет. У нее удивительный цвет лица, голубые глаза, черные волосы, нос не красивый, но и не дурной; подбородок, щеки и овал лица прелестны; не говоря о ротике, который еще сформируется, голосок чудный.

Дорогая моя, в конце концов я должна согласиться с вашим мнением — в жизни есть множество огорчений, и признаюсь, что, несмотря на прекрасные рассуждения в начале этого письма, бывают страдания, хотя и не такие мучительные, как физическая боль, но и не менее страшные. Мне приходилось так часто разочаровываться в вещах, к которым я всего больше стремилась, что поневоле нахожу жизнь очень жестокой.

75. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 6 мая 1672 года

Дочь моя, я хочу рассказать вам один пустяк, от чего не могу отказаться. Вчера я была на панихиде по канцлеру (Сегье) в часовне. В ней принимали участие живописцы, скульпторы, музыканты и ораторы — одним словом, четыре свободные профессии. Декорация по красоте была выше всякого воображения. Рисовал ее Лебрен. Гробница, украшенная тысячью свечей и многими фигурами, олицетворявшими высокие качества усопшего, достигала свода. Внизу стояли четыре скелета, которые несли знаки его высокого сана. Один скелет носил его бархатную шапочку, другой — герцогскую корону, третий — его орден, а четвертый — жезл канцлера. Четыре представителя свободного искусства, а именно живопись, скульптура, музыка и красноречие, безутешно оплакивали своего покровителя. Четыре добродетели — Сила, Справедливость, Умеренность и Религия — поддерживали первое появление его души наверху; четыре ангела, или четыре гения, принимали прекрасную душу.

Гробница была еще украшена многими ангелами, поддерживавшими блестящую часовню, прикрепленную к своду. Никогда никто не видел ни такой роскоши, ни такой идеи. Это шедевр Лебрена.

Вся церковь была украшена картинами, девизами и эмблемами, относившимися к гербу или к жизни канцлера. Бóльшая часть его подвигов была изображена красками. Г-жа де Вернейль хотела купить всю декорацию за высокую цену; но они все вместе решили украсить ею галерею и оставить ее на вечные времена в знак своей благодарности и своего богатства. Собрание было многочисленное, но не было шуму; я стояла возле г-на де Тюлля, г-на де Кольбера и г-на Монмута; он так же красив, как во времена Пале-Рояля, и, между прочим, уезжает в армию к королю. Молодой священник явился для произнесения надгробного слова.

Я сказала г-ну де Тюллю (Маскарону), чтобы он приказал священнику сойти с кафедры и встать на его место, так как ничто не сумеет так поддержать великолепие зрелища и музыки, как сила его красноречия. Этот молодой человек начал очень робко, все слушатели тоже оробели, когда он заговорил с провансальским акцентом; он родом из Марсея, и имя его Лене. Но вскоре, оправившись от первого смущения, он вполне овладел вниманием всех своим умением: он так тонко и умеренно хвалил покойного, с такой необычайной ловкостью обошел все щекотливые места; так блистательно выставлял на вид все, что могло вызвать удивление к покойному, что все без исключения — все ахнули, и каждый в отдельности был очарован такой превосходной и законченной речью.

Этому человеку двадцать восемь лет, он близкий друг г-на де Тюлля, который берет его с собой в свою епархию. Мы хотели дать ему имя кавалера Маскарона, но, кажется, он превзойдет своего старшего (начальника). Музыка была выше всяких похвал: Батист (*Люлли*) увеличил королевский оркестр. Он удлинил *Miserege*, при звуках *Libera* у всех глаза были полны слез. Не думаю, чтобы на небе была лучшая музыка. В публике было много прелатов. Я сказала Гито: «Поищем Марсея, его совсем не видать». Затем я тихо сказала ему: «Если бы это было надгробное слово живому, то он непременно был бы здесь». Эта глупость, несмотря на столь торжественные похороны, рассмешила Гито. Дорогая моя, что это за письмо я настрочила? Мне кажется, что я сошла с ума. Куда вам это длинное повествование? Правда, я удовлетворила им свое желание поболтать.

Король теперь в Шарлеруа, где он останется долго. Нет фуража, экипажи сеют вокруг голод. Эта кампания испытывает затруднения с первого шага. Гито показал мне ваше письмо к аббату: «Пошлите мне мою маму». Дочь моя, как вы добры и как оправдываете мою необыкновенную нежность к вам! Единственная

моя мечта — скорее уехать к вам. Если моя тетя еще долго протянет, то я уеду. Вы одна на свете можете заставить меня бросить ее в таком жалком положении. Живу одним днем, не имея мужества на что-нибудь решиться. Сегодня хочу уехать, а завтра не решаюсь сделать это. Вы просите не думать о вас при устройстве квартиры, а я прошу вас верить, что только о вас я и думаю; вы мне так дороги, что мое сердце переполнено вами. Завтра я буду спать в этих прелестных апартаментах, где вы будете чувствовать себя очень удобно и оттуда вы меня не выживете. Маркиз д'Оппедо едет к вам. Увы, какой он счастливый! Прощайте, моя милая крошка. Вы теперь на краю света путешествуете; как я опасаюсь вашей смелости и не доверяю ни вам, ни де Гриньяну. Правда, что это довольно странно, как вы говорите, очутиться в Эксе, после пути в сто лье, и в Сент-Пилоне после посещения таких необычайных высот.

В ваших письмах попадаются места необыкновенно забавные; но у вас срываются иногда периоды, как у Тацита; нахожу это сравнение очень верным.

76. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 13 мая 1672 года

Совершенно верно, дочь моя, что чрезвычайная красота Ливри могла бы доставить радость моей бедной душе, если бы я не была удручена видом моей тетки, искренним желанием уехать и изнурительной болезнью г-жи де Лафайет, которая, после того как прожила в деревне месяц, чтобы отдохнуть и освежиться, и вернулась сюда едва живая, заболела перемежающейся лихорадкой с сильными приступами и бредом. Болезнь эта меня трогает, но не пугает; положение же моей тетки очень смущает меня; тем не менее можете положиться на нас, что мы не потеряем минуты, чтобы при первой возможности, даже немного поступясь

приличиями, уехать отсюда. Если присутствие аббата необходимо для ваших дел, то воспользуйтесь его добрыми намерениями. Можно сделать много вещей в короткое время. Вы понимаете мое нетерпение; помогите его вынести среди стольких обязанностей; вы можете поверить мне, что я погибаю. Всякое мое занятие угрожает меня, а безделье беспокоит. Итак, весна, которая могла бы меня оживить, не для меня. «Ах, не для меня существуют прекрасные дни» — вот моя вечная песнь. Однако я по временам позволяю себе безрассудные выходы, поддерживающие душу в моем теле.

Очень хорошо понимаю ваше желание подчас видеть Ливри; надеюсь, вы насладитесь в свое время. Г-н де Юзес вам верно рассказывал, что король решил не оказывать никому милости в этом отношении (то есть в отношении отпуска). Вы понимаете, что я хочу сказать, но вы все-таки приедете в Ливри, если Бог позволит еще при жизни нашего аббата. Мне на днях рассказывали, какая у вас там бывает весна, — соловьи не умолкают. Я не вижу ничего, кроме камней, ужасных скал, померанцевых и оливковых деревьев, недовольных собственной горечью. Я очень одобряю предпринятое вами путешествие. Оно вам доставит много развлечений; стрельба из пушек кажется мне подобающим приемом. Есть нечто романическое в этих пышных встречах. У вас только недостаток в иностранцах и принцах Тразибулах, которые являются, едва назвав себя. Весьма существенный недостаток для романа. Впрочем, это не важно. Вы должны были бы мне сообщить, кто вас провожает в этой прогулке. Г-н де Марсель писал, что он вас примет как королеву Франции. Я нахожу страсть генерала галер смешной; ему не трудно будет играть роль влюбленного и задыхаться, как вы его описываете, он может еще лопнуть у ног своей возлюбленной.

Ваши письма отсылаются аккуратно: можете писать больше, не боясь помешать мне. Почему вы не сообщили мне причину вашего прошлого огорчения?

Я думала обо всем, что может причинить огорчения в жизни; догадываюсь, что со времени вашего последнего письма вы испытываете какие-то неприятности; не могу отгадать какие и не знаю, откуда они идут. Ла Маран занята другими делами. Вы далеко и ни в чем не мешаете ей; ее хитрость не идет так далеко, туда, где необходимы старание и труд. Объясните, пожалуйста, в чем дело.

Г-н де Тюренн отбыл из Шарлеруа с двумя тысячами человек; неизвестно, какие у него планы. Мой сын все еще в Германии. В самом деле, теперь сведения о войне будут очень грустные. Опасаются, чтобы Риттер, считающийся самым лучшим морским капитаном, не разбил графа д'Эстре в Ла-Манше. Сюда доходит очень мало сведений; говорят, что король не желает, чтобы писали. Надо надеяться, что он, по крайней мере, не скроет от нас своих побед,

Вчера я угостила обедом Латроша, аббата Арно и г-на де Варена в маленьком моем доме, который мне нравится только потому, что он выстроен с целью доставить мне радость принять вас обоих. Среди этого письма пришел *Марсель*; он показался мне тихим, как овца; мы ни о чем не спорили, а только говорили о чудесах, которые г-н Юзес и я собираемся доказать, чтобы заключить прочный мир. Мне будет невыносимо возвращение г-жи Монако, если она не привезет вас с собою; мой добрый нрав не изменился. Не сомневаюсь, что Ла Маран боится больше всего на свете вашего возвращения; будьте уверены, что она помещала бы этому, если бы могла; она не вынесет вашего присутствия. Если бы вы лучше осведомили меня насчет причиненных вам неприятностей, то я, быть может, была бы в состоянии открыть вам источник их. Вы обязаны Лангладу; он не *писака*, но в любом случае является вашим другом; он наговорил чудеса г-ну Марселю и больше всех смутил его. Г-н д'Ирваль уехал в Лион и оттуда в Венецию. Великолепные экипажи никуда не годятся в сравнении с его. Он гово-

рит о вас «tanto t'odiario, quanto t'amai»¹, он подозревает, что вы его презираете. Г-н де Марсель пишет, что они отправились в большую экспедицию. Г-н де Тюренн впереди с двадцатитысячным войском.

77. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 29 мая 1672 года

Я представляю себе, дочь моя, и удовольствие, и великолепие, и расходы вашего путешествия. Я передала аббату, что оно вам очень в тягость, но делать нечего, оно необходимо. Надо, однако, подумать, можно ли рискнуть такими большими издержками. Свой покой не важен, когда дело идет об интересах тех, кто нам дорог и чьи огорчения мы чувствуем сильнее, чем они сами, это способ не иметь удовольствия в жизни; я то же самое сказала о здоровье: у меня его много, но к чему оно мне? Чтобы ухаживать за теми, которым его не хватает.

Лихорадка г-жи де Лафайет усилилась. Моей тетке хуже, чем когда-либо. Она угасает с каждым днем. Но что я делаю? Я выхожу от моей тетки и отправляюсь к г-же де Лафайет; а затем выхожу от Лафайет, чтобы возвратиться к тетке. Мне больше нет дела ни до Ливри, ни до моих прогулок, ни до моего красивого дома, все это не существует для меня. Между тем мне необходимо побыть хотя бы одну минуту в Ливри, потому что я не могу дольше так жить. Вот как Провидение наделает нас огорчениями и страданиями. Но в конце концов, что значат мои горести в сравнении с бедственным положением моей тетки! Ах, благородное равнодушие, где ты? Необходимо лишь равнодушие, чтобы быть счастливым, а без этого все бесполезно. Но так как необходимо страдать каким бы то ни было образом, то уж лучше от недостатка равнодушия, чем от чего-либо другого. Я видела г-жу де Марсель у нее и сказала ей

¹ Ненавидит так же сильно, как любила (*ит.*).

все, что вы можете себе только представить. Ее муж писал ей очень восторженно о вашей красоте и вашей любезности. Он очень хвалит и удивляется вам. Его жена пришла ко мне, только чтобы показать мне это письмо. Я отблагодарила ее за вас. Нет ничего более романтического, как ваши праздники на море и пиры на «Рояль Луи», этом знаменитом судне. Настоящий Луи-Людвик теперь в дороге со всей армией; письма не сообщают ничего положительного по той простой причине, что неизвестно, куда армия направляется.

О Маастрихте больше нет речи; говорят, что займут три пункта — один на Рейне, второй на Ишле, а третий поблизости от них. Я сообщу вам названия, когда узнаю.

Все новости об армии очень смутные. Считается даже предосудительным спрашивать, угадывать, рассуждать о ней. Письма оттуда потешны; вы понимаете, что я провожу свое время с людьми, имеющими там сыновей. Они хорошо осведомлены, но все, что касается намерений короля, держат в большой тайне.

На днях один господин хорошего дома писал своему другу:

«Прошу вас известить меня, куда мы отправляемся, перейдем ли мы Ишль или будем осаждать Маастрихт».

По этому одному можете судить, как много мы здесь знаем. Уверяю вас, что сердце у меня в тисках. Вы счастливы, что ваш дорогой супруг в безопасности и не испытывает иных тяготей, кроме сидения в носилках, где он постоянно видит вашу мордочку перед собою. «Бедный человек!» Он прав был, когда иногда ездил верхом, чтобы избежать вашей близости. Увы, вспоминаю, как однажды, возвращаясь из Бретани, вы сидели против меня! Что за удовольствие испытала я, глядя на ваше милое лицо! То, правда, было в карете, вероятно, на носилках тяготит какое-то проклятие.

Г-жа дю Пюи дю Фу против того, чтобы я везла с собою мою внучку, она говорит, что не следует рисковать ее здоровьем, и я сдаюсь; я не желаю подвергать опасности ее маленькую особу, которую люблю всей

душой. Я ее подстригла; у нее прическа «hurluberlu», точно для нее придуманная; цвет ее кожи, шейка, все ее маленькое тельце просто прелесть. Она умеет показывать всевозможные вещи: она говорит, ласкается, дерется, крестится, извиняется, кланяется, целует руку, пожимает плечами, танцует, ластится; словом, она мила во всем, и я часами играю с нею. Мне жаль было бы лишиться такой бесподобной деточки. Я вам уже говорила: я не могу понять, что люди делают, чтобы не любить своих дочерей.

78. Госпоже де Гриньян

*Париж. Пятница, 17 июля 1672 года,
11 часов вечера*

Дорогая дочь моя, я сейчас узнала весьма печальную новость. Не стану писать подробностей, так как сама их не знаю. Словом, г-н Лонгвиль убит при переправе через Ишль, под командой принца. Это известие поразило всех. Я была у г-жи де Лафайет, когда пришли доложить об этом Ларошфуко вместе с известием о том, что г-н де Марсильяк ранен, а шевалье де Марсильяк убит. Этот град упал на него в моем присутствии. Ларошфуко так опечалился, что у него слезы полились градом, и только его твердость духа помогла ему не разрыдаться. После этих известий у меня не было больше силы о чем-либо расспрашивать, я побежала к г-ну де Помпону, который напомнил мне, что мой сын в армии короля, никакого участия в этой экспедиции не принимавшей, она была целиком предоставлена принцу; говорят, что он сам ранен и что он переправился через реку в лодке; рассказывают, что Ножан утонул, что Гитри убит; говорят далее, что г-н де Роклор и г-н де Лафейяд ранены и что погибла масса народу в этой опасной переправе.

Когда узнаю подробности, то сообщу вам немедленно... Сейчас пришел какой-то господин, посланный

ко мне Гито из отеля де Конде; он говорит, что принц ранен в руку. Г-н Лонгвиль прорвался через заставу, где он предстал первым и первый был убит на месте; остальное почти все, как я сказала: Ножан утонул, Гитри тоже; г-н Марсильяк ранен и множество других, имена которых еще неизвестны. Но зато прошли Ишль. Принц три или четыре раза спокойно переезжал на лодке, отдавая приказания со свойственными ему хладнокровием и мужеством. Уверяют, что после этой первой трудности нигде не видать больше неприятеля: они все удалились по своим местам. Г-н де Марсильяк ранен выстрелом из мушкета в плечо, а другой удар получил в челюсть до кости. Прощайте, дорогое мое дитя; у меня голова не совсем на месте, несмотря на то что мой сын в армии короля, но предстоит еще много других случаев, от которых можно умереть.

79. Госпоже де Гриньян

Париж. 20 июня 1672 года

Дорогая моя, я не могу без трепета думать о том, в каком вы были положении; и хотя я знаю, что вы, слава богу, легко отделались, не могу без ужаса оглянуться назад. Увы! Как мало я знаю о здоровье, которое мне так дорого!

Скажи мне тогда кто-либо: ваша дочь в большей опасности, чем если бы она была в армии, — я ни за что бы не поверила этому. Нужно еще мне печалиться о прошедшей опасности при настоящих тревогах, близких моему сердцу? Крайняя опасность, в которой находится мой сын; война, которая с каждым днем все более разгорается; почта, приносящая только известия о смерти кого-нибудь из наших друзей или знакомых, известия, от которых можно ожидать чего-нибудь еще хуже; опасение получить худые известия и любопытство узнать их; отчаяние обездоленных, среди которых я провожу часть жизни; непости-

жимое состояние моей тетки и желание видеть вас — все вместе терзает и убивает меня. Все это принуждает вести образ жизни, до такой степени противный моему нраву и темпераменту, что надо в самом деле удивляться моему здоровью, которое в силах выносить это. Вы никогда не видели Париж таким, каков он теперь: все или плачут, или боятся плакать; поневоле думают о г-же де Ножан. От вида г-жи де Лонгвиль, говорят, сердце надрывается. Я ее не видела.

Но вот что я знаю. Мадемуазель де Вертю два дня тому назад вернулась в Пор-Рояль, где она находится почти постоянно. За нею поехали с г-ном Арно, чтобы узнать эту новость. Мадемуазель де Вертю стоило только показаться, как поспешное ее возвращение говорило само по себе, что случилось несчастье. И в самом деле, как только она пришла, г-жа де Лонгвиль спросила:

— Как поживает мой брат (великий Конде)?

Она боялась спросить больше.

— Мадам, он поправляется от своей раны. Было сражение.

— А мой сын?

Ей ничего не ответили.

— Ах, мадемуазель, отвечайте же, что с моим сыном, он убит?

— Мадам, у меня нет слов отвечать вам.

— Сын мой дорогой! — вскричала мать. — Он убит на месте! Он ни минуты не жил! Боже мой, боже, какая жертва!

Она упала на постель. Это была картина самой мучительной боли. Она то билась в судорогах, то лежала в обмороке, то из груди ее вырывались подавленные крики, то она молчала как могила, она заливалась слезами, она взывала к Богу с тихой и нежной жалобой. Наконец она потеряла сознание. Вот все, что испытала г-жа де Лонгвиль.

Она кое-кого принимает, пьет бульон; но не успокаивается ни на минуту, ее здоровье, и до этого пло-

хое, совсем пошатнулось. Что касается меня, то я ей желаю смерти, не понимая, как может она жить после такой потери.

Есть человек в свете, который затронут не менее ее. Мне думается, что если бы они оба встретились без свидетелей, то в первую минуту все другие чувства уступили бы крику и слезам.

Вы не можете представить себе, какую печаль обнаруживает наша толстая графиня д'Юксель под видом дружбы! Метрессы не умеют сдерживать себя. Все его бедные служащие вернулись, и его шталмейстер вне себя; эта смерть заслоняет все другие. Вчера вечером прибыл курьер с известием о смерти Дю Плесси. Плесси строил мост, когда в него попало пушечное ядро. Г-н де Тюренн осаждают Аргейм: говорят о форте Шенка. Ах, для скольких людей это прекрасное начало будет иметь трагический конец! Да сохранит Бог моего бедного сына! Он не был при этой переправе. Если бы вообще было что-нибудь хорошее в таком занятии, то это было бы иметь постоянное место. Но кампания еще не окончена.

Нечего сказать, хорошие новости: лучших нет; вы увидите дальше, что г-н де Лонгвиль был сам виноват в своей смерти и в смерти других и что принц в этом случае оказался не генералом армии, а родным отцом. Я вчера сказала, и все были согласны со мною, что если война продолжится, то г-н герцог будет причиной смерти принца; любовь его к нему выше всех других страстей.

Ла Маран совсем помешалась; она говорит, что хорошо понимает, что от нее скрывают новости и что вместе с Лонгвилем убиты принц и герцог, и просит, чтобы ей это сказали и не щадили ее.

Было бы смешно, если бы не было так печально. Ах, если бы она знала, как мало думают о том, чтобы что-либо скрывать от нее, и как каждый занят своими собственными горестями и опасениями, она бы не думала, что стараются ее обмануть.

Новости, которые вам сообщаю, я узнала из первого источника, от г-на Бурвиля, бывшего у г-жи Лонг-

виль во время получения ею писем: все курьеры приехали прямо к ней. Г-н де Лонгвиль составил завещания перед отъездом; он оставил большую часть своего состояния своему так называемому сыну, который, как мне думается, объявится под именем кавалера Орлеанского. Он ничего не стоил своим родителям, несмотря на то что они далеко не нищие. Тело Лонгвиля положили в ту же лодку, в которой он лишь часа два тому назад переправился живым и здоровым через Рейн. Раненый принц, переезжая с другими ранеными на другую сторону Рейна, чтобы там в городке сделать всем перевязку, велел положить покрытый плащом труп Лонгвиля возле себя в барке. Таким образом, обратный путь был самый печальный в свете. Рассказывают, что кавалер де Моншевреиль до того сильно был привязан к Лонгвилю, что отказался от перевязки раны, полученной им возле него.

Сын мой пишет мне, что он глубоко потрясен смертью Лонгвиля; он не был в этой первой экспедиции, он попадет, пожалуй, во вторую. Можно ли быть уверенным в завтрашнем дне при подобном ремесле? Советую вам написать Ларошфуко по случаю смерти его шевалье и раны г-на де Марсильяка. Я видела глубину его сердца при этом жестоком испытании. Я никогда не видела ничего более мужественного, достойного и нежного. Я не говорю уже о его уме. Сегодня мне не приходится повторять вам, что я вас люблю.

80. Госпоже де Гриньян

В тот же день, 10 часов вечера

Не прошло двух часов после запечатания мною пакета, как я, вернувшись из города, нашла известие о заключении мира. Конечно, Голландия приведена в смятение и усмирена. Король счастлив выше всякой меры. Мы все вздохнем свободнее, но тем сильнее горе и отчаяние г-жи де Лонгвиль и других, лишившихся

своих дорогих детей. Видела я маршала дю Плесси, он очень удручен, но как великий полководец.

Жена маршала горько плачет, а графиня огорчена, что не удалось ей сделаться герцогиней. Ах, дочь моя, подумайте только, что лишь смерть Лонгвиля помешала нам получить Голландию без хлопот и труда.

81. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 24 июня 1672 года

В настоящую минуту я в комнате моей тетки; если бы вы могли видеть ее, в каком она положении, вы не сомневались бы в том, что я завтра уеду. Она сегодня в последний раз причастилась. Тетя все время на ногах, то есть в своем кресле, в капоте, в черном платочке сверх чепца и в перчатках. В ее комнате никакого запаха, никакой грязи; лицо ее так изменилось, словно она мертва уже восемь дней: она кости да кожа, она вся иссохла, глотает с большим трудом и не говорит ни слова. Г-н Визу объявил ей ее приговор; она не принимает больше лекарств. Опухоли почти нет больше, водянка, по-видимому, вызвала наконец истощение, она все дремлет, но еще дышит. Она несколько раз до того похолодела и была так слаба, что мы приняли ее за умирающую — хотели ее соборовать. Я теперь не оставляю ее ни на минуту.

Уверяю вас, что, несмотря на все, заключительный акт будет стоить мне много слез.

Это тяжелое зрелище, в особенности для такой чувствительной особы, какая я. Прежде она, стесняясь слишком утруждать, отпускала нас, но недели три назад она, отложив все церемонии в сторону, взяла с нас слово не оставлять ее, так как наше присутствие облегчает ее последние минуты. Сердце у нас надрывалось от ее слов. Как видите, я ничего определенного о моем приезде сказать не могу, но так как вы, по всей вероятности, нас от приезда не освободите, то мы, конечно,

приедем. Предоставьте заботу эту нам: вы знаете, до чего я боюсь угрызений совести, я бы страдала вечно от сознания, что не исполнила последнего долга относительно моей несчастной тетки.

Г-жи де Лонгвиль я не видела. Она не принимает — она больна. Много знатных дам посетили ее, но я не претендую на знатность и не была в их числе. Мир не так близок, как я вам писала, хотя замечается всеобщая готовность подчиниться, стоит королю приблизиться к какому-нибудь городу, чтобы он немедленно сдался. Все было бы хорошо, если бы не вспышка де Лонгвиля, которая стоила многим и ему жизни. В самом деле, вся Голландия не стоила такого принца. Напишите, пожалуйста, Ларошфуко по случаю смерти шевалье и раны Марсильяка. Но между нами, дочь моя: он не очень чувствует потерю своего шевалье, а оплакивает того, кого жалеет весь мир. Пишите тоже маршалу Дю Плесси. Все ваши друзья пока уцелели. Маленький Латрош переплыл первый, за что получил отличие. Если я сама не приеду, скажите об этом его матери, ей будет приятно.

Моя бедная тетка знаками просила передать вам тысячу поклонов и свое «прости». Мы все плакали при этом. Она огорчилась, что вы больны. Наш аббат посылает вам свое приветствие. Ответьте ему какой-нибудь любезностью. Он хочет вас видеть. Вы находитесь теперь в Гриньяне. Я надеюсь, вы примете меня не хуже других; я вполне готова, я даже рада моему несчастью. У вас ведь все там имеется. Я очень довольна заботами и дружбой к вам коадьютора, я ему не напишу, тем приятнее будет ему встретить меня; я очень радуюсь, что его увижу и могу с ним беседовать...

82. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 27 июня 1672 года

Моя бедная тетка причастилась вчера в последний раз, нет ничего печальнее этого зрелища. Она еще ды-

шит — вот все, что могу пока сообщить вам, остальное узнаете в свое время. Невозможно не быть глубоко тронутым при виде такой жестокой кончины человека, которого мы всегда любили и почитали. Вы говорите по этому поводу все, что можно сказать разумного, и я постараюсь воспользоваться вашими словами, и, если мне удастся победить свою печаль, я извещу вас о победе и уеду без всякого беспокойства и сожаления. Как часто мы ошибаемся, составляя планы на будущее. Я предполагала, что сердце мое будет разорвано на части, я должна была покинуть свою тетку и вместе с тем боялась за сына, ушедшего в поход: Бог решил иначе с теткой — я отдам ей свой последний долг. Звезда короля улыбнулась мне за сына — вся Голландия сдалась без сопротивления, и депутаты уже явились ко двору. Итак, дорогая моя, предвидеть будущее нам не надо. Поговорим о горе г-жи де Лонгвиль как о прошедшем. Точно эта война была объявлена только для того, чтобы убить ее несчастного сына, потому что сейчас, после этого несчастья, дело стало улаживаться. Король занят приемом депутатов от сдавшихся городов. Он вернется сюда с титулом графа Голландского. Эта победа — нечто удивительное и наглядно доказывает, что сила и поступки его величества неотразимы; надо почитать его, бояться и говорить о нем не иначе как с восхищением.

Наконец я видела г-жу де Лонгвиль, случай заставил меня сесть возле ее кровати: она просила меня поближе к себе и первая заговорила со мною. У меня в подобных случаях не хватает слов. Она сказала, что не сомневается в моем сочувствии к ее горю и что горе ее безгранично. Она говорила, что г-жа де Лафайет и г-н д'Аквиль жалеют ее больше всех, наконец заговорила о моем сыне и о дружбе, которую ее сын питал к нему. Я не пишу вам про свои ответы. Я была так тронута, что, вероятно, они были красноречивы. Толпа народу меня отстранила от нее. Этот мир, заключенный после смерти ее сына, должен еще усу-

гублять ее горе. Я же возношу хвалу Богу за мир, сохраняющий мне моего бедного Севинье и всех наших друзей.

Вы теперь находитесь в Гриньяне; вы хотите испугать меня невозможностью гулять и неурожаем на груши и персики, но разве недостаточно с меня, дорогая моя, что вы будете там, и, когда я устану считать ваши бревна, я могу ведь отдохнуть на ваших красивых террасах, а вместо груш вы можете меня угостить винными ягодами и мускатным орехом. Вы напрасно будете пугать меня сухостью вашего климата. Во всем этом я предвижу ссору между нами; вы захотите, чтобы я любила вашего сына больше, чем дочку, а для меня это невозможно: я так подружилась с этой малюткой, что я огорчена оттого, что нельзя взять ее с собою.

Г-н де Ларошфуко очень беспокоится за рану Марсильяка и опасается гангрены. Я не знаю, надо ли вам писать о г-же де Лонгвиль; я думаю, что да.

По поводу Голландии сочинили шутку. Старая графиня, которой сто лет от роду, занемогла. Ее пользуют четыре доктора: король Франции, король Англии, король Испании и король Швеции. Король Англии говорит ей: «Покажите язык. Ах, какой скверный язык!» Король Франции ощупывает ее пульс и говорит: «Надо хорошенько пускать почаще кровь».

Я не знаю, что говорят остальные два короля, но, во всяком случае, это довольно метко и смешно.

83. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 1 июля 1672 года

Наконец, дочь моя, наша дорогая тетка окончила свою несчастную жизнь. Все горько плакали, а я больше всех. Вчера в четыре часа утра ее нашли мертвой в постели. Накануне она чувствовала себя необыкновенно худо и металась, пока не упала на пол. Ее подняли

и уложили. В одиннадцать часов она сделала знак, чтобы все удалились; я поцеловала у нее руку, она благословила меня, и я ушла. В угоду дочери она сделала вид, что пьет молоко; но на самом деле она уже ничего не могла проглотить. Она показала, что будет спать и чтобы оставили ее в покое. В четыре часа кузина пошла посмотреть, как спит ее мать, — и о ужас! — находит ее мертвой. Дочь бросилась на нее, хочет ее согреть, оживить, зовет ее, кричит, отчаивается. Наконец насильно увели дочь в другую комнату и посылают за мною. Я, вся взволнованная, вбегаю в ее комнату и нахожу тетку совсем холодной и лежащей спокойно, как никогда за последние шесть месяцев. Опустившись возле нее на колени, я долго и горячо плакала. Затем я пошла к г-же де Латрусс, горе которой могло растрогать камень. Я увезла ее и кузину в их поместье, где они будут ждать г-на де Латрусса. Мадемуазель де Мери ночевала здесь. Мы сегодня присутствовали на панихиде; вечером она едет домой, а я совсем готова уехать к вам. Не пишите мне больше, а я еще напишу вам, так как, при всей торопливости моей, мне раньше чем через два дня уехать не удастся, писем же ваших получить здесь больше не успею.

Почему вы не писали мне последней почтой и даже не предупредили меня, что писать не будете? Вы не можете представить себе, как меня огорчает ваша забывчивость и как долго тянется эта неделя для меня. Прощайте же, дорогая моя, ожидаю известий от вас в воскресенье.

Кажется, король продолжает свои победы. Вы ни слова мне не ответили ни по поводу смерти г-на де Лонгвиля, ни на мое старание вас скорее обо всем уведомить, ни вообще ни на одно из моих писем. Неужели вы глухи или немые? Видно, мне надо скорее ехать в Гриньян. Ваша любовь протерлась — на ней видны нитки. Прощайте же или, вернее, до свидания. Наш аббат посылает вам тысячу поклонов. Он очень хочет приехать в Прованс.

84. Госпоже де Гриньян

Париж. Воскресенье, 3 июля 1672 года

Я еду в Ливри, чтобы отвезти мою внучку; не беспокойтесь о ней, я берегу ее как зеницу ока и люблю ее больше, чем вы. Завтра еду прощаться с г-ном д'Андийи, затем вернусь сюда, чтобы покончить некоторые дела и уехать. Это письмо оставляю моей прекрасной Латрош, которая берется сообщать вам все новости. Она, бедняжка, в течение четырех последних дней не видала ничего, кроме слез, траура, панихид, похорон и смертей. Очень беспокоюсь неполучением письма от вас, тем более что я знаю, вы были очень больны; не случилось ли несчастья? Прощайте, моя дорогая, я бы еще много написала, если бы имела известия от вас.

85. Госпоже де Гриньян

Ливри. Воскресенье вечером, 3 июля 1672 года

Ах, дочь моя, как я виновата перед вами за письмо мое от сегодняшнего утра. Не получая известий о вас, я была в отчаянии. Вечером, в десять часов, получила от прекраснейшего человека в мире, г-на де Куланжа, письмо ваше, которое было в его пакете. Чтобы доставить мне эту радость, он не побоялся отправить своего лакея ночью при лунном свете, и, в самом деле, он не ошибся относительно удовольствия, которое доставила мне эта посылка. Какая досада, что одно из моих писем потеряно! Оно было полно новостей.

Вы, вероятно, получили точные сведения: Рейн был плохо защищен, его прошли вплавь, г-н принц и его аргонавты находились в лодке. Первые войска, попавшие им на другом берегу Рейна, просили пощады. Г-н де Лонгвиль не расслышал, вероятно, и, приблизившись к их отрядам, бросился на барьер и убил первого попавшегося ему под руку солдата; в то же время сам был убит пятью или шестью ударами. Г-н гер-

цог последовал за ним, принц за своим сыном, а все остальные пошли за принцем. Вот как началась бойня; ее легко можно было избежать, если б знали, что неприятель хочет сдаться, но на все воля Провидения.

Граф де Гиш совершил подвиг, покрывающий его славой: ему поручено было исследовать, можно ли перейти вброд; он сказал, что можно, хотя река была глубока. Целые эскадроны преспокойно переплыли, и он переплыл первый. Это первый пример, чтобы так рисковать собою и целым войском; но, к счастью, это удалось, и неприятель, окруженный переплывшими эскадронами, сдался без выстрела. Видно, счастье графа де Гиша неразлучно с его храбростью.

Кавалер де Нантулье, упав с лошади, пошел было ко дну, но, схватившись за хвост этой лошади, добрался до берега и, вскочив на нее, попал в схватку, получил несколько ударов в шляпу и возвратился счастливый и жизнерадостный. Вот удивительное хладнокровие, напоминающее Оронта, принца Массагетов!

Нет ничего вернее того, что г-н де Лонгвиль исповедовался перед отъездом на войну. Так как его исповедовали наши друзья, то мать г-на де Лонгвиля в этом не сомневается. Воображаю, какое это для нее утешение. Говорят, что г-н де Лонгвиль отличался щедростью и благотворительностью и не любил выставлять напоказ свои добрые дела. Словом, на свете не было еще такого добродетельного человека, как де Лонгвиль. Ему недоставало только пороков: гордости, тщеславия и высокомерия. Он дошел до совершенства (*pago lui, pago il mondo*¹). Некоторые еще не совсем утешились, но большинство говорит о потере, понесенной в лице де Лонгвиля, как о факте, давно прошедшем. Эта потеря занимала умы всего три или четыре дня. Весть о смерти Мадам интересовала всех гораздо дольше. Со времени первого сражения только и слышно о сдающихся городах и о депутатах, при-

¹ Он доволен — весь свет доволен (*ит.*).

ехавших просить о принятии населения в число подданных его величества.

Не забудьте написать Латрош, что сын ее отличился, переплыл реку и его представили королю. Никто не устоит против победоносной армии французов. Все уступают ей в блеске и храбрости: теперь нет больше реки, которая могла бы служить защитой против отваги французов.

В заключение вот какие новости: я привезла сюда внучку на лето, я нахожу, что здесь сухо, мало воды. Я боюсь, что кормилице будет скучно. Как вы думаете, что я делаю? Послезавтра я преспокойно возвращаюсь к себе, где кормилица останется под присмотром старушки Жанны. Г-жа де Санзей в Париже и будет навещать ее часто. Наш здешний дом большой и красивый; ей там будет вполне удобно. Нельзя же в самом деле желать, чтобы кормилица была так очарована Ливри, как я. Прощайте, мое чудное дитя. Ваши письма так дороги и приятны мне, что заменить их мне может только ваше присутствие.

86. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 11 июля 1672 года

Сколько же времени, дочь моя, мы ни о чем не говорили, кроме как о моем путешествии в Прованс! Наконец это надоело. Слишком долгая надежда отравляет радость, как боль притупляется слишком продолжительной болезнью. Вы истратили всю силу удовольствия на ожидание. Когда я приеду, вы не будете рады. Вы привыкли к мысли о моем приезде. Поговорим о чем-нибудь другом.

Наконец решено, я выезжаю в среду и буду ночевать в Эсоне или в Мелене; проеду Бургундию и в Дижоне не остановлюсь, потому что там невозможно было бы отказать старой тетке остаться два или три дня. Буду писать вам, откуда только возможно будет.

Погода здесь чудесная, дождь идет только как бы по королевскому приказу, наш аббат весел и доволен. Ламус боится такого длинного путешествия, но я стараюсь его ободрять, потому что я в восторге. Вот, дорогая моя, все, что могу сказать вам.

Ваше письмо от 3-го числа было немного сухо, но я на это не обижаюсь. Вы удивляетесь моему вопросу насчет удаления Лапорта. Мне кажется, что я только спросила вас, почему вы меня об этом не известили, потому что была удивлена, когда встретила его здесь. Очень рада, что он не у вас больше; вы знаете мое всегдашнее мнение о нем.

Вы много рассказываете о своем дофине, жалею, что вы слишком любите его, — это причинит много лишних огорчений. Несмотря на все мои решения, я слишком сильно люблю маленькую Гриньян: я увезла ее из Ливри. Начало убеждает меня, что я хорошо поступила: малышка захворала ветряной оспой и без особенных страданий, после двух визитов Пеке, почти оправилась. Случись это в Ливри, болезнь не так скоро уступила бы, что причинило бы мне много хлопот и огорчений. В настоящее время я оставляю ее здоровой и окруженной возможным комфортом и уходом. Г-жа дю Пюи дю Фу и Пеке будут к ее услугам до конца августа, и ввиду того что кормилица бывает занята своим мужем, детьми и хозяйством, дю Пюи дю Фу обещалась подыскать женщину, которая будет заменять ее во время ее уходов. Этой женщине будет помогать Мария, к которой малышка очень привязалась. Старушка Жанна будет готовить для нее обед. Г-н де Куланж и г-жа де Санзей тоже не оставят ее без внимания и часто будут навещать ее. Видите, мы можем быть вполне спокойными насчет нашей маютки. Все одобряют, что я привезла ее сюда. Ливри в самом деле не особенно подходящее место для таких маленьких людей.

Прощайте, моя дорогая и любезная дочь. Хочет ли г-н де Гриньян видеть меня в своем прекрасном замке?

87. Госпоже де Гриньян

Оксер. Суббота, 16 июля 1672 года

Дорогая моя, как далеко еще до вас, а я уже чувствую относительную близость. В среду, уезжая из Парижа, я была донельзя огорчена неимением известий от вас. Надежда найти вас в конце этого долгого путешествия утешает меня.

Все шутя говорили, что я желаю аббату смерти, заставляя его ехать в Прованс в такое жаркое лето. Бог воздал аббату за его мужество желанной погодой: нет ни пыли, ни дождей, свежо и дни бесконечно длинные — словом, все, что только можно желать. Путешествие наше немного скучновато, г-н де Куланж был бы кстати, чтобы немного развлечь нас.

У нас нет другого чтения, кроме Вергилия, только не в переводе, а во всей красе латыни и итальянского языка. Больше всего меня тревожит отсутствие вестей из Голландии.

Я покинула Париж почти накануне заключения мира, этого важнейшего, который предстоит Франции. Здесь частные интересы близко сталкиваются с интересами государства. Прощайте, мое дитя дорогое, надеюсь в Лионе найти письмо от вас.

88. Графу де Бюсси

Монже. 22 июля 1672 года

Вы рассказываете чудеса, г-н граф, все ваши рассуждения верны; и совершенно верно, что часто на войне событие создает или героя, или вертопраха. Если бы граф де Гиш был разбит при переправе через Рейн, его ославили бы самым страшным преступником, потому что ему поручили только узнать, переходима ли вброд река, и он сказал «да», когда это было не так; и только потому, что этот переход был удачным, он увенчан славой.

Я начинаю немного приходить в себя. Король продолжает путешествовать и по дороге забирать Голландию. Я никогда не интересовалась войной, как теперь, но причину нетрудно отгадать: мой сын не был отряжен при последнем сражении. Он знаменосец части дофина под командой г-на де Латрусса, я предпочитаю его там, чем быть ему волонтером.

Я была у г-на Бальи по поводу вашего процесса; я его не застала, но оставила ему записку очень миролюбивого свойства. Что касается г-на Брисона, то я ему никогда не прощу ошибок, совершенных мною в течение трех или четырех лет относительно его; он был болен, я его покинула; это пропасть, я вся в грехах; после всего этого я еще считаю благодеянием с моей стороны не желать ему смерти. Не будем больше говорить об этом.

Я видела коротенькую приписку по-итальянски в вашем письме; мне кажется, это принадлежит человеку, изучающему этот язык, и дай-то Бог! Вы знаете, что я всегда считала это пробелом в ваших совершенствах. Изучайте его, мой любезный кузен, прошу вас об этом, это вам доставит удовольствие. Так как вы находите, что у меня хороший вкус, то положитесь в этом на меня.

Если бы вы не были в Дижоне заняты процессом бедного графа Лиможа, вы были бы там, когда я проезжала эту страну, и, согласно моему письму, вы получили бы весть обо мне у моего кузена де Тулонжона; но мое несчастье расстроило все, что могло послужить нашему свиданию. Г-жа де Тулонжон, моя тетка, приехала туда в понедельник повидаться со мною, и г-н Жанин так убедительно просил меня захватить сюда, что я не могла ему отказать. Он поможет мне наверстать этот день переменой лошадей, которая довезет меня до Шалона. Я нашла этот дом вдвое красивее, чем шестнадцать лет тому назад, когда я была здесь, но я не такая, как была, и время, наделившее эти сады такими красотою, лишило меня мо-

ложавого вида, который я не думаю когда-нибудь вернуть вновь. Вы больше всего другого могли бы возвратить мне хотя бы часть потерянного, радость видеть вас здесь. Но ни Бог этого не хотел, ни великий Юпитер, допустивший меня на свою гору без свидания со всей моей семьей. Я нахожу мою кузину г-жу де Тулонжон очень красивой и любезной. Я не думала, что она так хорошо сложена и так рассудительна. Она очень хвалила ваших дочерей, что я легко поверила. Прощайте, мой дорогой кузен; еду в Прованс, чтобы посетить бедняжку Гриньян. Вот что называется любить. Желаю вам всякого счастья, которого вы заслуживаете.

89. Госпоже де Гриньян

Марсель. Среда, 1672 год

Пишу вам после визита и хорошего приветствия г-жи интендантши. Жду подарка, и подарок ждет моего червонца. Я восхищена особенной красотой этого города. Вчера погода была божественная, и место, откуда видать море, загородные дома, горы и город, удивительно; но в особенности я в восторге от г-жи де Монфюрон; она любезна, и невольно начинаешь любить ее. Толпа кавалеров, пришедших вчера приветствовать г-на де Гриньяна с приездом, знакомые имена, Сент-Геремы и т. д., искатели приключений, военные, щегольские шляпы, мысли о войне и погрузке кораблей, авантюры и романы, цепи, оковы, рабы и рабство плена; я, любящая романы, я просто в восторге от всего этого. Г-н де Марсель приехал вчера вечером, мы обедали у него, это рукой подать. Сегодня отвратительная погода, нагоняющая на меня тоску, не видать нам ни моря, ни галер, ни гавани. Прошу прощения у Экса, но Марсель много красивее Парижа и относительно более населен; здесь сто тысяч душ по крайней мере, сказать, сколько душ

прекрасных, не могу, я не имела времени считать их, воздух в общем мерзкий, к тому же я бы желала быть около вас. Без вас мне никакое место не нравится, и Прованс еще меньше другого. Благодарю Бога, что Он вам дал больше спокойствия, чем мне, но не смейтесь ни над моими слабостями, ни над моими цепями.

90. Господину Арнольду д'Андии

Экс. 11 декабря 1672 года

Вместо моего визита в Помпон, позвольте мне написать вам. Я понимаю разницу между одним и другим, но хочу утешиться тем, что в моей власти. Вы бы очень удивились моей набожности в Эксе, меня влечет к тому какой-то дух противоречия, и, видя, как здесь мало любят Бога, я чувствую себя обязанной больше молиться. Серьезно, провинции мало исполняют свои христианские обязанности, я грешна в этом более других, потому что больше знаю. Я уверена, что вы меня никогда не забываете в ваших молитвах, и думаю, что я ощущаю их действие всякий раз, когда мне является хорошая мысль. Надеюсь, что я буду иметь честь видеть вас весной, и когда я буду лучше осведомлена, то смогу убедить вас во всем, что до сих пор вы находили недостаточно убедительным. Между прочим, вы узнаете, что если бы прелат, имеющий дар управлять провинциями, был такой же добросовестный человек, как г-н де Гриньян, то он был бы хорошим епископом. Сделайте милость написать мне о себе, о своем здоровье, о вашей дружбе ко мне. Доставьте мне радость видеть, что вы убеждены в том, что занимаете первое место в ряду тех, которые мне дороже всего на свете. Это меня вознаградит за ваше отсутствие, горечь которого я чувствую, несмотря на всю мою материнскую любовь.

Де Рабютэн-Шанталь

91. Госпоже де Гриньян

Ламбеск. Вторник, 20 декабря 1672 года.

10 часов утра

Когда расчеты не совпадают с милостью Провидения, нередко приходится считать дважды. Я была совсем одета в восемь часов, отпила кофе, прослушала обедню и попрощалась со всеми. Осел был навьючен, бубенчики мулов напомнили, что пора садиться на носилки. Моя комната была полна народу; все уговаривали меня остаться, ввиду того что в последние дни идет дождь, а со вчерашнего дня он не переставал и в настоящую минуту льет сильнее обыкновенного. Я смело отразила все доводы, отдавая должное раз принятому решению. Я вчера известила вас письмом, что приеду в четверг. Но когда вдруг де Гриньян стал доказывать рискованность моего предприятия, уверяя, что погонщик мулов не будет поспевать за носилками, мулы попадут в ямы, а люди промокнут и не будут в силах помочь мне, то я совершенно отказалась от своего решения, уступив благоразумным увещаниям. Итак, дочь моя, сундуки внесены обратно, мулов распрягли, девушки и лакеи сушатся у огня, после того как они прошли только через двор. Чтобы успокоить вас и отчасти себя самое — так как я тревожусь о вашем здоровье, — мы послали вам гонца. Он, если найдет дорогу, должен вернуться с вестями о вас.

Во всяком случае, дорогая моя, в четверг он придет в Гриньян вместо меня, а я выеду, когда угодно будет Небу и г-ну де Гриньяну, который честно руководит мною. Он знает причины, заставляющие меня страстно желать скорейшего приезда в Гриньян. Я не желала бы, чтобы де Логард узнал об этом. Он будет торжествовать, потому что предсказал мне все настоящие затруднения. Но пусть будет осторожен со своим пророчеством. Словом, дочь моя, не ждите меня вовсе. Я приеду неожиданно, а теперь не буду рисковать, чтобы не причинять вам и себе огорчения.

Прощайте, моя дорогая и милая! Уверяю вас, что мне очень тягостна эта задержка в Ламбеске. Но как можно было предвидеть дожди, каких здесь уже не было в течение ста лет.

Госпоже де Севинье от графа де Бюсси

Бюсси, 26 июня 1673 года

Я очень скучаю, мадам, не имея известий от вас с тех пор, как вы в Провансе. Если бы вы были на том свете, я бы не мог быть менее осведомленным на ваш счет, чем теперь. Разве в Провансе забываешь обо всем, кроме того, что у тебя перед глазами? Напишите мне, пожалуйста! Если я здесь ничего не узнаю о вас, то я предпочитаю ехать к вам, рискуя поссориться с двором, с которым мне, впрочем, более незачем церемониться.

Шутки в сторону, мадам, напишите мне о себе. Я тоже очень беспокоюсь, не имея вестей о нашем друге Корбинелли. Кто-то мне передал, что он впал в религиозность. Если это ему мешало писать мне, то я бы предпочел знать, что он уже попал в рай. Сообщите, что вы знаете об этом.

92. От госпожи де Севинье графу де Бюсси

Гриньян, 15 июля 1673 года

Как видите, мой дорогой кузен, я в Гриньяне. Вот уже год, как я сюда приехала. Я писала вам с нашим другом Корбинелли, который провел с нами два месяца. С тех пор я объехала Прованс. Провела я зиму в Эксе с моей дочерью. Она чуть не умерла от родов, а я от страха.

Мы вернулись сюда две недели тому назад, и я останусь здесь до сентября. Тогда я поеду в Бурбийи, где предполагаю увидеть вас. Примите меры заблаговременно, чтобы не быть к тому времени в Дижоне. Я бы хотела встретить также нашего кузена Тулонжо-

на; передайте ему это. Я вам, может быть, привезу нашего дорогого Корбинелли. Он навестил меня здесь, и мы решили писать вам как раз в то время, когда получили ваше письмо. Что касается его наклонностей и поведения, он мало изменился с того времени, когда вы его видели, но он лучше понимает религию, чем прежде, и потому впоследствии будет еще скорее осужден на вечные муки, если не воспользуется светом истины. Я все еще его люблю, и его ум мне нравится. Что вы скажете о победе при Маастрихте? Одному королю принадлежит слава этой победы. Ваши несчастья причиняют мне сердечную печаль, что доказывает мне, что я вас люблю. Уступаю перо нашему другу. Мы были бы слишком счастливы, если бы могли его залучить в наш «восхитительный» замок Бурбильи. Моя дочь кланяется вам, хотя вы и не подумали о ней.

93. Госпоже де Гриньян

Монтелимар. Четверг, 5 октября 1673 года

Вот ужасный день, моя дорогая дочь, признаюсь, я больше не в силах вынести. Я оставила вас в положении, которое увеличивает мои муки. Я думаю о всяком нашем шаге и считаю, сколько их надо для того, чтобы мы опять когда-нибудь встретились. Мое сердце только тогда спокойно, когда я возле вас, — это его естественное состояние и единственно для него приятное. То, что произошло сегодня утром, причиняет мне острую боль. Вы знаете ее причину. Я очень страдала и долго буду страдать. Мое сердце и воображение полно вами. Я не могу думать о вас без слез, а я думаю постоянно, словом, мое состояние духа невыносимо. Моя боль дошла до крайности, я надеюсь, она должна ослабнуть. Я постоянно ищу вас; когда вас нет, ничего у меня нет. Мои глаза, которые видели вас так часто за эти четырнадцать месяцев, не находят вас более; приятное время, проведенное с вами, делает настоящее

тяжелым, пока не привыкну к нему; но никогда не привыкну настолько, чтобы не желать пламенно видеть и обнять вас. Я не смею больше ждать от будущего, чем от прошедшего; я знаю, как ваше отсутствие заставило меня страдать; я буду еще более достойна сожаления, потому что неблагоразумно приучила себя видеть вас. Мне кажется, что я недостаточно целовала вас, уезжая. Я не довольно выразила вам мое удовольствие от вашей нежности. Я недостаточно просила де Гриньяна заботиться о вас; я его недостаточно благодарила за всю его вежливость и дружбу ко мне. Я сгораю уже от любопытства; я надеюсь только на ваши письма, которые могут утешить меня. Словом, дочь моя, я живу только для вас. Пошли Бог мне когда-нибудь благодать, чтобы я могла любить Его, как вас! Я думаю о *Пишонах*, я вся поглощена де Гриньянами. Никогда я не видела более печального путешествия, чем наше; мы за все время не произнесли ни слова. Прощайте, мое дорогое дитя, любите меня всегда; увы, мы опять очутились в переписке! Передайте г-ну архиепископу мое глубокое уважение к нему и поцелуйте коадьютора, я вас ему поручаю. Г-н де Сент-Женье обедал у меня и все время старался утешить меня; пожалейте меня, дочь моя, что я должна была расстаться с вами.

94. Госпоже де Гриньян

Валенсия. Пятница, 8 октября 1673 года

Единственное мое удовольствие — это писать вам; лень коадьютора в этом отношении удивительна. Вы теперь в Салоне, моя бедная крошка, и проехали Дюранс, а я только сейчас приехала сюда. Проследила все дороги, по которым вы проедете зимой, и отметила все опасные места. Между ними есть такие, где необходимо выйти из экипажа или можно погибнуть. Самое лучшее зимой — путешествовать в носилках. Г-н де Валанс прислал мне экипаж вместе с Монт-

рейль и Леклер, в котором я отправилась прямо к прелату. Он очень умен, мы беседовали с ним больше часа; его несчастья и ваши высокие качества служили главной темой разговора. У него в гостях две дамы, его родственницы. Я на минуту заехала тоже к девицам де Сент-Мари и к сестре вашего мужа; ее красавица-аббатиса умирает; многие добиваются ее места; там господствуют лихорадки. Мы с Монтрейль ужинали у Леклера, там я живу. Г-н де Валанс и его нарядные племянницы навестили меня.

Говорят, что король присоединился к принцу; о мире не слышно. У меня сердце усиленно бьется от мысли, что вы, может быть, и не поедете в Париж. Я умираю от желания получить скорее вести от вас; мне кажется, что я уже целый век вас не видела.

95. Госпоже де Гриньян

Лион. Вторник, 10 октября 1673 года

Читая ваше письмо, я не могла сдержать горячих слез. Представляю себе вас в Эксе грустной и больной телом и душой. Эта мысль меня убивает. Мне кажется, что вы уходите от меня, исчезаете и я теряю вас навсегда. Понимаю, как вам скучно после моего отъезда; вы привыкли, чтобы я ходила за вами, а теперь осталось пустое место. Как неприятен обратный путь по знакомым дорогам, где хотя вас и не было со мною, но я была полна радости в надежде вскоре видеть и обнять вас, а теперь вместо радости смертельная тоска в душе. Я все время надеялась, что увезу вас с собою, но ваши доводы заставили меня отказаться от этого; уверяю вас, что это так неестественно — возвращаться одной в Париж. Приезжайте сюда зимой, вы доставите мне полную радость и утешение. Меня томит вечная жажда получения писем от вас.

Я очень обрадовалась бедной Рошбон; я люблю только то, что напоминает мне Гриньянов. Собираюсь

отвечать матушке де Сент-Мари. Завтра поеду в Бургундию — вот какое удовольствие получать ваши письма не иначе как через Париж! Адресуйте их г-ну де Куланжу; он обещал доставить их мне в Бурбильи.

Ла Рошбон обожает вас. Мы перебиваем друг друга, с нежностью говоря о вас. Прощайте, милая моя. Вы хотите, чтобы я по моему сердцу судила о вашем, я так и поступаю, потому что я люблю и жалею вас.

96. Госпоже де Гриньян

Несчастливая деревушка в шести лье от Лиона

Среда вечером, 11 октября 1673 года

Дорогая дочь моя, я теперь нахожусь в местечке, которое мне жаль будет оставить. Кругом пусто; никого и ничего нет. Я заблудилась в полях, отыскивая церковь, наконец нашла одичалого священника и его служку. Он обещал мне доставить вам мое письмо. Когда я не с вами, единственное мое развлечение — писать вам. Расскажите это коадьютору, пусть он почувствует, что у него на голове растут рога. Шамаранд, живущий на расстоянии одной мили отсюда, владеет пятью или шестью округами; он ждет здесь короля. У меня много других местных новостей, но не хочу их вам сообщать. Сегодня утром я выехала из Лиона, окруженная всеми Рошбонами. Я их очень люблю и уважаю. Г-н де Рошбон отправился в свои владения, чтобы привести в порядок дела: он хочет быть готовым к войне в случае неожиданной тревоги. Пишу вам сегодня в четвертый раз; без этих писем что бы со мною стало? Вот что меня немного убивает. Ненадолго засыпаю, потом слышу, как бьет два часа, и более не могу заснуть. Я ставлю на огонь кофейник с горьким цикорием и слушаю, как он кипит, до утра. Утром сажусь в карету. Я уверена, что вы, желая успокоить меня, напишете, что воздух Экса совершенно восстановил ваши силы и что вы не такая худая, как

в Гриньяне. Я не поверю вам, мое бедное дитя. Помимо прочих беспокойств, я думаю еще об уличном шуме. Вы не привыкли к нему, и он, наверное, мешает вам спать. Я отсюда вижу вас, слежу за вами шаг за шагом; вижу, как вы входите, выходите; вижу даже некоторые ваши мысли; словом, если я не буду думать о вас, значит, я умерла.

Мы в Лионе видели замечательные картины. Я не одобряю г-на де Гриньяна за то, что он не принял картины, предложенной ему архиепископом Вьенским. Она ему ни к чему, а между тем это одна из самых красивых картин, какую можно себе представить; кстати, этот архиепископ — деверь г-жи де Виллар. Он часто посещал меня и оказывал бесконечные любезности. Прощайте, моя дорогая. Вы пишете мне самые нежные вещи — они трогают мое сердце. Вы говорите о своей привязанности, я знаю, как она сильна: люблю вас столько же и думаю, что я не в долгу. Ваша любовь ко мне не может сравниться с моею.

97. Госпоже де Гриньян

Бурбильи. Понедельник, 16 октября 1673 года

Вот, моя дорогая, наконец я приехала в старый замок моих отцов. Вот где они торжествовали, по обычаю тогдашнего времени. Нахожу мои прекрасные луга, мою маленькую речку, мои прелестные рощи и красивую мельницу на том же месте, где я их оставила. Здесь есть много хороших людей, но после Гриньяна, где остались вы, мне везде до смерти тоскливо; я бы все плакала, если бы дала себе волю. Но стараюсь по вашему совету не делать этого. Бюсси был здесь и мешал мне скучать. Вот где вы шутили называли меня мачехой.

У деревьев перед домом обрезают лишние ветви, и вышла прекрасная аллея. Рожь растет здесь в изобилии. Дождь льет ливнем; я отвыкла от постоянных

гроз и очень сержусь на них. Г-н де Гито в Эпуассе: он ежедневно посылает сюда узнавать, когда я приеду, чтобы заехать за мною, но он поступает не как следует, однако я на днях поеду навестить его, и мы будем, конечно, говорить о вас. Прошу вас, будьте спокойны насчет всего, что я скажу; я, конечно, очень осторожна. Гито и я вам напишем. Не могу привыкнуть не видеть вас, и если вы любите меня, то дадите мне доказательство вашей любви в этом году. Прощайте, дитя мое; я с дороги немного устала; когда я отогреюсь, то еще напишу.

98. Госпоже де Гриньян

Морэ. Понедельник вечером, 30 октября 1673 года

Вот я вблизи Парижа, но я не надеюсь найти здесь ваши письма, и меня нисколько не радует приезд сюда. Воображаю, сколько мне предстоит дела и чего только мне не придется передать г-дам де Бранкасу, Лагарду, аббату де Гриньяну, д'Аквилю, г-ну де Помпону и г-ну Лекалюмсу. Вне вас я не предвижу никакого удовольствия; я заслуживаю, чтобы мои друзья побили и выгнали меня. Быть может, тогда мое настроение пройдет и моему омраченному сердцу станет легче. Но никогда не может случиться, чтобы я пламенно и страстно не желала вас видеть. Пока самое лучшее мое удовольствие — это говорить о вас, но для этого я буду выбирать подходящих собеседников. Я умею жить, я знаю, что хорошо одним, а другим дурно, я не совсем забыла свет, его нежность и доброту, я умею сочувствовать другим. Прошу вас довериться мне, не бойтесь избытка моей нежности к вам. Если моя деликатность и тонкость моего чувства делают порой мою дружбу неприятной, то умоляю вас всем своим сердцем, дочь моя, простить меня за них. Я сохраню свое чувство всю свою жизнь как сокровище, и, мне кажется, благодаря ему я могу прибли-

зиться к совершенству. Каждый день я стараюсь извлекать пользу из своих размышлений, и, если б я могла жить двести лет, я бы приобрела много достоинств.

Если г-н де Санс был бы здесь, то я навестила бы его: я обязана оказать ему вежливость из-за его высокого мнения о вас.

Я гляжу на все места, по которым проезжала к вам пятнадцать месяцев тому назад, и сравниваю мою былую радость с грустью, царящей во мне теперь, — я понимаю, что значит любить кого-нибудь, как я люблю вас.

Я получила вести от моего сына; он писал накануне предполагавшейся битвы. Он, кажется, рад встретиться с неприятелем, и ему очень хочется испробовать свой меч только из любопытства. Его письмо могло бы напугать меня, если бы я не знала хода имперских войск и как щадят «армию вашего брата». Боже мой, как я злоупотребляю вашим терпением, дорогая моя, какую я вам чепуху рассказываю! Надеюсь, из Парижа сообщить разные мелочи, могущие развлечь вас. Поверьте, что настоящие мои дела находятся в Провансе... Но ваше здоровье — вот что меня убивает. Я боюсь, что вы плохо спите и что наконец захвораете. Вы, конечно, не известите меня об этом, но я от этого не менее беспокоюсь.

99. Госпоже де Гриньян

Париж. Четверг, 2 ноября 1673 года

Наконец, дорогое мое дитя, я приехала после четырехнедельного путешествия. Оно, однако, меня меньше утомило, чем ночь, проведенная мною в самой лучшей постели: я не сомкнула глаз. Я считала все часы и наконец на рассвете встала. Ведь что делать в постели, если не спится... Мы приехали вчера, в День Всех Святых, в счастливый день. Мы остановились

у г-на де Куланжа. Не стану вам описывать все мои глупости при въезде в Париж. Я говорила, что нос у меня покраснел от ветра. Я застала г-на де Куланжа дома. Он обнял меня, а за ним, через минуту, г-н де Раре; затем пришли г-жа де Ханзи, г-жа де Баньоль, а потом г-н архиепископ Реймса (Теллье), преисполненный любви к коадьютору; еще через несколько минут явилась г-жа де Лафайет, г-н де Ларошфуко, г-жи Скаррон, д'Аквиль, Лагард, аббат де Гриньян, аббат Тетю. Вы, я думаю, слышите, как все здесь радуются и говорят:

— А что г-жа де Гриньян? Как ваша дорога? и т. д.

Все это без всякой связи, все говорится от души.

Наконец все, поужинав, разошлись, и я провожу эту прекрасную ночь. Сегодня утром, в девять часов, Лагард, аббат де Гриньян, Бранкас, д'Аквиль вошли в мою комнату, чтобы поговорить о пустяках. Во-первых, скажу вам, что вы должны очень любить Бранкаса, Лагарда и д'Аквиля; что касается аббата де Гриньяна, это само собой разумеется. Я забыла передать вам, что вчера прежде всего прочитала ваши четыре письма: от 15, 18, 22 и 25 октября; я чувствовала все, что вы так хорошо изъясняете; но в состоянии ли я достаточно отблагодарить вас за вашу доброту и нежность ко мне, в которых я более чем убеждена? Благодарю вас также за готовность вашу сообщать мне о всех ваших делах. Ах, дочь моя, это вполне справедливо, потому что ничто на свете я не принимаю так близко к сердцу, как ваши интересы, каковы бы они ни были; ваши письма — это вся моя жизнь в ожидании лучшей. Возвращаясь к вашим трем лицам, которых вы должны крепко любить; они только заняты вашими делами; они нашли с кем говорить, и наша конференция продолжалась до полудня. Лагард уверяет меня в дружбе г-на де Помпона; они все им очень довольны. Если вы спросите, о чем говорят в Париже, то я вам скажу, что там только и речи о г-же и г-не де Гриньян, об их делах, их интересах, их воз-

вращении; словом, до сих пор я не заметила, чтобы говорили о других вещах: умные люди скажут вам, что́ они думают о вашем возвращении; если вы мне не верите, поверьте Лагарду. Мы рассудили, насколько положение вещей должно обязывать вас вернуться, чтобы исправить все то, что ваш добрый друг испортил, и как у государя, так и у главных сановников; словом, нет двери, у которой бы он не постучался, и нет ничего, что бы он не пошатнул своими наговорами. Хорошо бы заявить во всеуслышание, что вы приезжаете, и вы его еще здесь застанете, потому что он сказал, что вернется, и тогда г-н де Помпон и все ваши друзья помогут вам устроить ваши дела в будущем. Пока вы будете в отдалении, им не может ничего удался, потому что, в самом деле, тот, кто говорит, всегда возьмет верх над тем, кто молчит. Когда вы поедете в Оранж, то есть г-н де Гриньян, то напишите де Лувуа о положении дел, чтобы для него это не было неожиданностью. Эта осада Оранжа мне не нравится по многим причинам. Я недавно видела г-на де Помпона, г-на де Безона, г-жу де Юксель, г-жу де Виллар, аббата де Понкарре, г-жу де Раре; все шлют вам тысячу поклонов и желают всякого счастья. Наконец, доверьтесь Лагарду. Вот все, что я имею сказать вам. Здесь не советуют посылать уполномоченных, находят ваше и г-на де Гриньяна присутствие необходимым; отговорка войны смешна. Г-н де Помпон говорил г-ну д'Аквилю, что дела не распутаются в Провансе и что часто мир бывает тогда, когда больше всего говорят о войне.

Депрео с Гурвилем были у принца; г-н принц сообразовал показать ему свою армию.

— Ну как вы ее находите? — сказал принц.

— Монсеньор, — сказал Депрео, — я думаю, войско будет прекрасно, когда воины достигнут совершеннолетия.

Дело в том, что самому старшему солдату не больше восемнадцати лет.

Принцесса Моденская ходила по пятам за мною в Фонтенбло. Она приехала сегодня вечером, и живет в Арсенале. Король намерен посетить ее завтра. Она поедет в Версаль к королеве. Затем прощайте.

100. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 27 ноября 1673 года

Дорогая моя дочь, стиль вашего письма торжественный: вы, видимо, очень довольны выигрышем ваших маленьких процессов. Враги ваши уничтожены, мужа вы имели удовольствие видеть отправляющимся во главе d'un drapello eletto¹. Вы надеетесь на удачу при Оранже. Солнце Прованса способно рассеять самые тяжелые огорчения; словом, ваше жизнерадостное расположение духа отражается, как в зеркале, в вашем письме. Да сохранит вас Бог, дорогая моя. Каждый из нас со своей точки зрения прав. Вы полагаете, что в этом отношении имеете преимущество перед нами. Я этого желаю столько же, сколько вы; но предположим, что деньги, которые мы считаем неотразимым божеством, заставят вас ошибиться в счете; признайтесь, вы тогда, подобно нам, будете считать, что все средства хороши. Причина наших разногласий происходит оттого, что мы живем вдали друг от друга. Увы, нас разделяет пространство во много лье, оттого и мысли наши так расходятся и мы судим о вещах каждый по-своему. Я уверена, что если бы мы были вместе, то были бы во всем согласны. Много людей здесь очень интересуются, как вы выйдете из вашего синдиката, но потеря этого маленького сражения, говорю вам, не произведет здесь такого же впечатления, как в Провансе. Мы не пропускаем случая, чтобы к слову не рассказать о тратах де Гриньяна, о его службе королю и о том, как он любим и уважаем

¹ Избранного взвода (*ит.*).

всеми. Что касается умения говорить естественно, плавно, не напыщенно, то мы в этом не уступим тем, которые являются рано при свете факелов. Однако г-н де Лагард находит ваше присутствие необходимым. Говорят о перемирии; будьте спокойны насчет тех, кто попросит для вас отпуска. Я понимаю расходы на осаду Оранжа, но я прямо удивляюсь дьявольской изобретательности вашей бросать деньги на ветер. Помимо всех других причин желать скорейшего вашего приезда, у меня имеется еще особенно важный повод ждать вас в этом году. Дело в том, что аббат намерен сдать отчеты по моей опеке, и необходимо сдать их детям, которых я была опекуницей. Если вы приедете, то и сын мой приедет; подумайте сами, какое вы мне доставите удовольствие. Неблагоразумно медлить с этим делом: добрый аббат может умереть, тогда я буду в большом затруднении; не зная, как взяться за дело, я буду обречена на жалобы бретонцев. Не стану больше распространяться об этом: сами посудите, насколько я заинтересована скорее покончить такое важное для меня дело. Вы еще можете задержаться до конца ваших Собраний, но затем прошу вас об этом в доказательство вашей любви ко мне. Я умру тогда спокойно. Предоставляю вашему доброму сердцу решение этого вопроса.

Вчера все фрейлины королевы были выгнаны, не знают почему. Подозревают, что хотели удалить только одну, но, не желая выделять одну, выгнали всех.

Мадемуазель де Кетлогон осталась у г-жи де Ришелье, Ламот — у жены маршала, Ламарк — с г-жей де Кру соль; Людр и Дампиер возвращаются к Мадам; Дюрувруа остается у матери, с которой она уезжает домой; Лануа выйдет замуж, и, кажется, очень довольна этим; Тобон, по всей вероятности, не останется на улице. Вот все, что известно до сих пор.

Я показала ваше письмо мадемуазель де Мери; она все еще очень слаба. Я передала ваши поклоны по вашему указанию. Аббат Тетю очень доволен вашим по-

клоном; мы часто ужинаем вместе. Вы, как видно, в большой дружбе с архиепископом Реймса, г-жа де Куланж не ладит с братом этого прелата (г-ном Лувуа), итак, не рассчитывайте на ее посредство, чтобы добиться чего-нибудь от него. Бранкас всецело принадлежит вам. У г-жи де Виллар все продолжают обожать вас. Наконец мне и де Лагарду удалось видеть вашего первого президента; это хорошо сложенный человек весьма приятной наружности. Безон говорит про него: «Это хорошая дворняга, способная укусить». Он нас очень вежливо принял; мы передали ему поклоны от г-на Гриньяна и от вас. Говорят, что он оставит свою партию и вместо епископа будет любить вас. Прилив приносит, а отлив уносит их. Не забыла ли я сообщить вам, что кавалер Бюу здесь? Я думала, он на краю света, и была в восторге расцеловать его; мне кажется, что он ближе вам, чем другие. Он приехал из Бреста, был проездом в Витре; он вел замечательную беседу с Рагюлем; он спрашивает его, кто такой г-н де Гриньян и я. Рагюль сказал: «Г-н де Гриньян — человек высокого положения: он первое лицо в Провансе, но это очень далеко отсюда. Мадам лучше бы сделала, если бы выдала свою дочь замуж ближе к Рейну». Кавалера это очень рассмешило. Прощайте, моя милейшая, я вся ваша: эта такая же истина, как дважды два четыре.

101. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 4 декабря 1673 года

Не думать больше об Оранже для меня большое облегчение; эта прибавка к моим обыденным заботам крайне меня беспокоила. Теперь не говорят ни о чем другом, как только о войне синдиката; я бы хотела, чтобы она уже закончилась. Я думаю, что, выиграв маленькое оранжское сражение, вы не замедлите начать другое. Вы не поверите, как здесь напряженно ждали известия об успешном окончании осады. Це-

лую победителя Оранжа и прошу его принять уверение, что я несказанно рада, что дело приняло такой счастливый для него оборот; желаю ему такого же успеха во всех его прочих предприятиях и целую его от всего сердца. Привязанность и любовь к нему всего дворянства — вещь очень приятная. Не многие могут похвастаться умением подчинить себе так много людей такими скромными средствами. Г-н де Лагард уехал, чтобы узнать, что говорят о взятии Оранжа; он снабжен нашими инструкциями, кроме своего здравого смысла и расположения к вам. Д'Аквиль дал мне знать, что он советует де Гриньяну написать королю; желательно было бы, чтобы это письмо по волшебству очутилось бы немедленно в руках или де Помпона, или де Лагарда, потому что я не думаю, что оно придет вовремя. Дело синдика крепче засело у меня в голове, с тех пор как закончилась осада Оранжа.

Вчера мы с г-жой Скаррон и аббатом Тетю ужинали у г-жи де Куланж. Мы долго беседовали; вы, по обыкновению, не были забыты. Нам приятно было провожать в полночь г-жу Скаррон на крайний конец Фобур Сен-Жермен, многим дальше дома г-жи Лафайет, почти возле Вожирар, на дачу; прекрасный и просторный дом, большие и красивые комнаты. У нее есть экипаж, слуги и лошади; она скромно, но прелестно одета, как подобает женщине, проводящей свою жизнь в обществе знатных людей; она любезная, красивая, добрая; с нею очень приятно беседовать. Г-жа де Гедикур была у нее с визитом; маленькая де Гедикур хороша как ангел, она при дворе не отходила от короля и своим присутствием успокоила умы; у нее призвание нравиться; ей всего пять лет, она знает двор лучше старых царедворцев.

На днях кто-то сказал дофину, что есть человек в Париже, который соорудил повозку, запряженную блохами. Г-н дофин сказал принцу де Конти:

— Кузен, кто же сделал сбрую?

— Какой-нибудь паук, живущий поблизости, — сказал принц.

Это хорошо сказано. Эти бедные девицы (королевы) все еще рассеяны; говорят, что будут придворные дамы, дамы для спальни, для столовой вместо девиц. Все эти должности ограничатся четырьмя дамами: именно принцессой д'Аркур, г-жой де Субиз, г-жой де Буйон, г-жой де Рошфор, но ничего еще нет определенного.

Г-жа де Куланж целует вас. Она сегодня намеревалась писать вам и не пропускает случая быть вам полезной. Она радуется взятию Оранжа, бывает иногда при дворе и никогда не пропускает случая сказать что-либо хорошее о вас.

102. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 8 декабря 1673 года

Приходится начать письмо смертью графа де Гиша — вот о чем теперь говорят. Этот бедный человек умер от болезни и истощения в армии г-на де Тюренна; весть об этом получили во вторник утром. Отец Бурдалу пошел объявить герцогу де Грамону, для которого это не было неожиданностью, так как он знал, что сын опасно болен. Он выслал всех из своей комнаты и, оставшись наедине со святым отцом, бросился ему на шею, говоря, что тотчас догадался, какую весть тот ему принес; что он принимает этот смертельный удар от Бога; что он теряет единственный предмет всей его нежности, всей присущей ему привязанности; что он никогда во всей своей жизни не испытал ни одной радости и ни одного огорчения, помимо своего сына. Изнемогая, он бросился на постель, но не плакал, потому что в таком положении нельзя плакать. Отец Бурдалу плакал, ничего не говоря; наконец он заговорил о воле Провидения так, как он один умеет об этом говорить. Они оставались шесть часов вместе, затем Бурдалу повел его в церковь добрых капуцинок, где служили панихиду по дорожному его сыну. Маршал туда вошел дрожа, падая, его скорее

поддерживали и подталкивали, чем носили его собственные ноги; его лицо было неузнаваемо. Г-н герцог видел его в таком состоянии и плакал, рассказывая нам об этом у г-жи де Лафайет. Несчастный маршал вернулся наконец в свою комнату; он как человек, приговоренный к смерти. Король писал ему, он никого не принимает; г-жа де Монако совсем безутешна; г-жа де Лувињи тоже, но не показывает своего отчаяния; не удивляет ли вас счастье этой последней? В одну минуту она стала герцогиней де Грамон. Ее бабка в восторге. Графиня де Гиш плачет-заливается, когда ей рассказывают все, что муж перед смертью поручил передать ей. Она говорит: «Он был очень любезен, я бы его страстно любила, если бы он любил меня хоть немного; я страдала от его пренебрежения ко мне; я тронута и сожалею о его смерти; я все надеялась, что он переменит свои чувства ко мне».

Вот что правда, тут нет комедии. Г-жа де Вернейль тронута до глубины души. Я думаю, что довольно будет, если вы пошлете ей поклон через меня. Вам останется только написать графине де Гиш, г-же де Монако и госпоже де Лувињи. Доброму д'Аквилю выпало на долю ехать во Фразе, в тридцати лье отсюда, чтобы объявить эту весть жене маршала де Грамона, и передать ей письмо от несчастного молодого человека, в котором он разбирает все проступки своей жизни, кается в них и просит у нее прощения. Он поручил просить прощения у Варда и передать ему тысячу вещей, которые могут оказать ему пользу. Одним словом, он хорошо сыграл комедию, оставив богатую и счастливую вдову. Канцлерша (бабка вдовы) так проникнута несчастным браком своей внучки, что она только и думает, чтобы поправить это несчастье, и если бы нашелся эфиопский король, она бы ему отдала все до последнего башмака, чтобы он женился на ее внучке. Мы не видим подходящего для нее мужа; вы, наверное, назовете г-на де Марсильяка, но ни она его, ни он ее не хочет; другие герцоги слишком

для нее молоды. Поищите немного в вашей стороне, потому что это не терпит отлагательства. Вот в какие подробности я пустилась, но вы меня не раз уверяли, что вы это любите.

Осада Оранжа наделала здесь шуму, что очень приятно для де Гриньяна: множество дворян, следовавших за ним единственно из привязанности к нему, большие траты, счастливый исход — все это делает честь ему и радует его друзей, которых здесь немало. Король за ужином сказал: «Оранж взят; у Гриньяна было семьсот дворян с собою; отстреливались изнутри и наконец сдались на третий день; я очень доволен Гриньяном».

Мне передали этот разговор, который Лагарду еще более известен, чем мне. Что касается нашего архиепископа Реймса, то я не знаю, на кого он сердился. Лагард начал говорить с ним об издержках:

— Да, — сказал он, — издержки! Это известно, все так говорят, люди любят жаловаться.

— Но, помилуйте, — говорят ему, — г-н де Гриньян не мог избежать денежных трат при таком количестве дворян, явившихся из любви к нему.

— Скажите, по долгу службы королю.

— Это верно, — возразили ему, — но ведь не было приказа, а они, служа королю, все-таки последовали за Гриньяном. Впрочем, дочь моя, все не важно; вы знаете, что он хороший наш друг, но бывают дни, когда у него разливается желчь, и эти дни злополучны для меня. Пишут новости о наших делах в Бретани.

Маркиз Кеткен-сын напал на г-на де Аруи, говоря, что он единственный богач в то время, когда вся Бретань стонет, и что есть люди, более достойные, чем он, управлять. Г-н Бушера, г-н Лаварден и вся Бретань хотели забросать его камнями и ужасались его неблагодарности, потому что он многим обязан де Аруи. Между тем он получил письмо от г-жи де Роган, которая пишет, чтобы он немедленно поехал в Париж, потому что г-н де Шон имеет приказ запретить ему быть в штатах; таким образом, он исчез накануне приезда гу-

бернатора. Он внушил отвращение к себе низким обвинением, которое он хотел взвалить на г-на де Аруи. Вот, дорогая моя, что вам приходится выслушать ради имени, которое вы носите.

Я была у Помпона, он был один; я оставалась с ним и с г-жой Лавока два часа. Она очень красива. Г-н де Помпон очень хорошо понял, чего мы ждем от него, в случае если приедет курьер, и он, без сомнения, все сделает; но он говорит одну верную вещь: что ваш синдикат будет признан прежде, чем здесь станет известно о перерыве Совета; он думает, что теперь уже все кончено.

Сказать вам все, что тут говорят приятного и полезного для вас, все любезные разговоры с министром о вас — для этого не хватит бумаги. Одним словом, я вполне довольна им, довольствуйтесь и вы моими словами. Он будет в восторге видеть вас и ждет вашего возвращения.

Мы с удовольствием прочитали бóльшую часть ваших писем; все удивлялись стилю и интересу, который вы принимаете в подобных делах. Не говорите мне больше ничего дурного о вашем умении писать: иногда кажется, что написанное нами никуда не годно, оттого что в голове теснятся различные мысли, но этот сумбур рассеивается в голове, а письмо само по себе выходит ясно и естественно. Вот каковы ваши письма; в них есть места такие приятные, что все, кто читал, были восхищены ими. Прощайте, мое милое дитя; каждый день жду вашего брата, а ваших писем жду каждый час.

103. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 11 декабря 1673 года

Сейчас вернулась из Сен-Жермена, где провела два дня в обществе г-жи де Куланж и г-на де Ларошфуко; мы приютились у него. Вечером мы ухаживали за ко-

ролевой, которая наговорила мне много любезностей на ваш счет. Чтобы назвать вам всех мужчин, женщин, старых и молодых, которые забросали меня приветствиями и вопросами о вас, пришлось бы назвать весь двор; нельзя себе представить ничего подобного; как поживает г-жа де Гриньян? Когда она вернется? и то и другое; и наконец, представьте себе, что мне приходилось отвечать двадцати лицам зараз. Я обедала у г-жи Лувуа; хотела возвратиться вчера вечером — нас оставили насильно ужинать у г-на Марсильяка в его очаровательных покоях, с г-жами де Тианж и Скаррон, г-ном герцогом, Ларошфуко, г-ном Вивонном и с небесной музыкой.

Мы возвратились сегодня утром.

Вот ссора, составляющая злобу дня Сен-Жермена: г-н кавалер де Вандом и г-н де Вивонн влюблены в г-жу де Людр. Г-н кавалер де Вандом хочет прогнать Вивонна. Все спрашивают, по какому праву. На это кавалер заявляет, что будет драться с Вивонном; все смеются над ним, но нет, шутки в сторону, он в самом деле хочет драться, садится на лошадь и уезжает за город. Потешнее всего послушать Вивонна; он был в своей комнате, очень страдал от раны в руке и принимал приветствия придворных. «Мне, господа, — сказал он, — мне драться; он может побить меня, если ему этого непременно хочется; но ему не удастся заставить меня драться с ним, пусть он раньше даст сломать себе плечо и даст себе сделать восемнадцать надрезов, тогда (все ждали, что он скажет — будем драться)... тогда, — говорит он, — мы помиримся. Не в шутку ли хочет он стрелять в меня? Вот прекрасное намерение; это все равно что желать стрелять в ворота. Очень раскаиваюсь, что я спас ему жизнь при переправе через Рейн; никогда никому не окажу впредь такой услуги, не добыв раньше его гороскопа. Кто мог бы подумать, что я спас жизнь человеку, для того чтобы он пронзил мне грудь?»

Все это было сказано таким шутливым тоном, что в Сен-Жермене не перестают говорить об этом.

При дворе очень распространяются о вашей осаде Оранжа. Король с наслаждением говорит об этом, а другие, поддерживая его, находят прекрасным, что семьсот дворян без приказа короля, только из любви к де Гриньяну, согласились сопровождать его. Король сказал *«семьсот»*, и весь свет повторяет *«семьсот»*. Для шутки прибавили еще двести носилок, но все согласны, что не много найдется губернаторов с такой свитой.

С г-ном де Помпоном я беседовала три часа наедине. Я довольна им больше, чем ожидала. Мадемуазель Лавока посвящена в наши дела: она очень любезна: она знает про наш синдикат, нашего прокурора, нашу оппозицию, так же как карту и интересы принцев, то есть до мельчайших подробностей; ее зовут *«маленький министр»*, она входит во все наши интересы. Бывают антракты между нашими беседами, которые г-н де Помпон называет риторическими приемами для снискания благосклонности слушателей. Есть пункты в ваших письмах, на которые я не отвечаю: обыкновенный ответ кажется смешным из такой дали; вы узнаете, как нас огорчило взятие какого-то города, между тем как в Париже уже десять дней празднуют снятие осады принцем Оранским; это несчастье — находиться вдали. Прощайте, моя дорогая. Целую вас очень нежно.

104. Госпоже де Гриньян

Пятница, 23 декабря 1673 года

Из головы у меня не выходит одна европейская новость. Я, против моего обыкновения, вам ее сообщаю. Вы знаете, что польский король умер. Великий маршал (Ян Собеский), муж девицы д'Аркиен, находится во главе армии против турок; он одержал полную победу, пятнадцать тысяч турок пали на месте; он взял в плен двух генералов. Все уверены, что, одержав такую великую победу, он будет избран ко-

ролем, тем более что он во главе большой армии и счастье всегда благоволит большим батальонам. Вот новость, которая мне понравилась.

105. Госпоже де Гриньян

Париж. Четверг, 28 декабря 1673 года

Я начинаю сегодня это письмо, а кончу его завтра. Во-первых, я буду говорить о вашем путешествии в Париж: вы узнаете от Жане, что Лагард нашел это путешествие необходимым и советовал просить отпуск. Он, может быть, уже получил его, потому что Жане был у г-на де Помпона. Но вовсе нет, говорите вы, такой необходимости приезжать. Вы представляете такие веские доводы, что я побеждена. Я вас вполне понимаю, дочь моя, особенно когда говорите: «Разве мыслимо, чтобы я, которая обязана больше всякого другого думать о затруднениях вашей жизни, хотела ввести вас в чрезвычайные расходы. Вы и без того с большим трудом едва справляетесь со своей жизнью и т. д.». Нет, дитя мое, я не хочу причинить вам такого зла. Боже меня сохрани от этого! Вы — олицетворение благоразумия, мудрости, даже философии. Я же не хочу быть сумасбродной, несправедливой и суетной матерью, которая все расстраивает, все разоряет и мешает вам своей женской нежностью слушаться голоса своих прямых и сильных чувств. Но мне казалось, что это путешествие не затруднит вас. Вы сами обещали мне приехать, и когда я думаю, сколько вы тратите в Эксе на театры, на праздники, на обеды во время карнавала, то нахожу, что гораздо меньше стоило бы вам приехать сюда, куда вам ничего не надо брать с собою. Г-н де Помпон и г-н де Лагард указывают мне на тысячу дел, для которых присутствие де Гриньяна и ваше необходимо. Я присоединяю к ним еще дела с моей опекой. Я чувствую радость при мысли встретить вас и всецело отдаюсь этой надежде. Вы не беременны, вам не

мешает перемена обстановки. Я даже льстила себя надеждой, что г-н де Гриньян согласится оставить вас на это лето у меня и, таким образом, вы не будете разъезжать, как мужчина, два месяца. Все наши друзья находили, что я права, желая вашего приезда. Вот мои основания, но так как вы не согласны с нашими взглядами, не нашли их ни верными, ни убедительными, то я уступаю необходимости и силе ваших резонов; постараюсь покорно перенести это огорчение, которое считаю наказанием, ниспосланным мне Богом и вполне мною заслуженным. Трудно выдумать более тяжелое для меня наказание и более способное поразить меня в самое сердце, но надо всем жертвовать и решиться прожить остаток дней моих в разлуке с той, которая мне дороже всего на свете, которая олицетворяет собою все мои вкусы, наклонности, всю мою душу. Надо поступиться всем этим по воле Всевышнего, и я покоряюсь ей, я буду удивляться Провидению, допускающему рядом с блеском и пышностью пропасть, лишаящую меня всех радостей жизни, и разлуку, терзающую меня и днем и ночью. Вот мои чувства, они не преувеличены, они просты и искренни, я принесу их в жертву ради моего спасения. Ну, теперь я закончила, больше не буду говорить об этом и не перестану думать о силе ваших доводов и о вашей замечательной мудрости, за которую хвалю вас и которой постараюсь подражать.

Я передала моему другу (Корбинелли) всю вашу *вражду* к нему; потешно, как он хорошо принял это. Я думаю, что он нарочно приехал сюда, чтобы возбудить немного нежности в своих старых друзьях. Нам показалась очень красивой пьеса пяти авторов. Она два дня была у кавалера де Бюу. Ваши два стихотворения очень хорошо исправлены. Наконец приезжает мой сын. Кончаю это письмо, завтра напишу вам другое, полное новостей, которые я узнаю из Сен-Жермена. Говорят что жена маршала де Грамона не хотела видеть ни Лувињи, ни его жены; отъехав десять лье

отсюда, они вернулись. Мы уже забыли, что существовал когда-либо на свете граф де Гиш. Вы, вероятно, смеетесь, с вашей склонностью долго огорчаться, но мы бы ничего не успевали здесь, если бы хотели останавливаться над всякой новостью; надо все вперед да вперед по нашему примеру.

106. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, Новый год 1674 года

Дорогая дочь моя, желаю вам счастливого года и в этом желании заключаю столько вещей, что никогда не успела бы, если бы хотела, подробно назвать их. Я еще не просила отпуска для вас, как вы этого опасаетесь; но я бы хотела, чтобы вы могли слышать все, что говорит де Лагард о необходимости вашей поездки, для того чтобы не потерять ваших пяти тысяч франков, и о том, что необходимо де Гриньяну сказать королю. Если бы это было для процесса, о котором надо было бы хлопотать, вы, наверное, считали бы необходимым приехать; но так как приезд касается места, в котором у вас еще тысяча других дел, то вы оба очень ленивы. Ах, какая прелесть эта лень! Читайте Лагарда, главу первую. Все-таки вам будет приятно видеть и получить одобрение короля. Кстати, отозваны все указы, так душившие нас в провинции; в день, когда г-н де Шон объявил об этом, повсюду раздался крик «Да здравствует король!», вызывавший слезы у людей всех сословий. Все обнимались, все были вне себя, пели *Te Deum*, зажгли иллюминацию и публично благодарили де Шона. Но знаете ли, что мы подносим королю в знак благодарности? Два миллиона шестьсот тысяч ливров и столько же добровольного дара, что составляет вместе ровно пять миллионов двести тысяч фунтов. Как вам нравится маленькая сумма? Поэтому можете судить, как велика оказанная нам милость.

Мой бедный сын приехал, как вам уже известно, и возвращается в четверг с другими.

Г-н де Монтерей ловкий человек; он всех приводит в бешенство. Он утомляет армию и делает ее неспособной двинуться в поход раньше весны. Все войска были удобно размещены на зиму, и когда всё в Шарлеруа будет в грязи, то ему надо будет сделать один шаг, чтобы удалиться; между тем г-ну де Люксембургу невозможно будет свернуть лагерь. По всей вероятности, король не поедет так рано, как в прошлом году. Так как мы ожидали, что при сопротивлении двум героям неприятели будут побиты, мир почти обеспечен. Вот что говорят военные. Г-н де Тюренн не в ладах с Лувуа, но так как он хорош с королем и с г-ном Кольбером, то все спокойно.

Приняли пять придворных дам: г-жу де Субиз, де Шеврез, принцессу д'Аркур, г-жу д'Альбре и г-жу де Рошфор. Девушки больше не служат; и придворная дама, г-жа де Ришелье, тоже не будет больше служить; вместо них будут камергеры и метрдотели, как это было прежде. Королеву всегда будут сопровождать г-жа де Ришелье и три или четыре дамы, чтобы ей не остаться одной. Бранкас восторгается своей дочерью, принцессой д'Аркур, которая так удачно внедрилась.

Великий маршал Польши писал королю, что если его величество хочет признать кого-либо королем Польши, то он всеми силами будет ему помогать в этом, но если он никого не имеет в виду, то он просит его покровительства для себя. Король обещал ему свое покровительство, но не думаю, чтобы он был выбран, потому что он не одной веры с народом.

Набожность де Маран выше всего, что вам когда-либо пришлось видеть; она божественна. Я ее еще не видела, за что ненавижу себя.

Одной особе вздумалось сказать, что г-н де Лонгвиль питает к ней нежные чувства и особенное уважение; он предсказал ей, что она через несколько времени попадет в святые. Эти слова так вскружили ей

голову, что ей не будет покоя, пока не исполнится это пророчество. Маленьких принцев пока нигде не видеть; старший был три дня с отцом и с матерью. Он хорошенький, но никто его не видел.

Целую вас, мое дорогое дитя. Я постараюсь сделать что-нибудь для вашего друга, который так великодушно прикончил человека. Прощайте, дочь моя, целую вас с бесконечной нежностью; я счастлива, думая, что вы любите меня.

107. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 8 января 1874 года

Я никогда не видела более любезных писем, чем ваши, моя дорогая графиня; только что читала одно, которое чарует меня. Я когда-то слышала от вас, что у меня особенная манера толковать мельчайшие вещи, и в самом деле, дочь моя, это вы обладаете такой манерой: пять или шесть мест в вашем последнем письме так блестящи и приятны, что сердцу становится легко. Не знаю, с чего начать ответ мой.

Мне хочется поговорить с вами о вашем ярком солнце и о ваших восхитительных прогулках. Вы мне пишете тысячу любезностей по случаю Нового года; ничто не может больше меня радовать, вы все для меня, и я не могу достаточно скрыть это от других. Начало этого года я провела довольно шумно, я всего только раз писала вам, но поверьте, дитя мое, что этот год, как и все годы моей жизни, принадлежат вам. Вся жизнь моя принадлежит вам до последнего вздоха. Ваши размышления чудесны. Верно, что время скоро проходит повсюду; вы сетуете на это, потому что оно постоянно уносит частичку вашей прекрасной молодости, но вам остается еще много. Что касается меня, то я с ужасом вижу, как оно пролетает, принося мне ужасную старость с ее недугами и наконец смерть. Вот как мрачно окрашены должны быть мысли чело-

века моего возраста; молитесь Богу, дочь моя, чтобы Он внушил мне заключение, которому учит нас христианская вера.

Я часто вижу Корбинелли, который вас обожает и легко понимает мои чувства к вам; за что я его больше люблю. Очень уважаю г-на Барбантана — это один из честнейших светских людей, человек романической доблести, о котором я тысячу раз слышала от Бюсси, его друга: они были братьями по оружию. Г-жа де Сансе еще больна корью, но уже начинает выздоравливать. Ее брат, Куланж, не оставлял ее. Г-жа де Куланж у г-жи де Баньоль, они живут в нашем большом доме. У меня сердце начинает щемить до изнеможения, когда я нахожусь в этой большой комнате, где я так часто видела мое дорогое и милое дитя. Ожидаю новостей о вашем мире. «*Justitia et pax osculatae sunt*»¹; понимаете ли по-латыни? Прощайте, дочь моя, прощайте, дорогая отрада моего сердца. Вы не забыты нигде. Ваш брат убежден в вашей любви к нему; он говорит, что он страстно вас любит, и я ему верю.

108. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 15 января 1874 года

Как я вам уже писала, в субботу я обедала у г-на де Помпона, после чего осталась там до пяти часов; он был восхищен, увлечен, вне себя от прелести стихов «Поэтики» де Депрео. Тут был тоже д'Аквиль; мы говорили два или три раза об удовольствии, которое бы мне доставило ваше присутствие при чтении этих стихов. Г-н де Помпон вспомнил, как вы, будучи маленькой девочкой, гостили у моего дяди де Севинье; вы стояли за окном вместе с вашим братом. Вы были красивы, как ангел; вы говорили, что вы пленница, принцесса, изгнанная своим отцом; брат ваш был так

¹ Справедливость и мир сливаются (лат.).

же красив, как и вы. Вам было девять лет. Он напомнил мне этот день; он никогда не забыл ни одной минуты, в которую он вас видел. Он считает для себя величайшим удовольствием увидеться с вами. Признаюсь вам, моя дорогая, что я замышляю нечто очень радостное, но не обнаружу этого, пока не узнаю вашего решения.

Г-н де Виллар приехал из Испании; он рассказал нам тысячу забавных вещей об испанцах. Я наконец посетила Ла Маран в ее келье. Она очень опустилась: никакой прически, старенький чепчик из венецианских кружев, черный платок, серая полинялая накидка, старая юбка — вот ее наряд. Она была довольна видеть меня; мы нежно обнялись, она не изменилась. Сначала мы говорили о вас; она любит вас, как никогда, и кажется мне такой униженной, что невозможно не любить ее. Затем речь зашла о ее благочестии; она сказала мне, что действительно Господь оказал ей великие милости, за которые она глубоко благодарна: эти милости не что иное, как великая вера, нежная любовь к Богу и отвращение к свету; все это, вместе с большим недоверием к себе, к своим слабостям, внушает ей убеждение, что если она хотя на одну минуту выйдет в свет, то Божья благодать покинет ее. Я нашла, что она с любовью сохраняет в уединении склянку с эссенцией; она думает, что свет лишит ее этой драгоценной жидкости, и даже боится благочестивой суеты. Г-жа де Шомберг говорит, что она беспутная голова в сравнении с г-жою де Маран; ее разнузданный нрав обратился в страсть к уединению; темперамент не меняется. Она ходит пешком в церковь своего прихода, читает все наши хорошие книги, работает, молится Богу; ее день установлен; она почти всегда кушает в своей комнате; в известные часы принимает г-жу Шомберг; она столько же не терпит светских новостей, как их раньше любила, столько же склонна прощать своего ближнего, сколь прежде обвиняла; столько же любит теперь Создателя, сколько

раньше любила Его создания. Я провела у нее два часа; с ней нельзя соскучиться; она себя ест за это удовольствие, но без всякого притворства. Наконец она милее и любезнее, чем была. Не думаю, чтобы вы, дитя мое, могли жаловаться на недостаток подробностей в моих письмах.

Сию минуту получила ваше письмо от 7-го. Признаюсь вам, что оно наполнило мое сердце такой великой радостью, что я едва сдерживаю себя. Мое сердце чувствительно ко всему, что от вас исходит, и я бы возненавидела его, если бы оно было отзывчиво к моим собственным выгодам, как к вашим. Словом, вы приезжаете, дочь моя, это самое приятное для меня, но я скажу вам нечто, чего вы не ожидаете. Клянусь вам Богом, что если бы г-н де Лагард не нашел вашу поездку необходимой и если бы она в самом деле не была крайне нужна в интересах ваших дел, то я не считалась бы, по крайней мере в этом году, ни со своим желанием видеть вас, ни с тем, что вы обязаны нежности моей к вам; я умею, когда нужно, быть благоразумной, как бы это трудно ни было, и подчас обладаю силой в своей слабости, подобно самым большим философам. После этого откровенного объяснения не скрою от вас, что я преисполнена радости, тем более что на сей раз благоразумие вполне согласно с моими желаниями. Теперь я буду занята приготовлениями для приема вас. Знаете ли вы, что после вас и де Гриньяна самое необходимое было бы привезти коадьютора? Может случиться, что де Лагард не всегда будет с вами, а г-н де Гриньян не всегда соблюдает свои интересы более, чем выгоды короля; он так же ревностно относится к последним, как небрежно к своим собственным.

Вы не можете сравниться с г-жой де Кальвисон; чтобы самой действовать, вам надо быть на восемь или десять лет старше, но г-н де Гриньян, вы и коадьютор все вместе можете быть чрезвычайно полезны. Кардинал де Рец приезжает, он будет в восторге видеть вас.

Дочь моя, какая радости! Однако прошу вас не быть чересчур смелой, пусть не повторяется история с Авиньонским мостом, ни с Тарарской горой. Приезжайте, только будьте благоразумны. Больше всего поручаю эту заботу г-ну де Гриньяну, он мне ответит за все. Пишу коадьютору, заклиная его приехать с вами: он облегчит нам прием у двух министров, он будет поддерживать интересы своего брата. Г-н коадьютор отважен, он счастливый; вы друг друга уважаете. Пишу об этом архиепископу; уговорите коадьютора и передайте ему мое письмо. Г-н принц возвращается. Г-н де Тюренн вовсе не уехал. Г-н де Монтерей вышел в отставку. Г-н де Люксембург отпущен. Сын мой через два дня будет здесь. Четыре часа назад украли из часовни Сен-Жермена серебряную лампу за восемь тысяч франков и шесть подсвечников ростом с меня. Вот необыкновенная наглость! Нашли веревки возле скамьи г-жи де Ришелье. Непонятно, как это могло случиться. Сторожа там ходят взад и вперед всю ночь.

Знаете ли, что поговаривают о мире? Г-н де Шон приехал из Бретани и уезжает в Кёльн.

109. Графу де Гриньяну

Париж. 15 января 1674 года

Узнаю, дорогой граф, вашу обычную учтивость и сердечную вашу доброту. Ласки любезного письма вашего доставили мне удовольствие. Уверяю вас, что я уступила бы доводам дочери, если бы ваши интересы не были для меня дороже моих. Г-н де Лагард находит присутствие ваше здесь необходимым. Я тоже уверена, что вы одни сумеете говорить о ваших делах с королем; г-жа де Гриньян может быть полезной в другом отношении, а если захватите с собою коадьютора, то компания ваша будет вполне удачна. Вот мнение не только мое, но и друзей наших, к числу которых принадлежит г-н де Помпон, жаждущий ви-

деть вас. Дорогой граф, одному вам доверяю дело путешествия вашего: прошу по берегу Роны не ехать в экипаже и избегать речки вблизи Монтелимара, которая та же Рона. В ней в прошлом году утонул мой экипаж, а лошади преспокойно поплыли. Ради бога, не смейтесь над моими опасениями; поверьте, что осторожность в пути никогда не мешает.

Прощайте, дорогой граф; надеюсь вскоре обнять вас. Как я благодарна вам! Вы, впрочем, знаете, что питаю к вам не с сегодняшнего дня истинную дружбу и глубокую привязанность.

110. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 22 января 1674 года

Не знаю, надежда ли так располагает к веселью, но я впервые так от души смеялась, когда читала ваше мнение о Пелисоне и де Гриньяне. Корбинелли от него в восторге. Мне кажется, что всякий, кто прочтет это место вашего письма, будет в восторге от ваших шуток. Вы знаете, какую радость испытываю я от нашей переписки, но как странно, что я в то же время жажду, чтобы она скорее прекратилась, до такой степени мысль видеть вас чарует меня. Итак, дорогая моя, вы в самом деле едете ко мне и я в скором времени буду иметь счастье обнять вас и дать вам тысячу доказательств любви и заботливости моей о вас. Сердце мое полно радости от этой сладостной надежды. Сегодня я была в Сен-Жермене, где дамы и кавалеры все спрашивали, когда вы приедете. Графиня де Гиш просила передать вам, что она не пишет потому, что ждет вашего скорого приезда.

Вчера я ужинала у Гурвиля, в обществе г-жи де Лафайет и г-на де Ларошфуко, причем вопрос о Германии был нами исчерпан вполне. Прощайте, дорогое дитя мое. Целую вас крепко и от души. Я иду беседовать с д'Аквилем и Корбинелли.

111. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 26 января 1674 года

Д'Аквиль и де Лагард настаивают на необходимости вашего приезда. Приезжайте же, дитя мое дорогое, поскорее, и все пойдет здесь по-новому: *se te mîgas, me mîga*¹. Как это применимо к вам! Ваши часы нужно положить на солнце, чтобы их все видели! Ваш интендант не так скоро решится расстаться с Провансом; он писал г-же д'Эрбиньи, что вы оскорбляете его, думая, что не обаяние ваше, а только обязанность заставляет его думать о ваших интересах.

В среду на балу почти никого не было. Король и королева надели почти все драгоценности короны. Месье, Мадам и Мадемуазель, г-жи Субиз, Сюлли, д'Аркур, Вантадур, Куеткен и Грансэ не могли, к сожалению, быть на балу. Король был недоволен этим отсутствием.

Только вчера я вернулась из Мени, где провела шесть часов с г-ном д'Андийи, наслаждаясь удовольствием, которое может доставить беседа с таким превосходным человеком. Я видела также моего дядю де Севинье, но одну только минуту. Пор-Рояль — настоящая Фиваида, это рай земной, это пустынь, где сосредоточено все христианское благочестие, это святыня, которой лучи проникают во все уголки страны на милю в окружности. Там живут пять или шесть отшельников, которых никто не знает и которые живут как кающиеся грешники Св. Иоанна Климакского. Монахини — истые ангелы на земле.

Девушка де Вертю доживает здесь свои дни в глубокой скорби и в крайнем смирении. Вся обслуга, начиная от кучера до пастухов и работников, очень скромная. Признаюсь, я пришла в восторг от этого божественного уединения, о котором я столько слышала. Эта страшная долина приспособлена для спасе-

¹ Если ты будешь глядеть на меня, все меня увидят (*лат.*).

ния. Отсюда я уехала ночевать в Мени, а утром, по-
прощавшись с д'Андийи, возвратилась сюда. Завтра
обедаю у де Помпона. Здесь не обойдется без разгово-
ров о его отце и о моей дочери: обе темы близки на-
шим сердцам. Ежедневно ожидаю моего сына, от ко-
торого получаю бесконечно нежные письма. Он уехал
раньше других, а приезжает позже. Мне кажется, при-
чина этому его любовная история в Сезане, но так как
тут дело не в женитьбе, то я к этому совершенно рав-
нодушна.

По дороге из Испании на г-на де Виллара и его
людей напали люди испанского посланника, возвра-
щавшиеся из Франции. Произошла довольно комич-
ная битва: господа оказались на линии огня. Пере-
стрелка шла со всех сторон; несколько убитых. Г-жу
де Виллар никто не поздравлял; с нее довольно, что
муж ее уцелел. Г-н де Люксембург здесь. Сильно по-
говаривают о мире, который вызван больше желанием
всей Франции, чем ходом военных действий. Впро-
чем, кем бы он ни был вызван, его будут желать, по-
ка не заключат. Надеюсь, вы будете решительнее и
довольнее, когда получите отпуск. <...> Г-н и г-жа
де Куланж ждут вас с нетерпением. Де Лагард неоце-
ним как советчик; трудно найти человека, знакомого
с условиями этой страны.

Здесь мадемуазель де Блуа и де Конти продолжа-
ют вызывать всеобщие восторги. Д'Аквиль сообщит
вам новости европейской политики, злоба дня кото-
рой — Англия. Графу де Жермену пожаловали аббат-
ство Сен-Жермен-де-Пре.

112. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 2 февраля 1674 года

Вы пишете о полученной вами почте от 15-го,
а проходите молчанием почту от 12-го, которую вы
с таким нетерпением ждали, чтобы получить отпуск.

Значит ли ваше молчание, что вы его получили? Вообще, вы не особенно спешите с отъездом. Все спрашивают, где вы, выехали ли и когда приедете. Думаю, что вы в настоящее время в Гриньяне, откуда, вероятно, выедете завтра или в понедельник. Словом, я не могу ни о чем другом думать и мысленно следую за вами повсюду. Благодарю вас за обещание не ехать по берегу Роны. Ехать ли по Луаре, узнаете лучше в Лионе, чем от меня. Приезжайте только здоровой — это все, чего я желаю. Сердце у меня трепещет от радости обнять вас. Пусть все встречают вас где угодно, а я буду ждать вас в вашей комнате, где найдете огонь в камине, свечи, удобные кресла и сердце, которое никто не превзойдет в нежности к вам. Графа и коадьютора я готова обнять, я жду их обоих. Вчера был у меня архиепископ Реймса, который все спрашивал о коадьюторе. Вы должны быть благодарны де Помпону за лестную память о вас и желание скорее вас видеть. Кардинал де Рец уведомил меня, что братец ваш наконец приезжает. В добрый час, приезжайте все! Дорогое дитя мое, целую вас, вся ваша, это не заключение письма, но величайшая истина, которой проникнуто мое сердце. Мадемуазель де Мери не пишет вам, она, кажется, пренебрегает вашим знакомством в надежде на лучшее. Сын мой нежно целует вас, а я ваших Гриньянов.

113. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 5 февраля 1674 года

Дорогая дочь моя, сегодня исполнилось много лет с тех пор, как явилось на свет существо, которому определено было свыше любить вас больше всего на свете... А вчера исполнилось три года, как я испытала самое большое огорчение моей жизни; в этот день вы уехали в Прованс, где и живете до сих пор. Не хватило бы бумаги, если бы я стала описывать всю го-

речь, испытанную мною тогда и впоследствии. Сегодня не получила письма от вас; может быть, еще получу, но навряд ли, уже поздно; а я ждала его с нетерпением, чтобы узнать о вашем отъезде из Экса и иметь возможность высчитать приблизительно время вашего приезда. Все меня осаждают вопросами, а я не знаю, что ответить. Я только и думаю о вас и о вашем путешествии: если получу от вас письмо после отправки моего, то будьте уверены, что я исполню все ваши поручения. Сегодня пишу вам немного раньше обыкновенного. Г-н де Корбинелли и мадемуазель де Мери обедали сегодня у меня. Отправляюсь на маленькую оперу Мольера «Тесть Итье», которую будут петь у Пелиссари; это превосходная музыка. Г-н принц, герцог и герцогиня тоже будут там. Оттуда, может быть, поеду ужинать к Гурвилю с г-жой Лафайет, герцогом, г-жой де Тианж и г-ном де Вивонном, с которым распрощаемся, так как он уезжает завтра. Если ужин не состоится, то я пойду к г-же де Шон, куда я приглашена самой хозяйкой дома и г-ми кардиналами де Рецем и де Буйоном; я дала обещание; первый из них ждет вас с крайним нетерпением, он очень любит вас. Вот подали мне письмо от него.

Думали, что у мадемуазель де Блуа оспа, но это неверно. Об Англии молчат, — должно быть, вести нехорошие. В Париже за все время карнавала было два бала, на которых было очень мало масок. Скука ужасная; сен-жерменские вечера в тягость королю, который допускает их только для того, чтобы чем-нибудь ознаменовать карнавал.

В праздник Богородицы Бурдалу произнес восхитительную проповедь, сила которой привела господ придворных в трепет. Она касалась вопроса, что всякая власть должна быть подчинена закону по примеру нашего Спасителя, представленного в храме. Еще ни один проповедник никогда не высказал более высоких и великодушных христианских истин; словом, проповедь была доведена до высшей точки совершен-

ства, а некоторые места достойны были самого апостола Павла.

Архиепископ Реймса вернулся вчера из дворца очень скоро. Он признает себя грансеньором, но его люди считают себя еще знатнее; они, проезжая через Нантер, встретили по дороге верхового. «Стой, останись!»; бедняга хотел посторониться, да его лошадка заупрямилась и ни с места; наконец коляска и шестерка лошадей повалили верхового и лошадь его и так удачно проехали по нему, что экипаж и лошади опрокинулись несколько раз. Между тем несчастный верховой, каким-то чудом уцелевший, выкарабкался из-под них, вскочил на лошадь и во всю прыть ускакал. Лакеи, кучер и сам архиепископ напрасно погнались за ним с криками «Держите, ловите мошенника! Сто палок ему!». Архиепископ, рассказывая об этом происшествии, сказал: «Если бы я поймал бездельника, то сломал бы ему руки и отрезал бы уши».

Вчера я с сыном и г-жой де Лафайет, г-жой де Куланж, г-жой Ланжерон и с аббатом Тетю, Бриолем и Корбинелли обедала у Гурвиля; мы все пили за ваше здоровье и выбрали день, чтобы угостить вас обедом. Прощайте, моя дорогая и милая; я не могу сказать вам, до чего я жажду вас видеть. Это письмо я еще адресую в Лион. Первые два послала в Шамарье; мне кажется, что вы должны быть там. Сию минуту вручили мне ваше письмо от 28-го; оно меня восхищает. Не опасайтесь охлаждения с моей стороны. Я только занята мыслью скорее увидеть, обнять и расцеловать вас.

114. Госпоже де Гриньян

Ливри. Понедельник, 27 мая 1675 года

Что за день, дочь моя, этот первый день вашего отсутствия! Каким показался он вам? Мне этот гorestный день принес терзания, которых я давно уже

ждала и боялась. Что за печальная минута, в которую мы расстались; как грустно разъехаться в разные стороны, когда так хорошо жилось вместе! Не буду больше ни распространяться об этом, ни прославлять, как вы это называете, все мысли, от которых у меня становится тесно в груди. Буду представлять себе ваше мужество и восхищаться вами. Однако вы мне показались взволнованной, когда в последний раз поцеловали меня. Вы легко вообразите, в каком состоянии я приехала в Париж. Я остановилась у кардинала де Рец, и мое горестное состояние дошло до такой степени, что я была вынуждена отказаться от чести принять г-на Ларошфуко, г-жу Лафайет и де Куланж. В присутствии сильных надо уметь скрывать свои слабости. Г-н кардинал вошел в мое положение. Дружба, которую он питает к вам, делает его чувствительным к вашему отъезду. Он заказал свой портрет монаху из Сен-Виктора. Я думаю, что, несмотря на Комартена, он подарит вам оригинал. Он уезжает через несколько дней; его тайна стала всем известна; его люди заливаются горькими слезами. Я была с ним до десяти часов. Не порицайте меня, дитя мое, за чувства, которые я испытала, возвратившись к себе. Какая разница! Какое одиночество! Что за тоска! Ваша комната, ваш кабинет, ваш портрет! Нет только вас, вашей милой особы! Г-н де Гриньян вполне понимает, что я хочу сказать и что я чувствовала. На следующий день, то есть вчера, я проснулась в пять часов; зашла за Корбинелли, чтобы вместе ехать к аббату. Здесь непрерывный дождь, и я очень боюсь, чтобы дороги в Бургундии не размыло. Мы здесь читаем «Максимы», изречения, которые нам объясняет Корбинелли; ему очень хотелось бы научить меня владеть моим сердцем. Я бы много выиграла от моей поездки, если бы вывезла отсюда такие познания. Завтра еду обратно; я нуждаюсь в этом маленьком отдыхе, чтобы успокоить немного голову и прийти по возможности к себе.

115. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 3 июня 1675 года

До сих пор я не получила ни одного письма от вас, а между тем вы знаете, как, мне необходимо знать о вашем здоровье и путешествии; я убеждена, что вы писали мне, и жалуюсь только на беспорядки и расстройства почты. По моим расчетам, вы уже в Гриньяне, если только праздники не задержали вас в Лионе. Словом, я слежу за вами везде, дорогая моя, и думаю, что Рона не преминула оказать вам должное почтение. Я была с Корбинелли в Ливри; оттуда немедленно вернулась, чтобы не потерять ни одной минуты из оставшихся мне пробыть с кардиналом. Его любовь к вам и старая дружба ко мне привязывают меня к нему; я ежедневно бываю у него от восьми до десяти часов; мне кажется, что ему приятно видеть меня перед тем, как ложиться спать; мы беспрестанно говорим о вас.

Эта тема заводит нас очень далеко и единственно затрагивает наше сердце. Он хочет приехать сюда, но я не выношу этого дома, где мне недостает вас.

Герцогиня де Лавальер вчера постриглась в монахини. Г-жа де Виллар обещала меня повести на церемонию, и по недоразумению мы чуть не остались без мест. Нужно было только явиться, хотя королева сказала, что она не хотела бы допускать многих. Но Богу угодно было иначе. Народу было очень много. Г-жа де Виллар этим огорчена. Лавальер совершила свое пострижение, как все другие поступки своей жизни, благородно и прекрасно. Она красивая и смелая женщина; ее красота поразила всех.

Г-жа де Куланж уезжает в понедельник с Корбинелли. Это расстроило мою компанию. Вы знаете, как Корбинелли добр ко мне и как он мне сочувствует. Я уверена в его дружбе, его отсутствие для меня чувствительно; но, дитя мое, после того как я лишилась вас, могу ли я на что-нибудь жаловаться? Я жалуюсь на разлуку с Корбинелли, в сущности, только из-за вас,

потому что он был один из тех, кто умел меня немного утешить; те, с которыми я не могу говорить о вас, мне не так приятны, как те, кто мне сочувствует. Мне кажется, вы боитесь, что я становлюсь смешной, распространяюсь слишком о своей любви, Нет-нет, не бойтесь, я умею сдерживать этот поток. Доверьтесь мне и позвольте любить вас, пока Богу не будет угодно заменить вас в моем сердце: только Ему вы уступите свое место. Я была так занята и полна только вами, что мне запретили причащаться на Троицу, потому что я не способна думать ни о чем, кроме вас. Прощайте, дорогое дитя! Я закончу свое письмо сегодня вечером.

Я получила ваше письмо из Макона. Я еще не могу читать ваших посланий без слез: все связанное с вами в моем сердце так нежно, что я не могу дольше выдерживать, лишь только коснусь его. Вы можете себе представить, что случаи к этому представляются очень часто, но не бойтесь за мое здоровье: я никогда не забываю той философии, которую вы мне проповедовали накануне вашего отъезда отсюда. Я пользуюсь ею по мере возможности, но я так привыкла быть слабой, что часто не могу устоять, несмотря на ваши уроки.

116. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 7 июня 1675 года

Наконец, дочь моя, я снова вынуждена наслаждаться только вашими письмами: они, правда, очень ценны, но когда я вспоминаю, что в течение пятнадцати месяцев вы были рядом, то не могу оглянуться на прошлое без большой печали. Есть люди, которые хотели меня уверить, будто избыток моей любви тяготил вас, что моя постоянная забота угадать ваши желания, которые, конечно, становились и моими, эта забота нагоняла на вас скуку и досаду. Я не знаю, дорогое дитя мое, верно ли это; но во всяком случае, я не желала вам причинять подобного огорчения. Признаюсь,

я следовала своей склонности, я видалась с вами, как только могла, потому что у меня не хватало силы лишать себя этого удовольствия; однако я не думаю, что была вам в тягость. Наконец, дочь моя, оцените по крайней мере уверенность, которую я питаю к вашей любви, и поверьте, что нельзя быть более опечаленной, чем я от вашего отсутствия. Провидение поступило со мной довольно сурово, и я заслуживаю сожаления. Вы мне рассказали чудес относительно того, как нужно владеть собой в подобных случаях, — я слушаю ваши наставления и стараюсь ими пользоваться. В обществе своих друзей я хожу и живу как все, но я довольна, только когда я могу говорить о вас, и выкатившаяся из моих глаз слеза доставляет мне облегчение. Я знаю, где я могу свободно поплакать. Вы понимаете сами, что, выдав вас всюду, я не могу не быть растроганной от тысячи предметов. Они все мне вас напоминают. Вчера я видела Вилларов, которые вас очень почитают. Мы были одни в Тюильри. Я обедала у г-на кардинала, и было грустно без вас. Я разговаривала там с аббатом де Сен-Мийель; он мне показался очень честным человеком, умным и прямым. Он любит кардинала, будет смотреть даже за его здоровьем и не допустит, чтобы он слишком усердно предавался раскаянию. Они уедут во вторник. Это тоже будет горестным днем для меня, хотя и вне сравнения с Фонтенбло. Вот уже пятнадцать дней прошли, дочь моя. Время идет, как бы ни шло. Все, о ком вы упомянули, с радостью узнают о вашем письме. Благодаря этому и меня лучше примут. Сегодня вечером я увижу нашего кардинала. Он позволяет мне проводить у него по вечерам час или два перед его отходом ко сну. Корбинелли был у меня, когда я получила ваше письмо. Он тоже очень радовался, что вы смутили иезуита; он жалел, что не был при том. Г-жа де Латрош была в восторге от того, что вы просили ей передать. Не беспокоитесь о моем здоровье, дорогое мое дитя. Я знаю, что вы не понимаете шуток на этот счет. Шевалье де Гриньян совершенно

выздоровел. Я пошлю ваше письмо к г-ну де Тюренну. Наши братья в Сен-Жермене. Мне хотелось бы переслать вам письмо Лагарда: вы бы узнали в общих чертах жизнь, которую ведут при дворе. Король говел на Троицу, г-жа де Монтеспан тоже. Она ведет примерную жизнь: занята своими рабочими и ездит в Сен-Клу, где играет в «хока».

Кстати! У меня волосы стали дыбом, когда помощник епископа мне сказал, что он видел в Эксе г-на де Гриньяна, играющего в «хока». Какой ужас! Ради бога, не допускайте этого! Вы должны настоять на том, если вас любят. Я надеюсь, что Полина здорова, раз вы о ней ничего не пишете. Любите ее из-за ее крестного отца (Лагарда). Г-жа Куланж так хорошо справилась с принцессой д'Аркур, что не вы, а она тысячу раз извиняется перед вами в том, что ее не было дома, когда вы пришли прощаться с нею; я вам советую не придирааться к ней из-за этого. То, что вы говорите о деревьях, меняющих свои листки, восхитительно. Однообразие деревьев Прованса скучно и надоедает. Лучше менять свой цвет, обновлять свою зелень, чем оставаться всегда зеленым. Корбинелли говорит, что только Бог должен быть неизменным. Всякая другая неизменность есть недостаток. Он сегодня разговаривал. Здесь были де Латрош и настоятель из Ливри. Он очень забавлялся, доказывая им все свойства Божества. До свидания, милая моя, целую вас. Когда-то я буду в состоянии вновь обнять вас! Жизнь так коротка!.. Ах, впрочем, об этом не следует думать. Теперь я жду с нетерпением ваших писем.

117. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 14 июня 1675 года

Я беседую с вами, дорогое мое дитя, вместо того чтобы идти к вам в комнату. Я так несчастна, что вас больше нет рядом. Мое единственное утешение — это

писать вам, получать от вас письма, беседовать с вами, хлопотать по вашим делам. Вчера после обеда я была у кардинала. Вы никогда не угадаете, о чем мы с ним разговариваем. Я снова прошу вас, как всегда, любить его. Я рада, что вы так прочно восстановили его привязанность и любовь к вам. Сообщите мне, как на вас действует воздух Гриньяна, очень ли вы похудели и вообще, как выглядит ваша милая особа. Ваш портрет очень хорош, но не так, как вы сами, не говоря о том, что он нем. Относительно меня не огорчайтесь; мое правило теперь — это жить без всяких правил, и я от этого не заболела. Мой обед проходит очень скучно. Я сижу дома до пяти или шести часов. Вечером, когда у меня нет дел, я иду к кому-нибудь из моих подруг. Я гуляю, но приятнее всего для меня проводить время с нашим кардиналом. Я не упускаю ни одного часа, который он может мне уделить, и он мне уделяет их много. От этого я еще сильнее почувствую когда-нибудь его отсутствие. Все равно я не думаю себя щадить. Потеряв вас, я уже ничего не боюсь. Я бы поехала в Ливри, если бы не он и не ваши дела; но я считаю ваши дела очень важными, они гораздо важнее моих прихотей.

Я еще не получила ваших писем; поверьте, славная моя, невозможно любить больше, чем я вас люблю; я живу только тем, что хоть чуть-чуть касается вас. Г-жа де Рошбонн написала мне очень нежное письмо; она мне рассказала, с каким чувством вы получили и прочли мои письма в Лионе. Значит, вы так же слабы, как и я, дорогое мое дитя...

118. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 19 июня 1675 года

Уверяю вас, дорогая моя, после разлуки с вами в Фонтенбло, которую нельзя сравнить ни с чем, ни одна разлука не была мне так горестна, как вчераш-

няя разлука с кардиналом де Рецем в четырех милях отсюда, у г-на де Комартена. Я поехала туда в понедельник. Я нашла его с тремя его верными друзьями. Их печальные лица вызвали у меня слезы, но когда я увидела его святейшество твердым, но по-прежнему ласковым и добрым ко мне, я могла с трудом вынести это зрелище. После обеда мы пошли побеседовать в один из самых живописных лесов в мире. Там мы пробыли до шести часов, разговаривая о самых разнообразных вещах. Он высказал так много нежных, любезных слов по отношению к вам и ко мне, что я глубоко тронута ими. Я вам еще раз повторяю: вы должны очень и очень любить и почитать кардинала. Г-жа де Комартен приехала из Парижа и пришла за нами в лес со всеми, кто оставался дома. Я хотела вернуться в Париж, но они без труда уговорили меня остаться ночевать. Я плохо спала. Утром я со слезами обняла нашего дорогого кардинала, будучи не в силах сказать что-нибудь другим. Я вернулась сюда с печалью на душе и не могу еще оправиться после этой разлуки. Слезы лились из моих глаз. По правде сказать, если бы их источник закрылся, эта разлука открыла бы его.

Г-н герцог осаждает Лимбург. Принц остался с королем; можете себе представить его ужасное беспокойство. Я не думаю, что мой сын находится при этой осаде или при осаде Гюи. Он вас целует тысячу раз. Я все ожидаю его писем, а ваши письма!.. Разве я могу выразить нетерпение, с которым их жду.. Я так же, как и вы, и, может быть, больше, чем вы, нахожу, что очень долго приходится ждать от одной почты до другой. Время, на которое я иногда сержусь за то, что оно проходит слишком быстро, иногда совсем останавливается. Словом, мы всегда недовольны. Я все еще не могу приучить себя не видеть вас, не встречать вас, не ждать вас. Меня угнетает ваше отсутствие, и я не могу оторвать от вас свои мысли. Наш кардинал немного заслонял бы вас в моей памяти, но ваш образ

так связан с ним, что, взглядываясь внимательно, я начинаю замечать, что он мне так дорог из-за вас. Итак, я, как вы видите, извлекаю мало пользы из вашей философии. Я в восторге, что и вы не совсем чужды человеческой слабости.

119. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 28 июня 1675 года

Г-жа де Вин, как мне показалось вчера, вас очень любит, дочь моя; правда, по-своему, но любит: я не усмотрела никакой задней мысли в том, что она мне говорила.

Я очень рада, что вам нравятся мои письма; я не думаю, чтобы они были так интересны, как вы говорите, но, во всяком случае, они не шаблонны. Наш добрый кардинал живет в одиночестве; его отъезд меня опечалил и напомнил о вашем. Уже давно я заметила, что мы с вами находимся в различных концах света. Здесь страшно холодно: мы топим печи; у вас тоже холодно, это еще более удивительно.

Не беспокойтесь за мое путешествие в Бретань; вы слишком добры, слишком заботитесь о моем здоровье: огорчения других меня тяготят больше, чем мои собственные. У меня нет времени поехать в Ливри: я исполняю ваши дела, я дала себе слово. Я передам все ваши любезности г-же де Виллар и г-же де Лафайет; у г-жи де Лафайет все еще легкая лихорадка. Прощайте, дорогое дитя мое. Вся ваша.

120. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 3 июля 1675 года

Боже мой, как я не могу свыкнуться с мыслью о вашем отсутствии, дочь моя! У меня часто бывают такие горестные минуты, что я не могу свободно дышать. Как я ни стараюсь прогнать эту мысль, она по-

стоянно возвращается. Прошу прощения у вашей рас-судительности в том, что выказываю столько слабос-ти; но не сердитесь хоть раз и позвольте мне облег-чить себя, сказав вам, как я часто страдаю, не говоря об этом никому. Право, Бретань еще больше удалит нас друг от друга — это ужасно; кажется, будто мы обе хотим броситься в разные моря, чтобы целая Франция отделяла нас друг от друга; что Бог даст!

Два дня тому назад я получила письмо от г-на кар-динала; я думаю, уединение не уничтожит его дружбы к вам; что касается до меня лично, я более чем доволь-на его отношением ко мне.

Я вижу, вы пользуетесь своим авторитетом, чтобы заставить вашего сына принимать лекарство; я нахожу, что вы хорошо делаете. Я думаю, вы умеете приказы-вать, но ваше счастье, что ваш сын никогда не видел, как вы сами принимаете лекарство: ваш пример уни-чтожил бы все ваши доводы. Я думаю о вашем брате: помните, как он вас передразнивал? Я очень рада, что маркиз выздоровел: вы воспользуетесь своим влияни-ем на него, чтобы им руководить; я о нем хороше-го мнения, потому что он вас любит. Что касается ме-ня, я дала пустить себе кровь ради вас; от этого себя очень хорошо чувствую. Один доктор, которого я ви-дела у г-жи де Лафайет, мне посоветовал не брать сла-бительного; он мне даст превосходные пилюли; это первый врач Мадам, который лучше всех других пер-вых врачей.

У нас стояли сильные морозы, но меня больше удивляют ваши морозы: мне кажется, что в Провансе мне не было холодно в июне месяце. Я вижу, что вы в полном одиночестве, но я вас не очень жалею: жа-лость я оставляю для других, прежде всего для себя самой. Я нахожу, что надо знать место, где живут близкие нам люди, — незнание вселяет мрак в наше воображение. Вид вашей комнаты и вашего кабинета мне причиняет боль, но тем не менее я часто сижу там совсем одна, мечтая о вас, я не стараюсь себя щадить.

Вы не будете перестраивать вашу террасу? Эта развалина мне не нравится — она мешает вам гулять.

Обнимаю маленького маркиза; скажите ему, что у него есть еще одна мама на свете; я думаю, что он меня не помнит. Прощайте, дорогое, милое дитя мое. Вся ваша.

121. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 24 июля 1675 года

Сегодня очень тепло, моя дорогая красавица, и вместо того, чтобы скучать в постели, я вздумала встать и поболтать с вами, хотя еще только пять часов утра.

Король приехал в воскресенье утром в Версаль; королева, г-жа де Монтеспан и все дамы уже с субботы заняли свои обычные помещения. Через минуту после своего приезда король пошел с визитами. Единственное различие состоит в том, что играют в больших покоях, которые вы знаете. Вечером, раньше, чем запечатать это письмо, я буду знать больше. Я так мало знаю о Версале, потому что только вчера вечером вернулась из Помпона, куда г-жа де Помпон пригласила меня и де Гаквиля с такой любезностью, что мы не могли, да и не хотели отказаться. Г-н де Помпон был действительно рад видеть нас; вас сейчас же стали восхвалять с таким уважением и такой любовью, какие только можно себе представить. Мы много разговаривали; нам вздумалось открыть оборотные стороны всего того, что мы видим. В семьях можно найти ненависть, ревность, злость, презрение вместо всех прекрасных вещей, которые выставляются напоказ. Мне вздумалось украсить подобными картинами комнату вместо настоящих картин; эта фантазия завела нас далеко и очень нас развеселила. Мы хотели разбить голову д'Аквиля, чтобы добыть такие картины. Вы думаете, что в таком-то доме происходит

то-то, что в таком-то месте ожидают друг друга, ну вот, смотрите, там ненавидят друг друга до безумия и так далее в этом роде. Вы думаете, что причина такого-то происшествия то-то, оказывается, наоборот. Словом, бес, который отдернул бы завесу, нас очень развеселил бы. Видите, красавица моя, надо иметь много свободного времени, чтобы рассказывать вам все эти пустяки; вот что значит рано просыпаться; вот как делает г-н де Марсель; если бы теперь была зима, я бы отправилась наносить визиты при факелах.

У вас все еще зима. Ах, дочь моя, как это надоедает! У нас тепло, только в Провансе холодно. Я, дорогое дитя мое, очень опечалена. Прежде возможность проводить зиму и лето с вами меня радовала, но когда видишь, что это время прошло, и прошло навсегда, то можно умереть от огорчения; надо вытеснить эту мысль надеждой на свидание.

Я жду более прохладной погоды и немного спокойствия в Бретани, чтобы уехать. Г-жа де Лаварден, г-жа де Латрош, г-н д'Аруи и я — мы советовались о нашем путешествии, и мы не хотим подвергаться волнениям, которые поднимаются в нашей провинции; они возрастают с каждым днем. Эти черти грабят и жгут до самого Фужера — это слишком близко от Роше. Снова начали грабить контору в Ренне; г-жа де Шон чуть жива от ежедневных угроз. Мне вчера сказали, что ее арестовали. В этом участвовали даже самые умеренные люди. Они послали сказать г-ну де Шону в Фор-Луи, что, если вызванные им войска сделают хотя бы один шаг к провинции, г-жа де Шон будет разорвана на части. Однако несомненно то, что там нужны войска; власти правы, что так поступают; при настоящем положении дел полумеры не годны; однако неблагоприятно ехать, не зная, чем кончится этот страшный беспорядок. Думают, что жатва рассеет это прелестное собрание, потому что ведь нужно же им убрать урожай; их там шесть или семь тысяч человек, из которых даже самые умные не понимают

ни слова по-французски. Г-н Бушера рассказал мне недавно, что один священник получил в присутствии своих прихожан стенные часы «из Франции», как они говорят. Они все начали кричать на своем языке, что это «налог на соль», что они это прекрасно видят. Ловкий священник им ответил таким же тоном: «Во-все нет, дети мои, это не „налог на соль“; вы в этом ничего не смыслите; это „отпущение грехов“». Они немедленно встали на колени. Что вы скажете об уме этих «господ»? Как бы то ни было, надо посмотреть, к чему приведет эта суматоха. Я с неудовольствием откладываю свою поездку; она была назначена и приготовлена, как я хотела; отсрочка ее повредит моим планам. Но вы знаете мою веру в Провидение; надо всегда полагаться на него и жить изо дня в день. Как видите, мои слова разумны, но не всегда мои мысли. Вы легко поймете, что есть одно обстоятельство, при котором я не могу предаться воле Божией, как я это проповедую другим.

Мадемуазель д'Обонн вышла замуж третьего дня. Ваш брат охотно бы променял свой чин на звание полковника в Шампани — г-н де Гриньян имел это звание, — но не все разумные люди соглашались, чтобы он при поспешных временах увеличил свои расходы на пятнадцать или шестнадцать тысяч. С королем вернулось множество народу: обер-гофмейстер, господа де Субиз, Терм, Бранкас, Лагард, Виллар, граф де Фиеск; о нем хочется сказать: «*Di cortesia piu che di guerra amico*»¹. Всего месяц тому назад он вступил в армию. По словам г-на Помпона, нельзя было искреннее желать битвы и решительнее становиться в первые ряды, чем король, когда думали, что придется сражаться в Лимбурге. Он нам рассказал чудесные вещи о том, как его величество жил со всеми, особенно с г-ном принцем и г-ном герцогом; все эти подробности очень интересно послушать.

¹ Он скорее друг двора, чем войны (*ит.*).

Наконец, дочь моя, эта курильница прибыла; она очень похожа на «un jubilé»; она весит больше, чем мы думали, и гораздо менее красива. Эта старинная вещь называется курильницей, но, может быть, худшей работы; это хорошая вещь для Гриньяна, но не для Парижа. Наш добрый кардинал отнесся к ней как к музыке, он хвалит ее, не понимая. Остается только поблагодарить его и не доставлять ему огорчения от мысли, что мы не в восторге от его подарка. Не думайте также, что он считает этот подарок ценным. Поэтому отказаться от него было бы очень грубо. Я его поблагодарю в ожидании вашего письма. Я посоветовала бы вам предложить кардиналу написать свои мемуары; меня об этом просили. Его друзья хотели все вместе заставить его писать.

Г-жа великая герцогиня и г-жа де Сент-Мем говорили здесь о вашей красоте. Если бы не наше путешествие в Помпон, я бы увидела эту герцогиню: все ее находят такой, как вы ее описывали, то есть страшно печальной. Г-жа де Монмартр поехала за ней в Фонтенбло; ей готовят страшную темницу.

Г-жа де Монлуэ больна оспой; горе ее дочери безгранично, а мать в отчаянии, потому что дочь не хочет ее покинуть, чтобы подышать свежим воздухом, как ей приказывают.

Что касается ума, мне кажется, они не особенно умны, но чувства, дитя мое, у них такие же нежные и естественные, как у нас... Вы мне говорите такие любезные вещи о вашей привязанности ко мне, что я, право, не смею высказать, как я этим тронута, как я радуюсь, люблю и благодарю вас. Но вы это легко поймете сами. Вы знаете, как сильно я вас люблю; ваша душа мне нравится. Г-н де Помпон говорил: «Кажется, г-жа де Севинье любит страстно г-жу де Гриньян. Знаете ли вы обратную сторону ее души? Хотите, я вам скажу: она ее любит страстно. Вот и все». И к моей славе, он мог бы прибавить: «и любима ею».

У меня пакет с вашими шелками; я бы желала найти кого-нибудь, кто бы вам его отвез: он слишком мал для дилижанса и слишком велик для почты. Мне кажется, я могла бы сказать то же самое про письмо, которое пишу. Прощайте, дорогое, милое мое дитя. <...>

122. Графу де Гриньяну

Париж. 31 июля 1675 года

Я обращаюсь к вам, дорогой граф, чтобы сообщить об одной из самых тяжких потерь Франции: г-н де Тюренн умер. Эта новость, я уверена, огорчит вас не менее, чем всех. Известие об этом прибыло в Версаль в понедельник. Король был удручен. Смерть величайшего полководца и честнейшего человека в мире должна опечалить всякого. При дворе все плакали, а г-н де Кондом едва не лишился чувств. Собирались ехать развлекаться в Фонтенбло, но теперь все расстроено. Никогда еще не оплакивали никого так искренне: квартал, где он жил, Париж, весь народ — все пришло в волнение. Толпы собирались на улицах, все говорили, все жалели героя. Посылаю вам подробный отчет о том, что он сделал за несколько дней до смерти. Три месяца он вел изумительную войну, которой не перестают удивляться знатоки дела. Наконец настал последний день его жизни и славы. Он имел удовольствие видеть, как неприятельская армия отступала, и 27-го, в субботу, он взобрался на возвышение, чтобы наблюдать за нею. Его план был напасть на арьергард. Он послал об этом письмо королю и велел Брисаку служить молебн. Он извещает о смерти молодого Гокенкура и, запечатав письмо, отправляет его в два часа. Тогда с восьмью или десятью генералами он взбирается на маленький холм. Вдруг издалека раздается выстрел пушки и шальное ядро попадает в Тюренна. Он падает замертво. Можете себе представить крики и плач армии. Курьер, посланный к коро-

лю, приехал в понедельник. Таким образом, король получил в одно время письмо от самого Тюренна и извещение о его смерти. Вскоре приехал еще один адъютант Тюренна. Он рассказал, что обе армии находятся близко друг от друга, г-н де Лорж командует вместо своего дяди и что армия находится в глубоком унынии. Король приказал тотчас же отправиться туда г-ну герцогу в ожидании принца. Здоровье принца очень плохо. Дорога длинна, и при этом ненастье можно опасаться всего. Скверная вещь настоящее утомление принца. Дай Бог, чтобы он скорее возвратился. Г-н де Люксембург остается во Фландрии в качестве главнокомандующего. Генерал-лейтенантами г-на принца назначены г-н де Дюрас и г-н Ла Фельяд. Маршал де Креки остается там, где был.

На следующий день после этой печальной новости г-н де Лувуа предложил королю поправить дело, а именно вместо одного Тюренна назначить восемь генералов. Это называется даже быть в выигрыше. В то же время были вновь назначены восемь маршалов Франции: г-н де Рошфор, г-н Люксембург, Дюрас, Ла Фельяд, Дестрад, Навай, Шомберг и Вивонн. Вот вам ровно восемь. Подумайте об этом. Генерал-фельдцейхмейстер был в отчаянии. Ему пожаловали герцогство, но какая ему польза от этого звания. Он считается придворным по самой своей должности; он не попадет в парламент. Его жена не хочет покинуть Булье. Это все-таки милость, и, если бы он был вдовцом, он бы мог жениться на какой-нибудь молодой вдове. Граф де Грамон зол на Рошфора. Я его видела вчера. Он написал ему следующее: «Ваша светлость, ваш успех не в заслуге, а в милости. Вот почему я не скажу вам больше ни слова. Прощайте, Рошфор. Граф де Грамон».

Это письмо он показал королю. Я думаю, вы об этой любезности того же мнения, что и мы. Я видела один альманах — в июльском номере написано: «Внезапная смерть великого человека», а в августе: «Ах,

что же это такое?» Это по поводу новых назначений. Здесь все боятся. Между тем шесть тысяч отправились разрушать нашу Бретань; ими командуют два провансальца. Г-н де Помпон просил побереечь наше скромное поместье. Г-н де Шон и г-н де Лаварден потеряли голову. Вот что называется неприятности. Если вы когда-нибудь будете делать глупости, не желаю вам, чтобы послали бретонцев для вашего усмирения. Видите, как я далека от чувства мести? Вот, дорогой граф, все, что мы пока знаем. В награду за любезное письмо ваше я своим письмом причиняю вам неприятности. Это огорчает меня не менее вас. Всю зиму нам рассказывали о чудных доблестях героя. Он был близок к совершенству, и чем больше мы его узнавали, тем сильнее должны были любить; поэтому его не перестают оплакивать.

Прощайте, сударь и сударыня, целую вас тысячу раз. Мне жаль вас, что вам не с кем поговорить об этом великом событии.

123. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 2 августа 1675 года

Я все думаю, дорогая дочь моя, об изумлении и горе, какое причинит вам известие о смерти г-на де Тюренна. Кардинал Буйонский безутешен. Он узнал эту новость от одного адъютанта, г-на де Лувињи, посланного к нему с приветствием: тот остановил карету, в которой он возвращался из Понтуаза в Версаль. Кардинал ничего не мог понять из его речи. Адъютант, заметив, что кардинал еще ничего не знает, ускакал от него. Но кардинал велел его нагнать и таким образом узнал про смерть полководца. Кардинал лишился чувств. Его отвезли обратно в Понтуаз, где он провел два дня, не дотрагиваясь до пищи. Он не переставал стонать и плакать. Г-жа де Генего и г-жа Кавуа приходили к нему. Они тоже очень удручены.

Я написала ему записку; в ней напомнила также о вас, говоря, что вы вместе со мною опечалены и из сочувствия к нему, и из любви к павшему герою. Не забудьте ему написать сами. Мне кажется, вы умеете писать, когда хотите.

Париж очень взволнован из-за этой смерти. Мы ожидаем с нетерпением почты из Германии. Монтекукули, выехав оттуда, вернулся обратно. Солдаты, говорят, кричали так громко, что было слышно на две мили в окружности; ничто не могло сдержать их неистовства. Они требовали, чтобы их вели на бой; они хотели мстить за смерть своего генерала, защитника, покровителя, за своего отца: с ним они ничего не боялись. Но теперь они полны гнева и бешенства, они пойдут сами отомстить за его смерть, если их не пустят, они кричали, они требовали, чтобы их вели на бой. Все это рассказал один офицер Тюренна, посланный к королю. Офицер заливался слезами, рассказывая эти подробности. Г-н де Тюренн, получив удар, упал с лошади и умер. У него, правда, еще достало сил проползти один шаг на руках. На его тело накинули плащ. Буагио (это офицер) не отходил более от него, пока не снесли тела в ближайший дом. Г-н де Лорж был в полумиле оттуда. Представьте себе его отчаяние.

Он теряет все, и, кроме того, на его ответственности остается вся армия до приезда г-на принца, а тому нужно двадцать два дня для переезда.

Я тысячу раз в день думаю о шевалье де Гриньяне. Он может потерять рассудок от этого несчастья. Все, кто любил г-на Тюренна, достойны сожаления.

Король сказал вчера по поводу назначения восьми новых маршалов:

— Если б Гадан имел терпение, он теперь был бы тоже маршалом, но он удалился, и хорошо сделал.

Говорят, граф Дестре продает свое место. Он из числа отчаявшихся получить маршальский жезл.

Угадайте, что делает Куланж. Он списывает слово в слово все новости, которые я вам сообщаю. Я вам

писала, что граф де Люд пожалован герцогом; он не смеет жаловаться, он будет маршалом Франции при первой вакансии. Манера, с которой король обратился к нему, дороже всякой чести.

Король приказал ему передать Помпону свое имя и звание.

Он ответил:

— Ваше величество, я ему дам грамоту моего деда; ему придется только переписать.

Надо его поздравить. Г-н де Гриньян должен послать много поздравлений и, может быть, нажить врагов, потому что они в претензии на его светлость это, конечно, несправедливость, но в ней их нельзя разубедить.

Возвращаясь к г-ну де Тюренну. Прощаясь с кардиналом де Рецом, он ему сказал:

— Я не люблю фраз, но прошу вас верить мне, что, если бы не эта война, для которой я нужен, я удалился бы от дел, как вы, и, даю вам слово, нашел бы еще время для жизни вне моей службы.

Я это слышала от д'Аквиля; он рассказывал это на днях. Наш кардинал будет очень огорчен этой утратой. Мне кажется, дочь моя, вам не надоедает слушать разговоры об этом. Есть вещи, все подробности которых интересны. Целую г-на де Гриньяна, желаю вам найти собеседника, чтобы отвести душу в разговоре о Тюренне.

Виллары вас обожают; Виллар вернулся, но Сен-Жеран и его голова остались там; его жена думала, что над ним сжалятся и привезут его обратно. Мне кажется, Лагард сообщил вам о своем намерении навестить вас; мне хочется попрощаться с ним перед этим путешествием. Мое путешествие, как вы знаете, отложено: надо подождать, чем кончится нашествие двух провансальцев с шеститысячным войском на наш край. Г-н Лаварден купил место за четыреста тысяч франков; г-н де Шон сохраняет за собою тень власти. Г-жа де Лаварден и г-н д'Аруи мои руководители. Не беспокойтесь обо мне и о моем здоровье, дорогая моя;

я выздоровею окончательно после полнолуния и когда получат известия из Германии. Прощайте, дорогое дитя; я люблю вас так горячо, как нельзя более; если бы кто-нибудь хотел возбудить мою любовь, он должен был бы быть доволен одной моей любовью к вашему портрету.

124. Графу де Бюсси

Париж. 6 августа 1675 года

Я больше не пишу вам об отъезде моей дочери, хотя я всегда думаю о ней и не могу привыкнуть к жизни без нее, но эта печаль должна принадлежать мне одной. Вы меня спрашиваете, где я, как поживаю и чем развлекаюсь. Я нахожусь в Париже, здорова и развлекаюсь пустяками. Но это слишком коротко сказано, и я хочу развить эту мысль. Я была бы в Бретани, где у меня тысяча дел, если бы не волнения в этой провинции, которые делают ее небезопасной. Туда отправляются шесть тысяч человек под начальством г-на де Форбена. Вопрос в том, какое действие произведет это наказание. Я жду. Если эти упрямцы раскаются и вернуться к исполнению своих обязанностей, я возобновлю свое путешествие и проведу там часть зимы.

У меня действительно были истерические припадки; мое здоровье, которое вы видели всегда таким цветущим, подверглось нескольким приступам болезни. Болезни меня оскорбляют как личные обиды.

Что касается времяпрепровождения, то вы ведь его знаете. Я провожу время с пятью-шестью подругами, общество которых мне приятно, и в тысяче обязательных дел, а это не шутка. Но меня огорчает то, что дни проходят без всякой пользы, а вся жизнь наша состоит из этих дней, и мы стареем и умираем. Я нахожу, что это очень скверно. Жизнь слишком коротка: едва минет молодость, как уже надвигается старость. Я бы хотела, чтобы мы жили верных сто лет. Не хотите ли вы

того же, кузен? Но что мы можем сделать? Моя племянница будет, может быть, одного мнения со мной, смотря по тому счастьем или несчастьем, которое она найдет в замужестве, — она нам расскажет, что у нее слышно, а может быть, и не расскажет, как бы то ни было, я знаю только, что нет того счастья, тех благ или наслаждений, которых бы я ей не желала в новой жизни. Я часто говорю об этом с моей племянницей-монахиней; по-моему, она очень симпатична, а ее ум напоминает ваш. Мне кажется, я ее не могу похвалить больше.

В общем, вы очень хороший календарь; вы предвидели, как знаток дела, все, что произошло в Германии, вы только не предвидели смерти г-на де Тюренна и того злосчастного выстрела, который поразила его среди десяти или двенадцати человек. Что касается меня, которая видит во всем волю Провидения, мне кажется, что выстрел из этой пушки был предрешен уже вечность тому назад; мне кажется, что все влекло туда г-на де Тюренна, и я в этом не вижу ничего страшного, если совесть его была спокойна. Чего ему надо? Он умер в расцвете своей славы. Слава его не могла более возрасти; в это время он даже имел удовольствие видеть отступление неприятеля и плоды своей деятельности за последние три месяца. Иногда, если живешь слишком долго, слава меркнет. Гораздо надежнее, если жизнь прерывается в расцвете, особенно для героев, на которых все смотрят. Если бы граф д'Аркур умер после взятия островов Св. Маргариты или спасения Казала, а маршал дю Плесси-Прален после битвы при Ретеле, разве их слава померкла бы? Г-н де Тюренн не почувствовал смерти; разве это, по-вашему, ничего не значит? Вы знаете, как все оплакивают эту потерю и... назначение восьми новых маршалов.

Вобрен убит в последней битве, которая покрыла славой г-на де Лоржа, посмотрим, чем это закончится. Мы все еще пребываем в страхе, пока не узнаем, что наши войска перешли Рейн.

Бедная Маделона в своем замке в Провансе! Какая судьба! Провидение, Провидение! Прощайте, дорогой граф; прощайте, милейшая племянница. Тысяча приветов г-ну и г-же де Тулонжон: я очень люблю эту маленькую графиню. Я не провела еще четверти часа в Монтелоне, как мы уже были словно всю свою жизнь знакомы, потому что в ней есть легкость ума и мы не могли терять времени. Сын мой остался во Фландрии, он не пойдет в Германию. Все это время я тысячу раз думала о вас. Прощайте!

125. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 9 августа 1675 года

Так как в среду я вам написала только короткую записку, то я забыла многое сказать вам. Г-н Бушера сообщил мне в понедельник вечером, что г-н помощник епископа отличился в Сен-Жермене на совещании о делах духовенства. Г-н де Кондом и г-н д'Ажан сказали мне то же самое в Версале: я уверена, что он также отличится в своей речи к королю; таким образом, его придется постоянно хвалить.

Итак, наши несчастные друзья перешли Рейн вполне благополучно, вполне свободно, разбив неприятеля, — это полная слава для г-на де Лоржа. Мы все очень желали, чтобы король послал ему маршальский жезл после такого прекрасного, такого полезного дела, честь которого принадлежит ему одному. Пушечное ядро убило под ним лошадь. Провидение руководило им, так же как и многими другими. В этом деле мы потеряли Вобрена и, может быть, г-на де Монлора, брата принца д'Аркура, вашего троюродного брата. Потери неприятеля велики; по их собственным словам, у них убито четыре тысячи человек, мы потеряли только семьсот или восемьсот. Герцог де Со и шевалье де Гриньян отличились во главе своей кавалерии; особенно англичане совершали чудеса храбрости; одним сло-

вом, это большая удача. Говорят, что Монтекукули, выразив г-ну де Лоржу свою печаль по поводу потери такого великого полководца, велел ему передать, что он ему позволит перейти обратно Рейн, что он не хотел подвергать свою славу гневу разъяренного войска и храбрости молодых французов, натиску которых ничто не может противостоять. В действительности битва не была общей и войска, которые нас атаковали, были разбиты. Некоторые придворные, которых я из предосторожности не смею назвать, говорили с королем о г-не де Лорже, о назначении де Лоржа маршалом Франции, но все было бесполезно. Он получил только командование Эльзасом и двадцать пять тысяч ливров пенсии, которую получал Добрен. Ах, он совсем не того желал. Г-н граф Овернский получил звание полковника кавалерии и управление Лимузенom. Кардинал Буйонский очень огорчен.

Наш добрый кардинал опять писал папе, говоря, что он не может не надеяться, что его святейшество согласится на его смиренные просьбы, когда прочтет все приведенные в письме доводы; но нам кажется, что непогрешимый и никогда не делающий ничего лишнего папа даже не прочтет его писем, потому что составил ответ свой заранее, как наш маленький «друг», которого вы знаете.

Поговорим немного о г-не де Тюренне; мы уже давно о нем не говорили. Не удивительно ли вам, что мы чувствуем себя счастливыми оттого, что перешли Рейн, и то, что было бы ужасно, если бы он жил, кажется нам счастьем, когда его нет. Видите, что может сделать смерть одного человека? Послушайте, пожалуйста, рассказ, который, по-моему, удивительно прекрасен: мне кажется, будто я читаю римскую историю. Сент-Илер, генерал-лейтенант артиллерии, остановил г-на де Тюренна, который все время скакал верхом, чтобы показать ему батарею; он словно сказал ему: «Остановитесь, потому что здесь вы должны быть убиты». Пушечный выстрел отрывает руку Сент-Илера, показывавшего эту

батарею, и убивает Тюренна. Сын Сент-Илера бросается к отцу, начинает кричать и плакать.

«Замолчите, дитя мое, — сказал тот, указывая на убитого Тюренна. — Посмотрите, вот кого надо оплакивать вечно, вот что непоправимо». И, не обращая внимания на себя самого, он начинает рыдать над телом Тюренна. Сам г-н Ларошфуко плачет, восторгаясь благородством такого чувства.

Офицер г-на де Тюренна, который вернулся было и опять приехал сюда, говорил, что он видел геройские поступки шевалье де Гриньяна: он пять раз принимал участие в атаке; его кавалерия давала сильный отпор неприятелю, и его удивительная храбрость решила битву. Г-н де Буфле и герцог де Со тоже действовали прекрасно, но особенно отличился г-н де Лорж, который выказал себя племянником героя. Возвращаясь к де Гриньяну. Я удивляюсь, что он даже не был ранен, вмешиваясь во все и подставляя себя столько раз под неприятельские выстрелы. Герцог де Вильруа не может утешиться после смерти Тюренна; он пишет, что судьба не может уже больше причинить ему горя, после того как она лишила его возможности быть любимым и уважаемым таким человеком. Г-н Тюренн на свой счет обмундировал целый английский полк, и в его ларце нашли только девятьсот франков. Его тело отвезено в Тюренн; некоторые из его слуг и даже друзей последовали за ним туда. Г-н герцог Буйонский вернулся; шевалье де Куаслен вернулся из-за болезни, а шевалье де Вандом — накануне сражения: об этом все толкуют, даже красота г-жи де Людр не оправдывает его.

126. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 12 августа 1675 года

Посылаю вам самое красивое и лучшее сообщение, какое мы только имели со смерти г-на де Тюренна. Оно написано молодым маркизом де Фекьером г-же

де Вен для г-на де Помпона. Министр сказал мне, что это сообщение лучше и точнее, чем королевское; правда, в жилах этого юного Фекьера течет отчасти кровь Арной, благодаря чему он пишет лучше других придворных.

Я только что видела кардинала Буйонского; он изменился до неузнаваемости; он много говорил мне о вас; он не сомневался в ваших чувствах. Он мне рассказал много ужасов о г-не де Тюренне; его дядя, по видимому, мог предстать перед Богом, потому что его жизнь была совершенно невинна. Он спрашивал у кардинала на Троицу, нельзя ли ему причащаться не исповедуясь; его племянник сказал, что нельзя, потому что он не может быть уверен в том, что с Пасхи не согрешил против Бога. Г-н де Тюренн рассказал ему о своем состоянии; он был далек от смертного греха. Однако он пошел к исповеди по привычке и сказал: «Надо ли говорить с этим монахом, как с г-ном де Жерве? Разве это одно и то же?» Действительно, такая душа достойна Неба; она пришла прямо от Бога и должна была туда же вернуться, потому что вполне сохранилась от мирских искушений. Он нежно любил сына, г-на д'Эльбефа; это чудо храбрости в четырнадцать лет. В прошлом году он послал его к г-ну де Лорену; тот сказал ему: «Братец, вы очень счастливы, что ежедневно видите и слышите г-на де Тюренна; он ваш единственный родственник и отец; целуйте землю, по которой он проходит, и дайте себя убить у его ног».

Бедное дитя умирает от огорчения, которое ему трудно вынести. Граф Овернский взял его к себе, потому что ему нечего ждать от отца; Кавуай огорчается для виду. Герцог де Вильруа писал сюда под влиянием своего горя письма, такие отчаянные, что их следует спрятать. Он не видит большего счастья, чем любовь этого героя, и объявляет, что он пренебрегает уважением всех других. Теперь спасайтесь! Г-н де Марсильяк, говоря о г-не де Лорже, выразился, что

он достоин большего, чем остатки после г-на де Вобрена. После такого успеха ничто не может, по его мнению, наградить его лучше маршальского жезла.

Г-на де Реймса разбудили в пять часов утра, чтобы сообщить ему о смерти г-на де Тюренна. Он спросил, разбита ли армия; ему сказали, что нет; он стал браниться, что его разбудили, назвал своего камердинера мошенником, велел снова задернуть занавеси и заснул... Прощайте, дитя мое; что вам сказать еще?

Я вам посылаю это сообщение в пять часов вечера; я отправляю его сама, а то г-н де Куланж придет сегодня вечером и захочет его списать; этого я терпеть не могу. Я передала ваши поклоны, пожелания г-ну де Помпону и г-же де Вен; правда, их очень хорошо приняли. Я сказала г-ну де Помпону, как вы рады, что не вмешиваетесь больше в эти глупые провансальские ссоры; он посмеялся причине вашей рассудительности; он бы желал, чтобы бретонцы лучше ненавидели друг друга, чем бунтовали. Я была у г-жи Рулье; она всегда любезна. Я думала, что буду в Эксе; я бы хотела просить руки ее дочери для сына, но она питает более великие замыслы. Прощайте, дорогая, любимая моя. Г-жа де Вернейль и жена маршала де Кастелло только что любовались вашим портретом; он всем очень нравится, однако он не так красив, как вы. Целую г-на де Гриньяна, которому я сообщала обо всем, как и вам.

127. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 16 августа 1675 года

Я бы хотела поместить в надгробную речь все, что вы мне пишете о г-не де Тюренне; право, ваш слог отличается необыкновенной энергией и красотой; у вас был прилив красноречия, который дает истинное волнение. Не бойтесь, дочь моя, что его уже забыли здесь; этот поток, который уносит все, не уносит так

скоро воспоминания о подобном человеке; ему суждено бессмертие.

На днях я была у г-на де Ларошфуко с г-жой де Лаварден, г-жой де Лафайет и г-ном де Марсильяком. Пришел г-н Лепремье; в течение двух часов разговор шел о великих достоинствах этого истинного героя; у всех на глазах были слезы; вы не поверите, насколько глубоко запечатлелась в сердцах печаль о его кончине; за вами только то преимущество, что вы можете облегчить свое горе, вздыхая вслух и написав ему панегирик. Мы заметили одну вещь: величием его сердца, обширностью его знаний и возвышенностью его души восхищаются не только со дня его смерти, то же было и при его жизни. Вы можете себе представить, насколько его смерть усиливает то, что было уже раньше. Вообще, не думайте, что его смерть значит здесь то же, что смерть других. Вы можете говорить, сколько вам угодно, но не думайте, что ваша печаль превосходит нашу. Что касается его души, она тоже чудесна; ее глубоко уважали все. Ни одному ханже не приходило в голову обвинять ее в греховности; невозможно себе представить, чтобы зло и грех были в его сердце. Его чувство было искреннее, всякий говорит о чистоте его нравов, о невинности его помыслов, о его смирности, чуждой всякой аффектации, о его прочной славе без блеска и чванства, о его любви к добродетели ради нее самой, а не для одобрения людей, о его великодушном, христианском милосердии. Рассказывала ли я вам, как он обмундировал английский полк? Ему это стоило четырнадцать тысяч франков, и он остался без денег. Англичане сказали г-ну де Лоржу, что они останутся на службе до конца этой кампании, чтобы отомстить за смерть г-на Тюренна, потом они уйдут, потому что не могут повиноваться никому, кроме него. Некоторые молодые солдаты роптали немного в болотах, где они были по колени в воде, а старые солдаты им говорили: «Что вы жалуетесь! Видно, что вы не знаете г-на

де Тюренна; он огорчается больше, чем мы сами, когда нам плохо; в настоящее время он думает только о том, чтобы вытащить нас отсюда. Он бодрствует, когда мы спим; это наш отец. Видно, что вы еще молоды».

И они их успокоили. Все, что я вам сообщаю, верно; я не передаю тех глупостей, которыми иногда думают доставить удовольствие далеким людям, — это значило бы злоупотреблять их доверием, и я гораздо осмотрительнее в моих письмах, чем на словах. Возвращаясь к его душе; итак, надо заметить, что ни один святоша не вздумал сомневаться в том, что Бог встретил ее (его душу) с распростертыми объятиями как одну из самых прекрасных и возвышенных, какие когда-либо вышли из Его рук. Подумайте об этой всеобщей вере в спасение его души, и вы найдете, что это тоже род чуда, сотворенного только ради него. Словом, никто не осмелился усомниться в его вечном упокоении. Вы увидите в будущем последствия этой великой утраты.

Король сказал про одного человека, отсутствию которого вы были рады зимой, что у него нет ни сердца, ни ума: только всего. Г-жа де Роган с горстью людей рассеяла и обратила в бегство мятежников, собравшихся в ее герцогстве де Роган. Войска находятся в Нанте под предводительством Форбена, потому что де Вен все еще в подчиненном положении. Форбену приказано повиноваться г-ну де Шону, но так как он находится в своем Фор-Луи, то Форбен все еще подвигается вперед и командует. Вы хорошо знаете, что значат эти почести в воображении, которые в действительности достаются тем, кто командует. Господин де Лаварден очень просил предводительства; он был во главе старого полка и утверждал, что он достоин этой чести, но он не получил удовлетворения. Говорят, что наши бунтовщики просят пощады. Я думаю, их простят, повесив нескольких. Удалили г-на де Шамильера. Он был ненавистен в провинции,

а заведующим этими войсками назначили г-на де Марсильяка, очень честного человека. Теперь мне не беспорядки мешают уехать, а кое-что, чего я не хочу покидать; я даже не могла поехать в Ливри, несмотря на все свое желание. Надо пользоваться временем, как оно есть; довольно приятно находиться в это ужасное время в центре новостей.

Послушайте, пожалуйста, еще слово о г-не де Тюренне. Он познакомился с одним пастухом, который знал очень хорошо дороги и местность; он ходил с ним один и потом размещал войска согласно полученным от него сведениям. Он любил этого пастуха и находил его очень умным; он говорил, что полковник Бек был такого же происхождения, и думал, что этот пастух также составит себе карьеру. Когда он свободно провел свои войска, он был доволен и сказал г-ну де Руаю:

— Право, мне кажется, что еще не очень скверно; я думаю, что г-н де Монтекукули будет доволен тем, что сделано.

Правда, то было чудом искусства.

Г-жа де Виллар видела другое сообщение со дня битвы; говорят, что при переправе через Рейн шевалье де Гриньян опять продемонстрировал чудеса храбрости и благоразумия. Да сохранит его Бог, потому что храбрость г-на де Тюренна, кажется, перешла к неприятелю: для них теперь нет ничего невозможного.

Со времени поражения маршала де Креки, г-н де Лафейяд занял его пост. Он явился прямо в Версаль, где застал короля, и сказал ему: «Ваше величество, одни выписывают к себе своих жен (то был Рошфор), другие приезжают повидаться с ними; я же приехал только на один час повидать ваше величество и тысячу раз поблагодарить вас». Он беседовал довольно долго, а потом простился и сказал: «Государь, я уезжаю; прошу вас передать мой привет королеве, г-ну дофину, моей жене и моим детям», и он снова сел на лошадь. Действительно, он не видал ни одной живой

души. Эта выходка очень понравилась королю, который со смехом рассказывал, сколько приветов он должен передать от г-на Лафейяда. Надо только радоваться — все удастся.

128. Госпоже де Гриньян

Ливри. Среда, 21 августа 1675 года

Право, дочь моя, вы бы должны были быть здесь со мной; я приехала сюда сегодня утром из Парижа до того усталая, утомленная, что еле живу. Наш аббат остался из-за каких-то дел; что до меня, я свободна до субботы. Итак, три дня я могу провести в мире и отдыхе; завтра я в третий раз приму свое лекарство. Я буду много ходить: мне кажется, мне это нужно. Я буду думать о вас очень часто, чтобы не сказать постоянно: здесь нет ни одного уголка, который не напоминал бы мне, что мы здесь жили вместе год тому назад. Какая разница, боже мой! Мне приятно думать о вас, но ваше отсутствие вызывает горечь в моем сердце. Мы отложим на вечер мои мрачные мысли.

Я себе доставляю удовольствие, беседуя с вами в этой маленькой комнатке, которую вы знаете; ничто мне не мешает.

Я оставила г-на де Куланжа очень огорченным из-за г-на де Санзэ. Что касается г-на де Латрусса, я никогда не видела более счастливого человека. Помните старинные романы? С ним произошло то же самое. Принц храбро сражается. Другой принц подходит, чтобы посмотреть, кто это оказывает такое сильное сопротивление. Он видит неравенство боя, он этим пристыжен, он раздвигает своих людей; он извиняется перед храбрецом, тот сам отдает ему шпагу, видя его благородство, насильно он никогда бы ее не отдал. Он делается его пленником, а благородный принц признает его за одного из своих друзей с того времени, когда они оба находились при дворе Августа; он обращается

с пленником как с родным братом, он перевозносит его доблесть. Но мне кажется, что пленник тоскует. Не знаю, влюблен ли он. Я думаю, что ему позволят возвратиться под честное слово. Я не знаю хорошенько, где его ждет принцесса. Вот вся история.

Когда я вам сообщаю новости, знайте, что я получаю их от людей хорошо осведомленных, но они не хотят, чтобы их называли. Есть другие, у которых я никогда не спрашиваю новостей. Хотите знать, что писали камердинеры? Вы, конечно, понимаете, что это исходит из места, где забавляются писанием смешных писем. Один составляет список того, что он потерял, как-то: футляр, чашку, кодебекскую шляпу, кожаный камзол. «Это был, — говорит он, — дьявольский беспорядок; честное слово, если бы я был генералом, этого бы не случилось». Другой говорит: «Мы были порядочно дерзки; нас было только семь тысяч, и мы напали на двадцать шесть тысяч; поэтому надо только посмотреть, как нас вздули». Еще один говорит: «Мы убежали так проворно, как только могли, но все-таки очень боялись». Надо иметь очень много свободного времени, дитя мое, чтобы рассказывать вам все эти глупости.

Вы так благородно говорите о кардинале де Рече и о его отставке, что этим одним вы стали бы достойны его уважения и дружбы. Я знаю людей, которые говорят, что ему следовало бы приехать в Сен-Дени, и эти самые люди больше всех нашли бы возражений против поездки, если б он ее исполнил. Хотели во что бы то ни стало помрачить достоинство его поступка, но я презираю самую лукавую зависть. То, что вы говорите о г-не де Тюренне, стоит поместить в его панегирик: кардинал Буйонский будет этим доволен или недоволен, потому что, я уверена, он не сумеет прочесть это место вашего письма без слез. После смерти героя войны герой требника удалился в Коммерси: в Сен-Мигеле было уже небезопасно. Первый президент суда имеет землю в Шампани; его аренда-

тор пришел однажды и объявил, что или пусть значительно понизят арендную плату, или уничтожат контракт, заключенный два года тому назад. Его спрашивают почему. Он отвечает, что при г-не де Тюрен не можно было в безопасности собирать жатву и рассчитывать на земли этой страны, но со времени его смерти все начали покидать страну, думая, что неприятель скоро вторгнется в Шампань. Эти простые и естественные вещи превозносят его так же хорошо, как Флешье и Маскароны.

Не говорите мне о поездке к вам: вы меня отвлекаете от всех моих печальных обязанностей. Если бы я слушалась моего сердца, я бы послала к черту все свои делишки и поехала бы в Гриньян. О, с какой радостью я бы все бросила! То время, которое мне осталось жить, я бы прожила по-своему, следуя своему влечению. Какое безумие — насиловать себя такой рутинной обязанностей и дел! Ах, боже мой, кто же за это благодарен? Я слишком предаюсь подобным мыслям: порядок, к моему величайшему сожалению, существует только в моих поступках; речи же мои получили свободу. Мне, по крайней мере, не приходится оправдывать свои поступки. Теперь ваши дела регулируют мою жизнь: это единственное мое утешение. На каникулы я отправляюсь путешествовать по Бретани, я вернусь в ноябре месяце, чтобы подвергнуться всем каверзам, которые мне готовит неверный г-н де Мирпуа.

О гнев справедливый, о злая обида,
Вам я теперь предаюсь!..

129. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 26 августа 1675 года

В субботу утром я вернулась из Ливри; после обеда я отправилась к г-же де Лаварден; она написала вам записку, посылая вам сообщение. Эта маркиза вас

очень любит, и вы ей, конечно, ответите взаимностью. Она уезжает в одну сторону, а д'Аруи и я — в другую; многие уезжают благодаря каникулам суда. Двор сегодня утром отправился в Фонтенбло; это слово еще приводит меня в трепет; но в конце концов, туда ездят для развлечения. Дай Бог, чтобы нас не убили в это время! Осада Трева быстро подвигается. Если какой-нибудь пуле предназначено убить маршала де Креки, ей не трудно будет его найти, потому что, как говорят, он бросается в опасность как отчаянный человек.

Г-н принц в Германии; он сказал одному человеку, который видел его недавно:

— Я бы очень хотел поговорить хоть два часа с тенью г-на де Тюренна, чтобы узнать продолжение его планов, понять его расчеты и воспользоваться его сведениями об этой стране.

А когда этот человек ему сказал: «Ваша светлость, вы здоровы; да сохранит вас Бог, ради вас самих и ради Франции!» — г-н принц только пожал в ответ плечами.

Мой сын сообщает мне, что принц Оранский как будто бы собирается осаждать Кенуа и что, если это правда, они находятся накануне сражения. Г-н де Люксембург страшно хочет, чтобы о нем говорили. Он очень счастлив, потому что действительно беседовал с тенью г-на Тюренна. Наконец все дрожат. Я просила у г-на де Лувуа полк Санзэ и позволения продать ротный значок; понятно, если бедный Санзэ, о котором нет никаких известий, умер. Виконт де Марсильи — мой уполномоченный при министре и взялся сообщить мне ответ; я бы хотела, чтобы этот ответ был мне принесен г-ном де Санзэ. Вы, конечно, понимаете, что если бы г-жа Санзэ имела малейшие претензии, я бы ей не стала мешать, я, которая уважает Сент-Герема за Королевский полк, но король, давший этот небольшой отряд Санзэ, даст его кому-нибудь другому. Что касается Пикардийского полка, не стоит о нем и думать, разве что захотеть быть ра-

зоренным через два года; мало сказать «разоренным», «обесчещенным», потому что останешься на мели, покрытый позором, так как теперь нельзя делать долгов, как некогда. Второй Шонуаз, племянник Сент-Герема, возвратился два дня тому назад: он был в плену у немцев. Вот там следовало бы поискать г-на де Сан-зэ. Что касается несчастного маленького Фруле, то понадобилось потревожить, перевернуть и осмотреть полторы тысячи людей, убитых на поле битвы, чтобы найти этого бедного юношу, которого наконец отыскали, простреленного десятью или двенадцатью пулями. Его несчастная мать требует его места оберффу-рьера (королевского дома), которое она купила; она кричит, плачет и разговаривает, только стоя на коленях. Ей отвечают, что посмотрят, а этого места просят двадцать два или двадцать три человека.

Говоря правду, с каждым днем убеждаются, что еще ни одно поражение не отличалось такой беспорядочностью и таким смятением, как поражение маршала де Креки. В субботу я видела супругу маршала у г-на де Помпона; она неузнаваема, она не перестает плакать.

Не думайте, дочь моя, что смерть г-на де Тюрена забыта здесь так же скоро, как и другие новости: о ней все еще говорят и плачут.

«Все наводит на мысли о нем, и ничто с ним сравниться не может».

Этот стих можно применить к г-ну де Тюренну. Счастливы те, как вы говорите, кто не обратил ни малейшего внимания на эту утрату! Поражение, которое мы потерпели с тех пор, снова возбудило похвалы герою. Вы мне доставили большое удовольствие, испугавшись за судьбу Сент-Илера; он не умер, он будет жить с одной левой рукой и наслаждаться величием и твердостью своей души. Я думаю, вы были очень удивлены, узнав о нашем маленьком поражении: ведь вы еще ни разу в жизни не слышали ничего подобного. Только помощник епископа воспользовался этим, при-

дав своей речи такой оригинальный и остроумный тон. Эта речь понравилась всем умным людям. Придворные, по крайней мере, хвалили ее от начала до конца. В субботу я обедала с помощником епископа и красивым аббатом; я в восторге, когда вижу кого-нибудь из Гриньяна.

Дорогое дитя мое, ищите во всем дворе, по всей Франции: только я одна, имея столь горячо любимую дочь, лишена счастья видеть ее и жить с ней; это воля Провидения, которой я не могу не подчиниться с бесконечной печалью; хорошо, что мы переписываемся, потому что это единственное, что нам остается.

От всего сердца целую г-на де Гриньяна и моих внучат; но прежде всего я принадлежу вам, моя красавица, моя милая; вы знаете, насколько я далека от того безумия, в котором материнская любовь быстро переходит на внучат: моя любовь осталась на первой ступени, и я люблю всех этих малышей только из любви к вам.

130. Госпоже де Гриньян

Париж. Среда, 28 августа 1675 года

Если бы можно было писать ежедневно, я бы прекрасно устроилась; я даже иногда ухитряюсь это делать, хотя мои письма не отходят; но мне доставляет удовольствие писать только к вам; от писем к другим я хотела бы скорее отделаться именно потому, что должна их писать. Дочь моя, я опять собираюсь вам писать о г-не де Тюренне. Г-жа д'Эльбёф, которая остановилась на несколько дней у кардинала Буйонского, пригласила меня вчера обедать с ними, чтобы поговорить об их горе; туда пришла г-жа де Лафайет; мы в точности исполнили то, что решили делать, и не осушали глаз все время. У г-жи д'Эльбёф был чудесный портрет героя. Вся его свита прибыла в одиннадцать часов. Бедные люди были в слезах

и одеты в траур. Три офицера чуть не умерли при виде этого портрета; их слезы раздирали сердце; они не могли выговорить ни слова; его камердинеры, лакеи, пажи, трубачи — все проливали слезы. Первый, кто был в состоянии говорить, ответил на наши печальные расспросы; мы заставили его рассказать про его смерть. Он собирался исповедоваться, раздал приказания на вечер и должен был на другое утро, в воскресенье, причаститься, потому что в этот день думал дать битву.

В субботу в два часа, пообедав, он сел на лошадь, а так как с ним было очень много людей, он оставил их всех в тридцати шагах от возвышенности, куда хотел подняться, и сказал маленькому д'Эльбёфу:

— Оставайтесь там, племянник; вы только вертитесь вокруг меня, и из-за вас меня могут узнать.

Г-н де Гамильтон, находившийся возле места, куда он направлялся, сказал ему:

— Г-н маршал, идите лучше сюда; в той стороне, куда вы направляетесь, стреляют.

— Вы правы, — сказал он, — я вовсе не хочу быть сегодня убитым; это будет лучше всего.

Едва он повернул лошадь, как заметил Сент-Илера, со шляпой в руке. Тот сказал ему:

— Г-н маршал, взгляните на эту батарею, которую я только что велел там поставить.

Г-н де Тюренн вернулся, и в ту же минуту его рука и тело были раздроблены тем же выстрелом, который оторвал руку Сент-Илера, державшую шляпу. Офицер не видел, как он упал, — лошадь унесла его туда, где он оставил маленького д'Эльбёфа; он еще не свалился, но пригнулся лицом к седлу. В эту минуту лошадь останавливается, герой падает на руки своих приближенных; он два раза широко раскрывает глаза и рот и успокаивается навеки; подумайте, он умер — ему оторвало часть сердца. Начинаются крики, плач; г-н де Гамильтон умиряет этот шум и велит увести маленького д'Эльбёфа, который бросился на труп, не

хотел его покидать и надрывался от плача. Тело покрывают плащом; его несут и охраняют; приезжает повозка и увозит его в его палатку. Там-то г-н де Лорж, г-н де Руай и многие другие предаются горю; но надо было себя сдерживать и подумать о важных делах, оставшихся на руках. Ему воздали военные почести в лагере, где истинная печаль выразилась в слезах и криках; у всех офицеров были креповые перевязи; все барабаны были покрыты тем же; они били только один удар; штыки были опущены, и мушкеты перевернуты. Нельзя себе представить без волнения стона всей этой армии. Можете себе представить, в каком состоянии были два его племянника, присутствовавшие при этой торжественной церемонии. Г-н де Руай, весь израненный, велел себя понести туда, потому что это богослужение произошло только после переправы через Рейн. Я думаю, что бедный шевалье (де Гриньян) был очень расстроен. Когда тело увозили, снова было горе; повсюду, где его провозили, слышны были крики, но в Лангре они превзошли самих себя: они встретили его в траурных одеждах в сопровождении народа; духовенство в облачении. В городе была отслужена обедня; в одну минуту они сложились и собрали для расходов до пяти тысяч франков. Проводили прах до ближайшего города и хотели платить за всех сопровождавших. Что вы скажете об этом проявлении привязанности к покойному? Тело прибудет в Сен-Жермен сегодня вечером или завтра; все его люди пошли его встречать за две мили отсюда. Оно будет стоять в часовне, будет отслужена обедня в Сен-Дени в ожидании торжественного богослужения в Нотр-Дам. Вот наше развлечение. Можете себе представить, как мы обедали: до четырех часов мы только горевали. Кардинал Буйонский говорил о вас и сказал, что вы не избежали бы этого печального обеда, если бы были здесь. Я уверяла его в вашей печали. Он ответит вам и г-ну де Гриньяну. Он просил меня передать вам тысячу пожела-

ний, также и добрейшая д'Эльбёф; она и ее сын теряют все. Однако я стала вновь рассказывать то, что известно всем, но эти подлинные рассказы меня поразили, и я была очень рада показать вам, как здесь забывают г-на де Тюренна.

Г-н де Лагард сказал мне на днях, что, придя в восторг от храбрости шевалье, он убеждал его братьев постараться поддержать его состояние по крайней мере до конца этого года; он нашел их вполне готовыми к этому. Этот добрый Лагард теперь находятся в Фонтенбло. Оттуда он должен вернуться через три дня. Но у придворных очень много задержек. Право, положение г-жи Санзэ очень плачевно: мы не знаем ничего о ее муже; он не жив, не убит, не ранен, не взят в плен; его люди ничего не пишут. Г-н де Латрусс сообщил в день сражения, что узнал, будто он был убит, а с тех пор не пишет об этом ни слова ни несчастной Санзэ, ни Куланжу. Мы не знаем, что передать этой женщине в отчаянии; жестоко оставлять ее в этом положении. Что касается меня, я вполне уверена, что ее муж умер; пыль, смешавшись с кровью, вероятно, обезобразила его; его не узнали, сняли с него одежду; может быть, он был убит в отдалении от других теми, кто его захватил, или крестьянами и остался у какого-нибудь забора; мне такая участь кажется более правдоподобной, чем мысль, что он взят в плен.

В конце концов, дочь моя, аббат считает мое путешествие столь необходимым, что я не могу противоречить: он у меня не всегда будет, я должна пользоваться его расположением. Эта поездка продолжится два месяца, потому что добрый аббат не чувствует себя настолько хорошо, чтобы провести там зиму. Он говорит со мной об этом с откровенным видом, который меня всегда будет обманывать, — тем хуже для тех, кто меня обманывает. Я понимаю, что зимой будет слишком скучно; длинные вечера так же скучны, как длинные переходы. Однако в эту зиму, когда вы были у меня, я не скучала, вы, может быть, скучали,

вы молоды; но помните ли вы наши чтения? Правда, если отбросить все вокруг этого маленького столика, возможно, что мы не будем знать, что делать. Провидение об этом позаботится. Я всегда помню то, что вы мне сказали: «От скуки избавляешься так же, как от дурных дорог». Не видано никогда, чтобы кто-нибудь остановился посреди леса, потому что у него не хватило бы храбрости из него выйти. Это как со смертью: нет никого, кто бы не сумел сыграть эту последнюю роль. В ваших письмах есть вещи, которых не хочешь и не можешь забыть. У вас ли, мой друг, Корбинелли и г-н де Вард? Я бы этого хотела; вы, вероятно, хорошо рассуждали, и если вы постоянно говорите о текущих делах и о г-не Тюренне, если вы не можете понять, что из всего этого выйдет, то, значит, с вами то же, что с нами, а вовсе это не потому, что вы живете в провинции. Вчера здесь ужинал г-н де Барийон; говорили только о г-не де Тюренне; он действительно очень опечален его смертью. Он рассказывал нам о непоколебимости его добродетелей, о том, как он был правдив, как он любил добродетель ради нее самой, считал себя награжденным только ею; под конец он сказал, что нельзя было любить г-на Тюренна и не стать самому честнее. Его общество внушало отвращение к обману и лукавству и ставило его друзей выше других людей; в числе их очень выделялся шевалье как один из тех, кого этот великий человек любил и уважал больше всего, а также как один из его поклонников. Многие века не произведут подобного человека. Я не нахожу, что люди очень слепы в этом отношении, по крайней мере те, которых я вижу: мне кажется, это значит хвастаться тем, что находишься в хорошем обществе. Я только что просмотрела числа; конечно, я вам писала в пятницу, 16-го, писала вам в среду, 14-го, и в понедельник, 12-го. Вероятно, «Паколет» или благословение Монтелимара чертовским образом передали это письмо; обратите внимание на это чудо. Скажем еще слово о г-не де Тюренне: вот

что мне вчера рассказали. Вы, конечно, знаете Пертюи и его благоговение и любовь к г-ну де Тюренну; лишь только он узнал о его смерти, он написал королю: «Ваше величество, я лишился г-на де Тюренна; я чувствую, что мой рассудок не в силах перенести этого горя, и, не будучи в состоянии служить вашему величеству, прошу разрешения отказаться от управления Куртрэ».

Кардинал Буйонский не позволил передать это письмо, но, опасаясь, чтобы он сам не явился, он рассказал королю о последствиях отчаяния Пертюи. Король очень сочувствовал этому горю и сказал кардиналу, что он зато еще больше уважает Пертюи; он не хочет, чтобы Пертюи думал об отставке. Он слишком честный человек, чтобы не исполнять своего долга в каком бы то ни было состоянии. Вот каковы люди, оплакивающие героя. Он имел четыре тысячи ливров ежегодного дохода; г-н Булера нашел, что после оплаты завещанного имущества и всех долгов остается только десять тысяч ливров ежегодной ренты, то есть двадцать тысяч франков для его наследников, если только не замешаются судебные процессы. Вот как он разбогател за пятьдесят лет службы. Прощайте, дорогое дитя мое; целую вас тысячу раз с нежностью.

131. Госпоже де Гриньян

Париж. Пятница, 6 сентября 1675 года

Мне жаль вас, дорогое мое дитя, и необходимость еще дальше уехать от вас на несколько дней из-за наших расстроенных дел вызывает во мне истинную печаль. К довершению удовольствия от этого путешествия Елена не едет со мной; я так медлила, что она теперь уже на девятом месяце. Со мной Мария; у нее теперь, как вы знаете, сыпь. Но не беспокойтесь за меня; я попробую обойтись без того, чтобы мне служили, как я люблю, и побыть немного одной. Я с удо-

вольствием испытаю свое смирение и буду следовать примерам бодрости и рассудительности, которые вы мне даете. Разве г-жа де Куланж не скучает в Лионе? Было бы недурно, если бы я могла жить только с людьми, мне приятными. Я буду помнить ваши наставления; я буду заниматься уплатой своих долгов и съедать свои припасы; я буду много думать о вас, моя красавица; я буду читать, гулять, писать, получать ваши письма. Увы, жизнь проходит даже слишком скоро, она постоянно портится. У меня всегда с собой масса лекарств. Хороши они или дурны, я люблю их все, я ими лечу даже своих соседей. Для меня, я думаю, они будут вполне бесполезны, так как я себя чувствую хорошо.

Третьего дня в Ливри я совсем одна гуляла при луне; росы не было; я там пробыла от шести часов вечера до полуночи и прекрасно себя чувствовала после этой прогулки. Я должна была оказать эту вежливость прекрасной Диане и милому аббатству. От меня зависело поехать в Шантийи в очень хорошем обществе, но я не была настолько свободна, чтобы совершить это чудное путешествие, я его отложила до наступающей весны. Я была недавно у Миньяра, чтобы посмотреть портрет Лувињи. Портрет как живой, но я не застала самого Миньяра; он писал портрет г-жи де Фонтевро; я посмотрела в замочную скважину. Я не нахожу ее красивой. Аббат Тетю находился около нее, отпуская шутки. Виллар была у двери вместе со мной; мы много смеялись.

Г-н принц снял осаду Гагенау и очень удивлен тем, что находится в оборонительном положении, отступает и окапывается по направлению к Шельштадту; подагра и октябрь увеличивают его невзгоды. Я беспокоюсь о своем сыне. Мне кажется, что я потеряю голову за эти десять-двенадцать дней. Вы, конечно, понимаете, что я не оставлю Парижа в это время, когда приходят все известия. Сент-Ту видел сон накануне своей смерти, что он поссорился с принцем Оранским и на-

говорил ему таких дерзостей, что принц велел своим гвардейцам поколотить его. Сент-Ту рассказал этот сон, и он на следующий день был действительно убит гвардейцами, потому что он не хотел сдаваться, хотя был один против двухсот. Это прекрасная мысль, все над ним смеются, хотя Вуатюр говорил нам, что не следует смеяться над покойниками. Несчастную Санзз изводят глупыми надеждами на то, что ее муж не умер; она хочет дожидаться конца осады Трева, чтобы надеть траур. Прощайте, милая моя; не могу вам выразить, как я вам предана. Хотя я больше вашего выражаю то, что чувствую, мои выражения далеко не могут сравниться с моими чувствами.

132. Госпоже де Гриньян

Париж. Понедельник, 9 сентября 1675 года

Прощайте, дорогая моя, сейчас я сяду в коляску. Я покидаю на некоторое время Париж и огорчаюсь, что не буду так аккуратно получать письма от вас и от моего сына. Его полк вовсе не состоит из одних «булочников», но я очень беспокоюсь за него, не из-за г-на принца, а из-за г-на Люксембурга, который находится в полку моего сына и у которого очень руки чешутся. Увы, помните наше страстное желание, чтобы г-н де Тюренн был в полку вашего брата? В конце концов все мои дела расстроились, я даже думаю, что вряд ли развлеку вас; весь набор глупостей, которые я вам сообщала, будет сведен к нулю. Если бы вы меня не любили, вы бы вовсе не открывали моих писем. Итак, дорогая моя, я уезжаю с добрым аббатом и Марией; со мной два верховых и шесть лошадей; я еду через Орлеан и Нант. Я вам напишу с дороги — это одно из моих любимых занятий, как говорит Монсо.

Я никогда не видела такого чудного человека, как д'Аквиль; я не знаю, каковы *другие*, но что касается

того, кого мы знаем, мне кажется, нет ему подобного; не говоря о том, что его называют не «Аквиль», а «д'Аквилли». Я поручила ему дело сенешаля Реннского; знают ли его в ваших окрестностях? Дело было затруднительное; нужно было умение, чтобы его понять; я попросила де Гаквиля заняться им; он принялся за него как за свое, занимался им, спорил с Парером, который был против; доложил о нем г-ну де Помпону, чтобы тот не понял его дурно; словом, останется только целовать следы его ног. Сенешаль так удивлен, что нашел на земле подобное сердце и выиграл дело, что он меня считает самой богатой женщиной во Франции, потому что я имею такого друга, и он прав. Воспользуйтесь им, не боясь его утомить, а также толстым аббатом (де Понкарре), если вам надо будет послать какой-нибудь вексель; надо знать способности людей. У вас не будет недостатка в новостях; добрая Трош будет вам посылать большие новости; но, как вы говорите, все благополучно; весь остальной год будет сплошным наслаждением и удовольствием; поймите только, что может значить — этот великий принц Конде отступает, окапывается и сталкивается лицом к лицу с октябрем и с подагрой. Г-н де Лорен не хотел, чтобы осаждали Трев, и говорил: «Вы все там погибнете, господа; подумайте, что в Треве четыре тысячи человек и разгневанный маршал Франции». Действительно, этот маршал совершает чудеса: каждые два-три дня он необыкновенно тщательно очищает траншеи; но, в конце концов, нет ничего неприступного, надо будет сдаться. Супруга маршала (де Креки) все еще говорит, что г-н де Санзэ в Треве; я ей не верю; вот была бы штука, если бы его жена, оплакивающая его и отказавшаяся от надежды найти его в этом осажденном месте, если бы она вдруг узнала, что он там убит. Это безумие.

Вчера я простилась с г-ном Лагардом; если он вас захочет поцеловать, позвольте ему сделать это за меня; я его очень люблю и уважаю; воспользуйтесь его

разумом. Умоляю вас, дорогое мое дитя, берегите свое здоровье, если любите меня. Я знаю, что вы мне говорите то же самое; уверяю вас, что я это исполню, чтобы вам угодить. Не волнуйтесь из-за пустяков — это неразумно; сохраняйте свою бодрость и передавайте мне часть ее в ваших письмах — это хорошая вещь в нашей жизни. Пишите мне много о себе. Все мельчайшие подробности приятны для друга.

Напишите нашему дорогому кардиналу; знаете, вы неверно рассуждали о курильнице; высокомерие, с которым вы отнеслись к этому знаку его расположения, его кольнуло. Конечно, вы преувеличили возвышенные чувства; в таких случаях вы не должны выказывать нерасположения к подаркам; никто с вами не согласится, а если вы одна только придерживаетесь какого-нибудь мнения, вы не должны на себя полагаться.

Вчера вечером я простилась с самым красивым из всех прелатов; он просил одолжить ему мой портрет, то есть ваш, чтобы отнести его к г-же де Фонтевро; я отказалась наотрез и сказала ему, что я отказала в этом Мадемуазель, в то же время я сама отнесла его в маленькую комнату. Я уверена, что его оттуда не вынут: все слишком хорошо знают, как мне дорог этот чудный портрет; если за ним придут сюда, скажут, что я его увезла с собой. Г-н де Куланж вам сообщит, где он. Г-н де Помпон хотел на днях его видеть; он говорил с ним и думал, что вы сейчас ответите.

Ваше отсутствие увеличивает сходство; мне от этого не легче было расстаться с этим портретом.

Мы до слез смеялись над вашим описанием г-жи де Лашарс и ее старшей дочери Филлиды; ей тридцать девять лет; я ее вижу отсюда. Что же вы говорите, что нехорошо рассказываете? Ничто не может быть сказано так комично, никто так мило не пишет; но надо плакать, что живешь в стране, где так смешно выражают свое горе. Благодарю вас за то, что вы потрудились рассказать об этом сумасшествии. Вы не лю-

бите этого слога, но меня он очень обрадовал; г-н де Куланж вам скажет. Он прочел это место. Кажется, мне больше нечего сказать. «Пускай везут меня в Роше, мне больше нечего писать; идем, аббат, готово!» Я уезжаю, моя прекрасная графиня; итак, прощайте, дорогая моя.

Прощайте, я уеду, Гермiona,
Аббата исполняю я приказ,
Хотя меня погибель ожидает.

Это я говорю в шутку, потому что наша провинция спокойнее Соны.

В настоящее время в Нотр-Дам с большим торжеством совершаются панихиды по г-ну де Тюренну. Кардинал Буйонский и г-жа д'Эльбёф предлагали мне вчера пойти туда, но с меня достаточно панихиды в Сен-Дени: я никогда не видела, чтобы так хорошо служили. Не удивляетесь ли вы тому, что производит смерть героя, и обороту, который приняли дела с тех пор, как мы его лишились? Ах, дорогое дитя, я давно уже с вами согласна: нет ничего лучше, как иметь добрую, прекрасную душу: она проглядывает во всем как через хрусталь; тогда нечего скрываться. Вы никогда не ошибались в этом; никогда не принимают долго тени за самую суть, надо быть тем, чем хочешь казаться. Мир не терпит долгих несправедливостей — вы должны быть этого мнения ради собственных выгод. Прощайте, дорогое дитя, целую вас от всего сердца.

133. Госпоже де Гриньян

Вторник, 17 сентября 1675 года

Вот странный заголовок письма: «Я плыву в лодке по течению реки очень далеко от своего замка»; я думаю даже, что я могу сказать в заключение: «Ах, какое безумие!» — потому что вода так мелка, лодка так часто садится на мель, что я жалею о своем эки-

паже, который катится обыкновенно не останавливаясь. На воде скучно одной: недостает маленького графа де Шапеля или мадемуазель де Севинье. Но во всяком случае, безумно садиться в лодку в Орлеане или даже в Париже. Правда, все считают своей обязанностью нанять лодочников в Орлеане, так же как в Шартре купить четки.

Я вам писала, я видела аббата д'Эффиа в его красивом доме. Я писала вам из Тура; я приехала в Сомюр, где мы видели Винейля. Мы снова горевали с ним о г-не Тюренне; он был очень тронут. Вы его пожалеете, когда узнаете, что он живет в городе, где никто не видел героя. Винейль очень постарел, сильно кашляет, харкает, стал набожным, но все еще умен; он шлет вам тысячу поклонов. От Сомюра до Нанта тридцать миль; мы решили проехать их в два дня и приехать сегодня в Нант. С этой целью мы выехали вчера в два часа ночи; мы сели на мель и застряли в двухстах шагах от нашей гостиницы; мы вернулись на лай собаки и в полночь прибыли в лачугу более бедную и жалкую, чем можно себе представить: две или три старухи в ней пряли. Мы нашли там свежую солому; все легли не раздеваясь. Это было бы очень смешно, если бы не аббат. Мне просто стыдно подвергать его таким образом тягостям путешествия. Мы сели вновь в лодку на рассвете, но мы так долго были на берегу, что прошел почти час, пока мы снова стали беседовать. Мы хотим во что бы то ни стало приехать в Нант. Мы все гребем. Я найду там письма от вас, дочь моя. Но я так верю в вашу любовь, что уверена в том, что вы будете рады получить известие о моем путешествии. Мне сказали, что почта проедет скоро через Ингранд, — я проездом оставляю там это письмо. Я вполне здорова, мне только нужно немножко поболтать. Я вам, конечно, напишу из Нанта. Я с нетерпением жду известий о вас и о войске г-на де Люксембурга; меня это очень беспокоит: вот уже девять дней я нахожусь в неизвестности. История Крестовых

походов очень красива, особенно для того, кто читал Тассо и кто находит своих старых друзей в прозе и в истории; но я поклонница слога иезуита. «Жизнеописание Оригена» божественно. Прощайте, моя дорогая, милая, возлюбленная; вы мое любимое дитя.

134. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 29 сентября 1675 года

Я вам писала, дочь моя, отовсюду, откуда могла, но так как я не была столь же аккуратна по отношению к д'Аквилю и другим моим друзьям, то они беспокоились обо мне, за что я им очень благодарна. Они оказали честь Луаре, заподозрив, что она меня погубила. Увы, бедная! Она бы мне первой сыграла такую шутку! Я не пострадала только потому, что в этой реке было слишком мало воды. Де Гаквиль пишет мне, что он не знает, что передать вам обо мне, и боится, чтобы его молчание не обеспокоило вас. Не слишком ли вы любезны, дитя мое, выказывая такую нежность ко мне. Мне осталось только писать вам очень аккуратно. На другой день после того, как я вам писала, в среду, я уехала из Силлерэ; г-н де Лаварден посадил меня в коляску, а г-н д'Аруи завалил меня провизией. Мы прибыли сюда в четверг. Сначала я нашла, что мадемуазель дю Плесси стала еще более ужасной, сумасшедшей и дерзкой; ее любовь ко мне меня позорит; «клянусь мечом», что я не поощряю это никакими любезностями, никаким расположением или одобрением. Я ей говорю отвратительные грубости, но, к несчастью, она все обращает в шутку. Это все правда, особенно после истории с пощечиной, от которой Поменар чуть не умер со смеху. Итак, она постоянно около меня; но она исполняет черную работу, мне она не мешает. Вот теперь она кроит для меня салфетки. Я нашла, что здешние леса необыкновенно прекрасны и печальны; все де-

ревья, которые вы видели маленькими, выросли, выровнялись и стали чрезвычайно красивы; они обрезаются и доставляют приятную тень; в вышину они имеют от сорока до пятидесяти футов. В этих подробностях видна частица материнской любви: подумайте, ведь я их все посадила, я их видела, как говорил г-н де Монбазон о своих детях, «когда они были вот такими малютками». Это уединение создано нарочно для того, чтобы здесь мечтать. Вы бы им хорошо воспользовались, да и я недурно пользуюсь; если мои мысли здесь не совсем черные, то они по меньшей мере темно-серые. Я думаю о вас каждую минуту, я вас жалею, я хочу вас видеть: я думаю о вашем здоровье, о ваших делах, о том, как вы живете, о чем вы думаете, когда на дворе сумерки. У меня все вертится на языке стих:

Под какую несчастной звездой родился
Несчастный предмет столь нежной любви.

Надо смиренно подчиняться воле Божией, чтобы без отчаяния смотреть в глаза тому, что я вижу, и о чем, конечно, с вами говорить не стану.

Не беспокойтесь из-за отсутствия Елены: Мария все исполняет отлично. Я не выхожу из себя. Мое здоровье так же хорошо, как шесть лет тому назад. Я не знаю, откуда ко мне вернулся этот источник молодости. Я читаю и развлекаюсь. Все это вместе с надеждой вас видеть мешает мне, как вы говорите, потратиться на веревку, чтобы повеситься. На днях я нашла письмо от вас, где вы меня называете «доброй мамочкой». Вам было тогда десять лет, вы были в монастыре Святой Марии и рассказывали о падении г-жи Амело, которая из зала провалилась в погреб; это письмо написано уже хорошим слогом. Я нашла тысячу других писем, которые писали некогда к мадемуазель де Севинье. Все это напоминает мне о вас. Откуда бы у меня явилась подобная мысль без этого? С последней почтой я не получила от вас письма

и очень этим опечалена. Я также не имею известий от помощника епископа, от Лагарда, Мирпуа, Беллевера, будто все пропали; я собираюсь их разбудить.

Не удивляетесь ли вы счастьем короля? Мне сообщили о смерти «его высочества моего отца», который был опасным неприятелем, а также что императорские войска снова перешли Рейн, чтобы идти на помощь к императору, которого теснят в Венгрии турки. Вот что называется счастливой звездой; потому-то здесь, в Бретани, боятся суровых наказаний. Я собираюсь посетить добрую принцессу Тарантскую; она уже мне два раза посылала поклоны и все спрашивает меня о вас; если она подойдет ко мне с этой стороны, она мне очень угодит. Вы рассказываете чудеса о Сенту: «По крайней мере, его не обвинят в том, что он рассказал свой сон после своего несчастья». Это комично. Я жалею, что вы не можете перечитать все ваши письма. Хотя они составляют мое лучшее и единственное утешение, хотя я знаю им цену, однако я недовольна, что получаю их так много. Добрый аббат очень сердит на г-на де Гриньяна; он надеялся, что г-н де Гриньян напишет ему, благополучно ли было путешествие «Иакова», прибыл ли он счастливо в Обетованную землю, хорошо ли он разместился и устроился со своими женами, детьми, овцами, верблюдами, — это стоит нескольких слов. Он собирается их забрать, когда поедет в Гриньян. Как поживают ваши дети? Прощайте, милая, дорогая моя. Я часто получаю письма от сына. Он очень огорчен, что не может отделаться от должности знаменосца, но он должен понять, что здесь есть на руках присутствующие лица, которых надо наградить и которых всегда предпочтут отсутствующему, которого считают пристроенным, а который в самом деле скучает в подчиненном положении, и о нем вовсе не заботятся. Ах, как хорошо, подумаешь, то, о чем мы как раз говорили, — после долгого плаванья очутиться в девятистах лье от мыса и так далее.

135. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 6 октября 1675 года

Право, дочь моя, вы мне рассказали очень жалостную историю о ваших пропавших письмах. Не «Баро» ли сделал эту глупость? Вы веселы, игривы, думаете, что поговорили со всеми хорошими друзьями... Больше всего мне жалко г-на архиепископа, потому что он пишет только о важных делах и оказывается, что весь труд был потрачен на то, чтобы быть в болоте или даже в пропасти. Теперь г-н де Гриньян откажется писать на всю свою жизнь. Какой благоприятный случай для ленивца! Вы увидите, отныне он не будет больше писать, чтобы не рискнуть потерять даром труд. Если вы сообщите об этом несчастье помощнику епископа, он им воспользуется. Я легко понимаю ваше огорчение, но я еще более сочувствую вашей печали вследствие того, что надо покидать Гриньян и ехать в тесноту городов: свобода — неоценимое благо; вы это чувствуете больше, чем кто-либо, а я не могу выразить, как я вас жалею. У вас не будет ни Варда, ни Корбинелли, а между тем это было бы хорошее общество. Вы должны мне назвать четырех дам, которые вас уморили, что касается меня, я имею время оградить себя от неприятного общества; я слышу, что кто-нибудь идет с одной стороны, и ухожу с другой; такую штуку я вчера устроила жене сенешаля из Витре; а потом я сержусь, зачем меня не предупредили. Спросите меня, что я этим хочу доказать; это игры, которые хочется устраивать в этом парке. Помните, как мы однажды избегали Фуенелли? Я много гуляю; здешние аллеи великолепны. Я работаю, как и вы; но слава богу, у меня нет мошенницы Монгобер, которая заставляла бы меня заниматься рукоделием. Я не понимаю, как вы можете сносить подобное унижение. Я не порчу своего шелка шерстью, я прекрасно обхожусь и так; мне кажется, что мне только десять лет и что мне дали маленький кусок канвы, что-

бы играть им; вероятно, ваши стулья некрасивы, если они даже и не столь хороши, как ваша кровать. Мне очень нравится все, что мне пишет Монгобер; я ее все-таки люблю. Она, по-моему, с перцем, и ее выражения доставляют мне удовольствие. Счастье иметь в своем доме такую подругу; у меня когда-то была такая же, которой я прекрасно пользовалась; г-н д'Анджер (Анри Арнольд) недавно мне писал, что она святая.

По-моему, письмо маршала д'Альбре очень комично; оно умнее, чем он бывает обыкновенно. Письмо это мне показалось очень возвышенным; «доброжелательный слуга» не совсем удобоваримо.

Итак, вы смеялись, дочь моя, над тем, что я вам писала из Орлеана? По-моему тоже это смешно: это остатки моего пороку, которые я нашла еще пригодными. Не слишком ли вы любезны, что интересуетесь известиями о моих лесах и о моем здоровье? Это, конечно, из любви ко мне. Я немного оправляюсь благодаря делам Дании. Ренну угрожают, что переведут парламент в Динан: это бы окончательно разорило эту провинцию. Наказание, которое хотят положить на этот город, не обойдется без большого шума.

Я получила письма из Нанта. Если бы маркиз де Лаварден и д'Аруи написали статью об этом городе в газете, вы бы, вероятно, прочли там о моем приезде и отъезде. Я вознаграждаю себя, дорогая моя, вашим вниманием к Бретани: все, что на двадцать миль вокруг от вас, для меня интересно. Однажды сюда прибыл августинский монах; он обошел всю провинцию; он пять или шесть раз упомянул о г-не де Гриньяне и г-не д'Арде. Я нашла его очень ловким человеком. Уверена, что в Эксе я на него даже не посмотрела бы.

Кстати, писала ли я вам о чудесном бинокле, который развлекал нас в лодке? Это чудная вещь. Она еще лучше, чем та подзорная труба, которую аббат оставил вам в Гриньяне. Этот бинокль приближает предметы на расстоянии трех лье. Почему он не приближает их

на расстоянии двухсот лье? Можете себе представить, как мы употребляли его здесь, на берегах Луары; но вот что я с ним делаю теперь: вы знаете, если смотреть с другого конца, то он удаляет предметы; я направляю бинокль на м-ль дю Плесси, и она внезапно оказывается в двух милях от меня. Я пошутила таким образом на днях с нею и еще с моими соседями — это было забавно, но никто не понял, в чем дело. Если б был еще кто-нибудь, на кого можно было бы смотреть, меня бы все это сместило. Когда дурное общество начинает надоедать, надо только взять бинокль и повернуть его тем концом, который удаляет. Спросите Монгобер, не забавно ли это? Вот прекрасный повод, чтобы говорить глупости. Если Корбинелли у вас, рекомендую вам взглянуть на него в бинокль. Прощайте, дорогое мое дитя; слава богу, мы не горы, как вы выражаетесь. И я надеюсь, что еще обниму вас не на расстоянии двухсот миль. Я хочу поехать в Брест. Очень жаль, что г-жа великая герцогиня имеет статс-даму и эта дама не добрая Раре: Гизы дали ей г-жу Сен-Мем. Мне пишут, что Латрусс чувствует себя превосходно и что он получит должность Фруле.

136. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 13 октября 1675 года

Вы правы, говоря, что время отправления письма ничего не значит, когда письма от любимого человека. Ах, боже мой! Разве общественные дела должны нам быть так дороги? Меня интересуют ваше здоровье, ваша семья, ваши малейшие дела, ваши чувства, и я думаю, что и вас также. Я нисколько не затрудняюсь поэтому говорить, когда представляется к тому случай, о Роше, о дю Плесси, о моих аллеях, лесах, о наших делах, о делах в Копенгагене. Поверьте, все, что исходит от вас, для меня важно, я рада знать обо всем, даже о вышитых коврах в вашем доме. Если вам

нужны еще иголки для них, у меня есть превосходные. Что касается меня, я вчера занималась вышиванием. Это такая же скука, как окружающая меня компания. Я работаю, только когда все собираются; когда я одна, я гуляю, читаю или пишу. Плесси мне не мешает, как и Мария. Слава богу, я могу не слушать то, что она говорит: я держусь по отношению к ней так же, как вы по отношению ко многим другим. Она, право, очень добрая. Мне только жалко, что ее доброта портится ее дерзким умом и смешными манерами. Стоит посмотреть, как она пользуется моей снисходительностью, как она ее объясняет, какими цепями она старается привязаться ко мне. Я ей служу предлогом, чтобы не посещать ее подругу в Витре. Она прибегает ко всяким уловкам, чтобы удовлетворить свою глупую гордость, потому что глупая гордость свойственна всякому. Она боится, чтобы я не ревновала ее к одной монахине из Витре. Все это составило бы хороший фарс из дачной жизни.

Я сообщу вам новости об этой провинции. Г-н де Шон в Ренне с большими войсками; он объявил, что, если кто оттуда выйдет или если произведет там малейший шум, он закроет в этом городе парламент на десять лет; страх заставляет жителей выносить все. Я не знаю, как эти военные поступают по отношению к бедным мещанам. Мы ждем в Витре г-жу де Шон, которая видела принцессу (Тарантскую). Под ее покровительством мы будем в безопасности, но могу вас уверить, если бы здесь была только я одна, г-н де Шон с удовольствием оказывал бы мне почтение: это единственное, в чем я могу за него поручиться. Итак, не беспокойтесь: я здесь как будто в Провансе, который, как вы говорите, принадлежит мне.

Вы не боитесь Рюйтера; *однако Рюйтер — бог сражений; Гито ему не может противиться.* Только счастливая звезда короля может устоять перед ним; никогда еще не было такой постоянной удачи. В прошлом году, благодаря этой счастливой звезде, был раз-

бит большой флот; благодаря ей умер принц Лотарингский, она отослала Монтекукули к его родителям, она заключит мир при помощи брака принца Карла. Я говорила на днях об этом последнем с принцессой Тарантской. Она мне сказала, что принц находится в браке с вдовствующей императрицей и, хотя этот брак не оглашен, она не замедлит воспротивиться другому его браку. Вы увидите, что эта императрица умрет, если ее жизнь будет служить препятствием. Вы так правильно рассуждаете о государственных делах, что видно сейчас, что вы сделались политиком там, где вы теперь живете. Я писала прекрасной принцессе де Водемон; она несчастна, и это меня огорчает, потому что она очень мила. Я не осмеливалась писать г-же де Лильбонн, но вы мне придали храбрости. Я боюсь, что Куланжа у вас не будет; жена его написала мне из Лиона печальное письмо. Она думает там провести зиму. Не быть в Париже для нее уже измена. Она сообщает, что вы вели довольно обширную переписку. Латрусс в Париже при дворе осыпан похвалами. Он принимает их так скромно, что они еще более усиливаются. Говорят, он получит должность Фруле; если это верно, то произойдут некоторые перемены в войске, и я попрошу де Гаквиля вспомнить о нашем бедном знаменосце, который умирает со скуки на своем посту. Я ему писала, чтобы он приехал сюда; я бы хотела женить его на одной молодой девушке, которая немножко еврейка по своим предкам, но миллионы всегда нам кажутся хорошего происхождения. Это очень ненадежно; я теперь ни в чем не уверена после неудачи с маленькой д'Обонн. Г-жа де Виллар мне опять сообщает чудеса о шевалье (де Гриньяне). Мне кажется, это все старые новости. Их опять обновили, но у этого мальчика самая лучшая репутация, какую только можно пожелать. Я молю Бога, чтобы оправдалась надежда на успех одной из ваших дочерей. Это было бы хорошее дело. Помощник епископа должен был бы пересилить свою лень ради подобного случая.

Послушайте рассказ о прекрасном поступке г-на генерального прокурора. У него была земля из дома Бельевр — ему дали ее добровольно. Он же отдал эту землю кредиторам Бельевров, сказав, что этот подарок не мог бы его радовать, так как ему пришлось бы думать, что он причиняет ущерб кредиторам, одолжившим Бельеврам свои деньги. Это геройство. Можете посудить, что он за нас против Мирпуа; я не знаю лучшего и худшего человека, чем эти двое. «Очень хорошее» всегда остается «очень хорошим» — это живая душа. Одолжения, которыми я ему обязана, неисчислимы. Особенно меня трогает его привязанность к вам, усердие к вашим делам и его готовность разбить Мирпуа.

Я не смею думать о свидании с вами. Когда эта надежда слишком глубоко проникает в мое сердце, а свидание с вами еще далеко — все это причиняет мне страдание. Я вспоминаю, сколько я выстрадала во время болезни моей бедной тети и как вы меня заставили забыть это горе; я еще не в силах испытать такую радость. Вы уверяете меня, что вы вполне здоровы. Дай Бог, дорогая моя. Ваше здоровье меня близко касается. Я пользуюсь прекрасным здоровьем. Вам бы понравились моя умеренность и мои занятия; я сплю семь часов, как кармелитка. Эта суровая жизнь мне нравится; она похожа на здешнюю природу; я нисколько не толстею, а воздух здесь такой свежий и мягкий, что мой цвет лица, которым давно все восхищаются, ничуть не изменился; я бы вам пожелала проводить иногда вечер у нас, вместо того чтобы употреблять «баранью помаду». У меня есть десять работников, которые меня очень развлекают. «Рагюсль и Пила» — все на своем месте. Пустяки, которыми я наполняю свои письма, должны убедить вас в моем доверии к вам. С тех пор как я в стихах жаловалась на дождь, стоит прекрасная погода, так что я теперь в прозе должна ее хвалить. Вся наша провинция так занята этими наказаниями, что никто не делает визитов; не желая казаться гордой,

я тем не менее очень этому рада. Помните, мы нашли, что в провинции нет ничего лучшего, как дурное общество, потому что оно увеличивает радость при отъезде. В этом году я буду лишена этого удовольствия.

Дорогая моя, если бы я вам писала еще четыре часа, я бы не могла вам высказать, насколько я вас люблю и как вы мне дороги. Я уверена, что Провидение заботится о вас, потому что вы можете заплатить все недоимки, прожив год в полном благосостоянии. Бог позаботится о других; продолжайте делать экономию на расходах: это не покрывает крупных потерь, но это способствует благосостоянию в настоящее время, а это уже много. Хорошо ли себя ведет г-н де Гриньян? Надеюсь, что да, и с этой надеждой целую его, дорогая моя, и остаюсь вся ваша.

137. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 16 октября 1675 года

Я вовсе не в восторге от г-на де Лавардена, дочь моя, я вижу его таким, каков он на самом деле. Его шутки и его манеры вовсе меня не восхищают: я на них смотрю, как всегда смотрела, но я настолько справедлива, чтобы воздавать всякому должное по заслугам, хотя я нахожу в нем некоторые неприятные черты. Я крепко привязалась к его хорошим качествам, и, к счастью, я говорила с вами об этом в Париже, а то бы вы подумали, что меня опьянил его хороший прием; я всегда желаю тем, кого люблю, побольше прелестей, но я бы удовольствовалась, если бы у них было столько же добродетелей. Это наименее подлый и наименее низкий придворный из всех, которых я когда-либо видала. Вам в некоторых местах понравился его слог, как бы то ни было, дочь моя, вот мое оправдание. Сообщите его толстому аббату, если и у него от этой речи заболят «икры». Я очень рада, что вы заметили скорость, с какой доходят наши

письма, и рвение Рио и всех других, носящих дни и ночи наши письма, бегущих со всех ног, лишь бы только скорее доставить их на место. Я вам говорю, что мы неблагодарны по отношению к нашим почтальонам и даже по отношению к г-ну Лувуа, который с такой заботливостью размещает их повсюду. Но что в том! Дорогая моя, мы еще более удаляемся друг от друга; все наши удовольствия прекратятся: когда я подумаю, что в вашем последнем письме вы мне отвечаете только на мое письмо из Саллерэ, а завтра вот уже три недели, как я в Роше, что мы и без того очень далеки друг от друга.

Д'Аквиль мне сказал, что для дел мне довольно одного письма в неделю, но этого недостаточно для его дружбы и что он скорее будет писать одним письмом больше, чем сократит свою переписку. Можете посулить, что, раз предписанный мною режим ему не нравится, я предоставляю ему свободу действий. Пусть пишет как хочет. Он одинаково пишет всем, кто находится вне Парижа, и ежедневно видится со всеми, кто остался в городе; это все друзья д'Аквиля; обращайтесь к ним с полным доверием, дочь моя: их добрых сердец хватит на все. Я отказываюсь от мысли щадить их: все равно, если не я, то кто-нибудь другой их доконает. Он любит только тех, кто его обременяет: будем же его обременять без пощады.

Я бы хотела, чтобы вы увидели, как прекрасны теперь здешние леса. Г-жа де Тарант провела здесь вчера весь день, погода была чудная. Она много говорила о вас; она находит, что вы гораздо красивее, чем «Дружок». Ее дочь больна; она была этим опечалена. Я посадила ее в карету в конце главной аллеи. Она кричала, чтобы я ушла, и сказала мне: «Сударыня, вы меня принимаете за немку». Я ей ответила: «Конечно, сударыня, я вас принимаю за немку; я бы скорее повиновалась вашей невестке». Она это выслушала как француженка. Правда, ее рождение должно, мне кажется, внушать некоторое уважение тем, кто умеет

жить. Ее рассказы напоминают роман, и меня удивляет, что сабля плашмя приводит меня в восторг. Могу биться об заклад, что маленькая д'Оппед жива; мне известны те, которые должны умереть. В самом деле, счастье французов превосходит всякое ожидание; я присоединила еще одну благодарность к моей вечерней молитве; наши враги сами заботятся о нас, отступая там, где они могли бы нас стеснять. Увидите, что станется с Рюйтером в вашем Средиземном море. Принц Оранский намеревается отправиться на покой, и я жду вашего брата. Я отвечаю вам за эту провинцию. Мир я считаю настолько необходимым, что, несмотря на сопротивление некоторых лиц, не желающих его, он воцарится сам собою. Я последую вашему совету, мое дорогое дитя, и буду питать надежду на скорое свидание с вами. Я не могу достаточно рано начать вознаграждать себя за слезы, которые наша разлука и страх за вас заставили меня проливать так часто.

Целую г-на де Гриньяна, который, должно быть, уже возвратился с охоты. Пришлите мне вести о себе; вы видите, как я вас забрасываю сведениями о себе. Ла Сенжеран вздумал серьезно писать мне о посольстве г-жи де Виллар, которая, по ее словам, поедет в Турин; я охотно этому верю, так как есть только одна правительница. Я ему ответила в его же духе, но не без труда. Не получили ли вы благодарности от них за вашу воду венгерской королевы. Она дивная; я еще раз за нее благодарю вас; я опьяняюсь ею ежедневно. Ношу ее при себе: это страсть как курение: когда привыкнешь, то нельзя без нее обойтись. Я нахожу ее превосходной против тоски; употребляю ее по вечерам больше для удовольствия, чем против вечерней росы, от которой меня мои леса предохраняют. Вы слишком добры, беспокоясь, чтобы волки, свиньи и каштаны не причинили бы мне вреда. Прощайте, мое дитя, люблю вас от всего моего сердца и в полном смысле этого слова.

138. Госпоже де Гриньян

Роше. Воскресенье, 3 ноября 1675 года

Я сильно интересуюсь всеми делами вашего Прованса. Если вы принимаете участие в делах Дании, то я еще больше заинтересована во всем, что происходит в Ламбеске. Жду последствия защиты в парламенте проекта посылки в городскую ратушу, жду назначения прокурора в стране и успеха путешествия консула, который будет произведен в дворяне по приказу короля. Я очень смеялась над этим первым президентом и над последствиями его ревности. Ему оказали большую несправедливость, думая, что человек, воспитанный в Париже, не умеет жить настолько, чтобы не ударить скорее человека по щеке рукой, нежели шпагой. Меня очень удивляет, что он ревнует к этому мальчишке, который пахнет табаком; видно, нет такого, который бы не мог быть опасным для кого-нибудь. Мне кажется, что здесь играет роль бретонское вино вместе с табаком провансальцев.

Я всегда удивляюсь, как можно произносить речь не смущаясь, когда среди большой тишины глаза всех направлены на тебя. Речь идет о вас, г-н граф: я радуюсь, что вы обладаете этой смелостью; она гораздо выше моих сил. Но, дочь моя, к чему говорить так хорошо, когда никто тебя не слушает? Я нахожу обидным, как и вы, что ни интенданта, ни архиепископов не будет при открытии Собрания. Не знаю ничего более недостойного и более непочтительного для короля и его представителя. Если хотят ждать возвращения Мареля, то придется ждать слишком долго. Я жаловалась д'Аквилю — вот все, что я могла сделать здесь. Но напишете ли г-же де Вен? Она написала мне очень интересное и любезное послание; жалуясь на мое молчание и ревнуя меня за письма к другим, она собирается разубедить г-на де Помпона в моей любви к нему; это с нее станется, потому что я никогда не видела столь возмущенного медведя. Я ей

ответила. Я очень рада, что она смилостивилась и пишет о ревности не между строк; я не думала, что она так хорошо пишет; она говорит мне о вас и очень мило на меня нападает. В День Всех Святых у меня обедал г-н Бушера и его зять, г-н Харли; они едут на собрание наших штатов, которые откроются, когда все будут в сборе. Они прочитали мне свою речь; она очень эффектна. Присутствие Бушера будет благотворно для провинции и для г-на де Аруи. Г-на и г-жи де Шон нет больше в Ренне. Строгости смягчены. После того как перевешали всех, я надеюсь, перестанут вешать. В Ренне осталось не больше двух тысяч человек. Я думаю, что Форбен и Вен уезжают через Нант; Молак вернулся туда. Г-н де Помпон покровительствовал несчастному, о котором я вам писала. Если вы пришлете мне роман вашего президента, то я за то пришлю вам плачевную историю и песнь скрипача, который был колесован в Ренне. Г-н Бушера пьет за ваше здоровье — это человек любезный и здравомыслящий. Он был проездом в Вере и видел в Блуа г-жу де Ментенон и г-на Дюмена, который ходит, — это большая радость. Г-жа де Монтеспан вышла навстречу этому прекрасному принцу в сопровождении доброй аббатисы де Фентевро и г-жи де Тианж.

Вы доставляете мне большое удовольствие, дорогая моя, заботами своими о моей крошке. Надеюсь, что хороший воздух сделает все для вашего здоровья. Не понимаю, почему вы пишете, что разлука расстраивает всякую дружбу; по-моему, она ничего другого, кроме страдания, причинить не может. Для меня радости непостоянства не существуют, и мне кажется, что я могу поручиться за все сердца, которыми вы владеете безраздельно. Они остались такими же, какими вы их покинули. Не правда ли, это очень великодушно с моей стороны — ручаться за чужие сердца? Мое, по крайней мере, принадлежит вам. Я не вижу в вас прежнего пристрастия к вашему сыну.

Я думаю, что это ваша вина, потому что он всегда был слишком умен, чтобы не казаться красивым. Вы все еще не до конца понимаете материнскую любовь; тем лучше для вас, дочь моя. Эта любовь жестока. Из Парижа я напишу вам о нашем свидании: эта надежда поддерживает мою жизнь.

Прощайте, моя дорогая; я была бы в восторге, если бы мы могли сойтись на Маккавеех; но это не удастся. Желаю вам успеха в чтении; вам будет стыдно не закончить книги Иосифа. Увы, если бы вы знали, какую книгу я заканчиваю и сколько я страдаю от стиля иезуита (Мембурга), вы бы считали себя очень счастливой читать такое прекрасное сочинение, как история Иосифа Флавия.

139. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 6 ноября 1675 года

Какое прелестное письмо, дорогая моя! Как мне благодарить вас за то, что вы утруждали свои глаза, свою голову, свою руку, потеряли время, чтобы написать мне такое прекрасное сочинение! Я его читала и перечитывала и опять читала с наслаждением и вниманием: никакое чтение не способно меня сильнее заинтересовать. Вы во всех отношениях удовлетворяете мое любопытство, и я удивляюсь вашей заботливости писать мне так точно. Но, дорогая, не утомляйтесь так; опасение мое заставляет меня отказаться от удовольствия получать так часто письма от вас. Вы, я думаю, не сомневаетесь, что в данном случае мною руководит только великодушие.

Мне очень приятно сознание того почета, которым де Гриньян пользуется в Провансе. Это счастье, которого вы не чувствуете, потому что слишком привыкли быть всегда любимыми и уважаемыми провинцией, вами управляемой.

Если бы вы видели ужас, отвращение и ненависть, которыми окружен здешний губернатор, то вы тогда

оценили бы удовольствие быть любимыми и уважаемыми всюду. Что за оскорбление! Что за обиды, угрозы, упреки и какие камни летали над его головой! Не думаю, чтобы г-н де Гриньян хотел это место при таких условиях. Его звезда гораздо счастливее. Вы рассказываете мне, как вы геройски подписались за Гриньяна; вы не сомневаетесь в добрых чувствах к вам кардинала, о себе я не говорю; между тем вы знаете, что он вам советовал. Есть вещи, дочь моя, которых не советуют: друзья могут только исполнить свою обязанность и сказать свое мнение; но кто обладает такой совершенной душой, как вы, дорогая моя, должен спросить только у самой себя и поступить точно так же, как вы. Разве вы не видели, как все вам удивлялись? Разве вам не приятнее быть обязанной только себе за это прекрасное решение? Вы не могли поступить дурно: если бы вы не подписали, то поступили бы как все, а подписав, вы возвысили себя над всеми. Наконец вам остается только наслаждаться красотой вашего поступка и не презирать нас за то, что мы исполнили наш долг. Я в восторге, что г-н де Гриньян вознаградил вас за это доказательство вашей дружбы большим вниманием к своим делам. Единственная благодарность, требуемая за это от него, состоит только в благодарумии. Оно принесет ему пользу.

140. Госпоже де Гриньян

Роше. Среда, 13 ноября 1675 года

Получила оба ваших письма, дорогая моя; я получила бы их аккуратно, как всегда, если бы Рипер не застрял на день в Версале. Как бы вам ни нравились мои письма, они никогда не будут вам так дороги, как мне ваши. Бог устроил так, что они единственное мое утешение. Но время проходит, дитя мое, в разлуке, и я не вижу вас — мне все приходится довольствоваться одними письмами.

Я не могу привыкнуть к этой жестокой мысли. Все мои мечты покрылись мраком. Мне не хватает бодрости духа, чтобы смириться, чтобы согласиться с такой печальной судьбой. Я жалею о всяком ушедшем дне. Я жалею о своей жизни, проходящей вдали от вас... Часто плачу я от этих мыслей и не говорю вам про свои слезы. Я заслуживаю ваших упреков, и более, чем вы думаете. Но я не нарочно предаюсь моей печали; она живет в моем сердце, она владеет мною. Я не в силах от нее освободиться. Я в отчаянии, дочь моя, что не сдержала себя сегодня и пишу вам такие вещи, но я так редко себя не сдерживаю...

Однако будем говорить о другом. Одно из грустных развлечений моего одиночества — это сравнивать прошлые годы с настоящим. Что за разница! Я проводила вечера с вами, я вас видела и встречала вас постоянно, я могла говорить с вами, когда мне вздумается. Что за приятные воспоминания! Ничто не ушло из моей памяти! Я могу сказать себе в утешение, что хорошо сознавала и чувствовала свое счастье. Но благодаря этому я чувствую еще сильнее, насколько я теперь несчастна.

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 5. *Фуке вновь занял скамью подсудимых. Он непри-
нужденно сел, как и в первый раз.* — «Фуке первый раз
предстал на суд в арсенал 14 ноября 1664 г. Он сел сам на
скамью подсудимых, хотя для него рядом было пригото-
влено особое место» (Процесс Фуке. Том XI).

С. 11. *Я была под маской.* — В ту эпоху парижские да-
мы, следуя итальянским традициям, нередко носили на
улице и в общественных местах маски из черного бархата.
Предполагалось, что это способствует сохранению хороше-
го цвета лица.

Сафо — прозвище мадемуазель де Скюдери.

С. 12. *П... все опасается не угодить Маленькому.* —
П... — видимо, Анри Пюиссор, генеральный советник, дядя
Кольбера. Маленький — прозвище Кольбера, который не
отличался высоким ростом.

С. 13. *Ш... находится все время допроса за ширмами.* —
Ги Шамильяр, — генеральный прокурор, игравший в про-
цессе над Фуке неблагоприятную роль и голосовавший за
смертную казнь.

С. 14. *«Превращение Пьеро в Тартюфа»* — имеется в
виду канцлер Пьер Сегье.

С. 15. *Говорят, что г-н Несмонд каялся перед смер-
тью...* — Президент парижского парламента Несмонд скон-
чался 30 ноября 1664 г.

С. 16. *Умер как жил...* — аллюзия на строки из «Осво-
божденного Иерусалима» Торквато Тассо: «Теперь конец
Арганту, и себе / Он верен остается даже в смерти»
(песнь XIX).

С. 18. *...канцлер велел прочесть проект...* — Речь идет о
документе, написанном за 15 лет до описываемых событий,

в разгар Фронды, содержавшем план сопротивления Мазарини и бегства из страны.

С. 20. *Я говорила вчера с г-жой Дю Плесси.* — Речь идет о маркизе Сюзанне Дю Плесси-Бельер, любовнице Фуке.

С. 23. *Фуко хлопочет повсюду...* — Речь идет о секретаре суда во время процесса над Николая Фуке. Он потом зачитывал приговор обвиняемому.

С. 32. *Г-жа де Гриньян скончалась.* — Анжелика-Клара д'Анжен, первая жена г-на де Гриньяна.

С. 33. *Двустишие Тассо* — «Освобожденный Иерусалим», песнь V.

С. 35. *Вы, г-н граф, очень мягко нападаете на меня...* — Это реакция на характеристику, данную адресатом мадам де Севинье в его «Любовной истории галлов»:

«Г-жа де Севинье неодинакова во всем вплоть до глаз и век. У нее разноцветные глаза, а глаза — зеркало души. Это неравенство словно предупреждение, которое делает природа всем, кто к ней приближается. Не следует очень полагаться на ее дружбу».

...я не раз имела случай показать свое великодушие к несчастным... — Мадам де Севинье имеет в виду Николая Фуке и кардинала де Реца.

С. 36. *«Мы видели ваш портрет в руках у г-жи де ла Бом, мы его видели!»* — Речь идет о любовнице Бюсси-Рабютена — маркизе де ла Бом, отпечатавшей без его ведома его книгу «Любовная история галлов».

С. 38. *Rabutinage* — намек на общую с Бюсси-Рабютеном фамилию.

С. 40. *Моя тетка* — Генриетта де Куланж, тетя мадам де Севинье со стороны матери.

Мой аббат — Кристоф де Куланж, аббат де Ливри, дядя мадам де Севинье.

С. 45. *...коадьютор Реймский будет совершать церемонию.* — Шарль-Морис Летелье.

Я не могу бранить ее за нехороший выбор... — строки из трагедии Корнеля «Полиевкт» (акт II, сцена 1).

С. 54. *...один господин большого роста...* — Речь идет о Людовике XIV, который, будучи опечален отъездом Лавальер, отдался надеть великолепный костюм. Шутливое замечание о даме, которой он не знал, относится к мадам де Монтеспан.

С. 63. *Нинон* — имеется в виду Нинон де Ланкло, знаменитая французская куртизанка, славившаяся своей кра-

сотой. «Изящная, превосходно сложенная брюнетка, с лицом ослепительной белизны, с легким румянцем, с большими синими глазами, в которых одновременно сквозили благопристойность, рассудительность, безумие и сладострастие, с восхитительными зубами и очаровательной улыбкой, Нинон держалась с необыкновенным благородством, обладая поразительной грацией манер» — так ее описывал Сен-Симон.

Она испортила его отца... — Речь идет о недолгом романе Нинон де Ланкло с маркизом де Севинье. «Она любила Севинье, даром что он был женат, в течение трех месяцев или около того, причем это ему ничего не стоило, ежели не считать какого-то дешевого перстня. Когда он ей наскучил, она ему об этом сказала», — писал Таллеман де Рео.

С. 67. *...и море увидело ее совсем нагою...* — Намек на события, описанные в письме от 13 марта 1671 г. (с. 63).

Прически «hurluberlu»... (от фр. сумасброд, чудака) — женская прическа, вошедшая в моду около 1670 г., в виде небольших кудрей, покрывающих всю голову.

Маленькая актриса — мадемуазель Шанмеле.

С. 68. *Третье ребро г-на де Гриньяна...* — Намек на третью жену графа де Гриньяна, т. е. на адресата письма.

С. 69. *Трошанира* — приятельница мадам де Севинье Латрош.

С. 74. *Красавица де Гиз...* — Речь идет о Елизавете Орлеанской, жене герцога де Гиза, которой не удалось избежать выкидыша.

С. 79. *...вздохнула на манер г-на Ла Суша...* — Намек на сцену из «Школы жен» Мольера (акт 2, сцена 6), где Арнольф, влюбленный в свою воспитанницу, расспрашивает ее о юноше, с которым та провела время до самой темноты, хотя внутренне содрогается от страха услышать что-нибудь ужасное.

С. 80. *Принцесса Олимпия* — персонаж поэмы «Неистовый Роланд» Л. Ариосто: прекрасная дама была брошена вероломным любовником на необитаемом острове, а потом прикована к скале в жертву морскому чудовищу.

С. 83. *Вот шалости нашего знаменосца.* — Шарль де Севинье был знаменосцем в полку дофина.

С. 84. «*Клеопатра*» — многотомный роман Кальпренеда, отличавшийся запутанной интригой.

С. 86. *Трактат о нравственности* — «Essais de morale» Пьера Николя.

С. 87. ...*г-жа Монлуэ дошла до сумасшествия...* — Муж г-жи Монлуэ упал с лошади и умер на месте.

С. 91. ...*письма вроде «Португалки»...* — Имеются в виду «Письма португальской монахини» Марианны Алкофоро (1640—1673), отличающиеся лирической глубиной и проникновенностью.

С. 94. ...*показать мне свой экипаж вроде Жана Парижского.* — Намек на сказку, где сын короля предстает перед принцессой, на которой собирается жениться, выдавая себя за парижского мещанина.

С. 96. *Бюрон* — место в нескольких лье от Нанта, где у мадам де Севинье были земли.

С. 97. *Я получила письмо от нашего кардинала; он бранит... своего толстого аббата.* — Речь идет о кардинале де Реце и Пьере Камю, аббате Понкарре.

...*вот и процесс!* — Граф де Креанс, отец м-ль де Буйе, похищенной маркизом де Поменаром, требовал для него наказания.

С. 98. ...*конец ее приводит меня в ужас.* — Речь идет о выкидыше мадам де Гриньян.

...*рассуждения о смерти де Гиза...* — Герцог скончался от оспы 30 июля 1671 г.

С. 101. Автор «Сильфид», «Гномов» и «Саламандр» — аббат де Монфлокон де Виллар.

С. 102. *Ламус гордится вами.* — Мадам де Гриньян изучала философию Декарта.

С. 103. ...*маленький душный городишко.* — Имеется в виду Ламбеск, городок в Провансе в 20 км от Экс-ан-Прованса, где должны были собраться губернские штаты.

С. 104. *Карпантра* — город на юге Франции, в 22 км к северо-востоку от Авиньона, сохранились некоторые постройки римского времени.

Оставим г-на Помпона устраиваться на его хорошем месте. — Помпон, сын г-на д'Андии, указом короля получил пост в министерстве иностранных дел.

С. 105. *Quos ego!* — Вергилий. «Энеида» (кн. 1, строка 135). Нептун укрощает ветры: «Как смее вы, моего не спросив изволения, / Небо с землею смешать и поднять такие громады? / Вот я вас!» (перевод С. Ошерова).

С. 107. «*Средства сохранить мир между людьми*» — трактат Пьера Николя.

С. 108. *Страшное происшествие в Ливри* — см. примеч. к с. 98.

С. 109. *Г-н Лувиньи не имел средств, чтобы купить должность своего отца...* — Речь идет о должности полковника гвардии. «Достоинство каждого придворного определялось титулом совокупно с должностью. Получение придворной должности, сопровождаемое негласной уплатой ее предполагаемой стоимости бывшему владельцу и вышестоящему должностному лицу, обеспечивало ее новому держателю близость к королю, почет и социальное превосходство, за которыми стояло богатство и власть» (Французский ежегодник 2001. М., 2001).

С. 110. *...рассказываете об имени Адемара.* — Брат мужа г-жи де Гриньян с недавних пор взял фамилию Адемар, и подпись его еще не устоялась.

С. 113. *...в положении г-на де Лозена...* — Речь идет о новой опале: враги герцога убедили Людовика, что Лозен использует свое влияние в армии для подготовки мятежа. Лозена лишили всех должностей и отправили в Пиньероль (крепость-тюрьма на границе с Пьемонтом, где был заключен Николя Фуке); он провел там почти десять лет — с декабря 1671-го по апрель 1681 года.

С. 115. *...беседовала двенадцать часов с Куланжем.* — Аббат де Куланж прибыл из Прованса вместе с Като, горничной мадам де Гриньян, и мадам де Севинье расспрашивала его о дочери.

Герой на все времена года... — отсылка к мадригалу Мадлен де Скюдери.

С. 117. *...король принимал у себя голландского посла.* — Речь идет о Петере Гроции, сыне Гуго Гроция, автора трактата «Право мира и войны». В этот период отношения с Голландией обостряются, Людовик XIV готовится к военному конфликту.

С. 121. *Когда он ревновал вашу соседку...* — Речь идет о дочери маршала де Грамона мадам де Монако; имеется в виду эпизод, когда она сидела на ковре, а Лозен, ревнуя ее к королю, нарочно наступил ей на руку.

С. 123. *Шумом «Баязета» утомленная, моя душа...* — аллюзия на строки Расина: «Du bruit de Bajazet mon âme importunée».

С. 124. *Моя невестка — самая восхитительная актриса...* — Имеется в виду мадемуазель Шанмеле, с которой у Шарля де Севинье был роман.

С. 132. *Толкуют о воде, о Тибре...* — строка из трагедии Корнеля «Цинна» (явл. V)

С. 138. *Орден Кото* — общество знатоков вина провинции Шампань.

С. 139. *Вы спрашиваете, каковы симптомы такой любви?* — Речь идет о д'Аквиле, влюбившемся в дочь маршала де Грамона (девушка была одноглаза).

С. 140. *Мой дядя Севинье* — Рено де Севинье.

Мольер прочтет ему в субботу Триссотена... — Мадам де Севинье называет имя персонажа, имея в виду комедию Мольера «Ученые женщины», премьера которой состоялась 11 марта 1672 г.

«*Лютрен*» — комическая поэма Буало «Налой», выражающая протест против полной грубых фарсов комической литературы того времени. «Поэтика» — поэма-трактат «Поэтическое искусство». Оба произведения еще находились в работе.

С. 141. *Бассан* — имеется в виду художник Якопо Бассано (1517–1592). Собака изображена в центре композиции на картине Бассано «Вход зверей в ковчег» (1574), а также на многих других работах художника.

С. 143. *...руку, нарисовавшую смерть великого Помпея...* — цитата из написанного Корнелем к трагедии «Эдип» посвящения Фуке.

С. 145. *Барбен* — книготорговец и издатель, печатавший Буало, Лафонтена, Расина, Мольера, Ларошфуко, романы мадам де Лафайет «Принцесса Клевская» и «Мадам де Монпансье», а также книги других знаменитых писателей XVII в. «Сих баловней небес читатель чтит любой. / На книги их Барбен имеет спрос большой», — писал Буало. Книжный магазин Барбена располагался в центре Парижа, под аркадой у входа в Сен-Шапель.

Расин пишет комедии... — Слово «комедия» в старину обозначало также вообще пьесы.

С. 147. *...предместье вас тоже любит...* — Имеются в виду мадам де Лафайет, Ларошфуко, жившие в предместье Сен-Жермен.

С. 149. *Сент-Бом* — грот, где, по преданию, упокоилась св. Мария-Магдалина, и расположенное рядом аббатство Сен-Максимен ля Сент-Бом в Провансе неподалеку от Марселя, традиционное место паломничества. *Нотр-Дам-дез-Анж* — церковь в Ливри.

С. 150. *La faveur l'a pu faire autant que le mérite...* — Корнель. «Сид» (акт 1, явл. 3).

С. 155. *...лишился своей настоящей матери...* — имеется в виду Габриэль Дю Плесси де Лианкур.

...узнали... про сумасшедшую мать... — имеется в виду Франсуаза-Шарлотта Монталэ, графиня де Маран. Она именovala Ларошфуко *son fils*.

С. 160. *Сент-Пиллон* — церковь, воздвигнутая на высоте тысячи метров над гротом Сент-Бом (см. примеч. к с. 149).

С. 168. *Есть человек в свете...* — имеется в виду Ф. Ларошфуко.

...с известием о смерти Дю Плесси... — Александра Шюзазеля, графа Дю Плесси.

С. 186. *Я думаю о Пишонах...* — то есть о внуках.

С. 191. *Ведь что делать в постели, если не спится...* — Аллюзия на строки Лафонтена из басни «Заяц и Лягушки»: «Un lievre en son gîte songeait. / Car que faire en son gîte, à moins que l'on ne songe» (Раз Заяц размышлял в укомном уголке. / В укомных уголках нет лучше развлечения).

С. 197. *...прекрасный и просторный дом...* — В этом доме мадам Скаррон воспитывала детей короля и его фаворитки мадам де Монтеспан.

С. 202. *...все равно что... стрелять в ворота...* — Г-н де Вивонн был очень тучным.

С. 203. *Ян Собеский... одержал полную победу...* — Битва под Хотинном состоялась 11 ноября 1673 г. в ходе польско-турецкой войны 1672–1676 гг. Объединенное польско-литовское войско под командованием коронного гетмана Яна Собеского разгромило турецкую армию во главе с Гусейн-пашой (около 35 тысяч человек).

С. 222. *Это тоже будет горестным днем... хотя и вне сравнения с Фонтенбло.* — Мадам де Севинье попрощалась с дочерью, возвращавшейся в Прованс, в Фонтенбло.

С. 223. «*Хока*» — азартная игра, напоминающая лото; была весьма модной в эпоху Людовика XIV.

С. 262. *Прощайте, я уеду, Гермiona...* — Мадам де Севинье ссылается на сцену из «Зимней сказки» Шекспира (действие 1, картина 2), где Гермiona уговаривает Поликсена остаться.

С. 275. *Вода венгерской королевы* — знаменитый старинный рецепт одеколona, в основе которого спирт, розмарин и розовое масло.

УКАЗАТЕЛЬ

- Адемар Жан-Батист де Монтей де Гриньян (1638—1697) — ко-адьютор архиепископа Арльского, позднее (после смерти дяди) архиепископ Арльский. 48, 50, 81, 110, 115
- Адемар Франсуа де Монтей де Гриньян (1603—1689) — дядя Жан-Батиста Адемара де Монтей де Гриньяна, архиепископ Арльский, командор ордена Святого Духа. 99, 190, 192
- Ажанский епископ — см. Жоли Клод.
- Аквиль д', аббат (?—1678) — друг кардинала де Реца и мадам де Севинье. 64, 73, 93, 138, 144, 149, 172, 192, 209, 214, 215, 259, 260, 264, 274
- Акен Антуан д' (ок. 1620—1696) — известный врач, сын Луи-Анри д'Акена, врача Марии Медичи, был придворным врачом Марии-Терезии, а затем и Людовика XIV. 150
- Александр VIII (Пьетро Оттобони; 1610—1691) — папа римский (1689—1691). 147
- Аллигр Этьен д' (1592—1677) — государственный деятель, занимавший ряд ответственных постов, генеральный адвокат, канцлер. 154
- Альбер Шарль Эйи д' (1625—1698) — герцог де Шон, генерал-лейтенант, посол в Риме, губернатор Бретани, друг мадам де Севинье. 84, 91, 99, 200, 206, 212, 229, 234, 236, 245, 270, 277
- Альфьери — кардинал. 136
- Андийи Робер Арнольд д' (1589—1674) — богослов, автор Мемуаров. 104, 106, 182, 214, 215, 284
- Анжуйский Филипп — см. Орлеанский Филипп I.
- Антраг Анриетта д', маркиза де Вернейль — см. Сегье Шарлотта.
- Ариосто Лудовико (1474—1533) — автор «Неистового Роланда». 283
- Аркур д' — тетя мужа Франсуазы де Гриньян. 96, 101

- Аркур Генрих Лотарингский, граф, по прозвищу «Кадет с жемчужиной» (1601—1666) — один из самых искусных полководцев XVII в., сын Карла Лотарингского (1604—1675). 238, 239
- Аркур Карл III Лотарингский, принц д' (1620—1692) — старший сын герцога д'Эльбефа, военачальник. 242, 253
- Аркур Франсуаза, принцесса д' (урожд. де Бранкас; ?—1715) — фрейлина королевы Марии-Терезии. 120, 198, 207, 214, 223
- Артаньян Шарль де Бац Кафельмор д' (1611—1673) — капитан королевских мушкетеров, начал службу в 1644 г., погиб при осаде Маастрихта. Сыграл важную роль при аресте Фуке 5 сентября 1661 г., затем на протяжении пяти лет вплоть до окончания суда охранял его вначале в Венсенском замке, а затем в Бастилии. 6, 11, 25, 30, 32, 33, 113
- Барбен Клод (1628—1698) — книгоиздатель и торговец, печатавший многих французских авторов от Корнеля до Лафонтена. 145, 286
- Барийон Поль д'Амонкур, маркиз де Бранж (1619—1691) — французский посол в Англии (1677—1688), друг мадам де Севинье. 147, 149
- Беземо Франсуа-Жан-Батист де Монлезен, маркиз (?—1696) — комендант Бастилии. 26
- Бельфон Бернарден Жиго, маркиз де, сеньор де л'Иль-Мари и де Груши (1630—1694) — маршал Франции, племянник Мари Жиго де Бельфон. 118, 122, 152
- Бенсерад Исаак де (1612—1691) — писатель, драматург, поэт, создатель (вместе с Ж.-Б. Люлли) придворных балетов. 63, 136
- Бранкас Шарль де Виллар, граф де (1618—1681) — племянник маршала д'Эстре. 60, 75, 91, 115, 120, 131, 157, 192, 196, 207, 239
- Буало Депрео Никола (1636—1711) — выдающийся поэт-сатирик, автор стихотворного трактата «Поэтическое искусство», критик и теоретик классицизма во Франции XVII в. 140, 146, 193, 209, 286
- Буйон Годфруа-Морис де Ла Тур д'Овернь, герцог (1641—1721) — муж слудующей, камергер Людовика XIV. 117, 241
- Буйон Мария-Анна (урожд. Манчини; 1649—1714) — жена герцога де Буйона. 35, 198
- Буйон Эмманюэль Теодор де ла Тур д'Овернь (1643—1715) — кардинал. 146, 217, 242, 248, 252, 254, 257, 262
- Бурбон, мадемуазель — см. Лонгвиль Анна, герцогиня.

- Бурдалу Луи (1632—1704) — член ордена иезуитов, один из наиболее ярких духовных ораторов своей эпохи, чьи проповеди неизменно привлекали большую аудиторию. Получил прозвище Король Проповедников. 54, 60, 62, 64, 65, 68, 148, 198, 217
- Бурдело Пьер-Мишон, аббат (1610—1685) — известный врач и анатом, врач семейства Конде. 136
- Буфле Луи-Франсуа, герцог де (1644—1711) — герцог, маршал Франции. 241
- Бюсси Рабютен Роже, граф де (1618—1693) — фрондер, впоследствии перешел на сторону двора. Писатель, автор известных Мемуаров. 33, 34, 38, 179, 184, 189, 209, 237, 282
- Бюу, кавалер де — капитан корабля, кузен графа де Гриньяна. 102, 104, 196, 205
- Вандом Сезар де Бурбон (1594—1665) — побочный старший сын Генриха IV и Габриеллы д'Эстре. Принимал участие во всех мятежах во времена регентства Марии Медичи, был заключен в Венсенский замок, где томился четыре года. По знатности стоял сразу же за принцами крови. 202
- Вард Франсуа-Рене дю Бек-Креспен, маркиз де (1621—1688) — капитан швейцарской гвардии, активный участник придворных интриг. 96, 199, 256
- Ватель Франсуа (наст. имя Фриц-Карл Ватель; 1631—1671) — знаменитый повар, служивший вначале у суперинтенданта Николя Фуке, затем у принца Конде в замке Шантийи. Прославился как организатор грандиозных празднеств. 71, 72, 73
- Верней, герцогиня де — см. Сегье Шарлотта.
- Вертю; Катрин-Франсуаза д'Авогур Бретанская (1617—1692) — сестра герцогини де Монбазон, одна из знаменательных фигур в истории Пор-Рояля, знаменитого аббатства, основанного в 1204 г., где в XVII в. находили приют гонимые. С герцогиней де Лонгвиль ее связывали теплые отношения. 167, 214
- Вивонн-Мортемар Луи-Виктор де Рошешуар, герцог (1636—1688) — брат Атенаис де Монтеспан, пэр, маршал Франции. В браке с Антуанеттой-Луизой де Мем имел четверых детей. 51, 103, 159, 161, 162, 163, 181, 202, 217, 229, 233
- Виллар Мари Жиго де Бельфон, маркиза де (1624—1706) — супруга Пьера де Виллара, одна из лучших подружек мадам де Севинье. 38, 48, 54, 60, 88, 113, 153, 189, 196, 215, 220, 222, 226, 236, 246, 258, 271, 275
- Виллар Пьер, маркиз де (1623—1698) — генерал-лейтенант, посол, автор Мемуаров, друг мадам де Севинье. 153, 193, 210, 215, 222, 230, 236

Вильруа Никола V де Ньевиль, маркиз де (1598—1685) — маршал Франции и воспитатель Людовика XIV. 124, 131, 132, 133, 241, 242

Вуатюр Венсан (1597—1648) — поэт, член Французской академии, любимец салона Рамбуйе. 54, 259

Гиз де — см. Орлеанская Елизавета.

Гито Гийом де Пешпейру де Коменж (1626—1685) — фаворит принца де Конде, любовник графини де Фиеск. 50, 56, 57, 58, 83, 159, 166, 190, 270

Гиш Ги-Арман де Грамон, граф де (1637—1673) — страстный поклонник Мадам; был заключен в Бастилию, затем изгнан из Франции, погиб во время голландской кампании. 118, 124, 133, 134, 152, 153, 176, 179, 198, 199, 206

Гиш Маргарита-Луиза, графиня де — жена графа де Гиша. 69, 199, 205, 213

Грамон Антуан III, граф де Гиш, герцог (1604—1678) — маршал Франции, губернатор Наварры и Беарна, автор Мемуаров. 14, 148, 153, 198, 199, 286

Гримальди Джилорамо (1597—1685) — епископ Альбано, папский нунций во Франции, кардинал, архиепископ Экс-ан-Прованса. 80

Гриньян Жозеф-Адемар де Монтей — брат г-на де Гриньяна. Вначале он был известен как Адемар, затем как шевалье де Гриньян (после смерти брата Шарля-Филиппа д'Адемара), а после женитьбы вновь как граф д'Адемар. 110, 111, 126, 141, 142, 144, 222, 235, 241, 246, 254, 271, 285, 288

Гриньян Луи-Прованс де (1671—1704) — внук мадам де Севинье. 112, 115, 126, 157, 173, 227, 277

Гриньян Мари-Бланш (1670—1732/33) — старшая дочь Франсуазы де Гриньян; стала монахиней в монастыре Св. Марии в Экс-ан-Провансе. 81, 95, 155, 166, 178

Гриньян Франсуа Адемар де Монтей, граф де (1603—1689) — коадьютор, впоследствии архиепископ Арльский. 212, 267

Гриньян Франсуа Жюль Адемар де Монтей, граф де (1632—1714) — вице-губернатор Прованса, муж Франсуазы-Маргариты де Севинье. Будучи еще молодым, он начал военную карьеру. В 1656 г. стал капитан-лейтенантом дворцовой кавалерии Анны Австрийской. Был женат трижды: на Анжелике-Клэр Д'Анжен, дочери маркизы де Рамбуйе (у них было две дочери); на Мари-Анжелике дю Пюи-дю-Фу, которая скончалась вскоре после рождения сына. В 36 лет он познакомился с 23-летней Франсуазой-Маргаритой де Севинье и женился на ней. Вскоре он был назначен генерал-лейтенантом короля

в Провансе. На протяжении почти 40 лет граф де Гриньян с супругой жил в своем замке на юге Франции. Каждый год он председательствовал на открытии Штатов, сидя на троне с архиепископом Экса по правую сторону, а интендантом Прованса по левую. В 1673 г. граф Гриньян руководил осадой мятежного города Оранж. 38—41, 47, 52, 54, 55, 56, 59, 60, 61, 64, 66, 68, 74, 76, 81, 86, 87, 88, 94, 96, 98, 100, 104, 108, 110, 111, 112, 115, 116, 119, 124, 125, 129, 131, 155, 157, 160, 178, 181, 182, 183, 186, 189, 192, 193, 194, 196, 197, 200, 203, 204, 205, 206, 211, 212, 213, 219, 223, 230, 231, 232, 236, 241, 243, 252, 266, 267, 268, 273, 275, 278, 279, 282, 283

Гриньян Франсуаза-Маргарита (урожд. Франсуаза-Маргарита де Севинье; 1646—1705) — любимая дочь и главная корреспондентка мадам де Севинье. Графиня была очень умна, образованна и необычайно красива (представленная ко двору в 1663 г., она сразу же заслужила звание самой прелестной девушки Франции). В том же году она приняла участие в балете Искусств — в первом выходе рядом с королем Людовиком XIV, мадемуазель Лавальер и мадемуазель Монтемар. В 1669 г. Франсуаза вышла замуж за Франсуа Жюля Адемара де Монтея, графа де Гриньяна (1629—1714); наместника короля в Лангедоке и Провансе (у него это был уже третий брак). 284, 285

Гриньян Франсуаза Полина д'Адемар де Монтей де (1674—1737) — младшая дочь Франсуазы де Гриньян, в замужестве маркиза де Симьян. Она была очень похожа на свою бабушку. 223

Гурвиль Жан-Эро де (1625—1703) — секретарь и поверенный Ларошфуко, его самый верный и постоянный друг, активный участник Фронды, дипломат, автор Мемуаров. 72, 73, 136, 193, 213, 217, 218

Данжо Филипп де Курсийон, маркиз (1638—1720) — полковник, воспитатель дофина (1680), член Французской академии, автор Мемуаров. 14, 118, 154

Депрео — см. Буало Депрео Никола.

Дю Плесси Александр де Шуазель, граф (1634—1672) — сын Сезара Дю Плесси-Пралена. 168, 287

Дю Плесси-Бельер Сюзанна (1599—1705?) — вдова маркиза Жака дю Руж Дю Плесси-Бельер, она была хозяйкой одного из первых литературных салонов того времени. 20, 282

Дю Плесси-Генего Элизабет (?—1672) — дочь Сезара Дю Плесси-Пралена, жена Анри Дю Плесси-Генего. 78, 82, 89, 92, 95, 136, 264, 269, 270

- Дю Плесси-Прален Сезар, герцог де Шуазель (1598—1675) — маршал Франции, автор Мемуаров. 170, 171, 238
- Дюрас (Дюра) Жан Анри де Дюрфор, герцог (1626—1704) — племянник виконта де Тюренна, губернатор Франш-Конте, маршал Франции. 141, 233
- Жоли Клод (1610—1678) — знаменитый проповедник, епископ Ажанский, писавший на духовные темы. 48, 68, 129, 239
- Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100) — еврейский историк и военачальник. 278
- Кальпренед Готье де Кост (1609—1663) — писатель, драматург. В жанре романа был последователем Мадлены де Скюдери, написал галантно-героические романы «Кассандра» и «Фарамонд». 87
- Камю Николя — генеральный прокурор, владелец замка Ла-Гранж. 68, 132
- Карл III Бурбонский (1490—1527) — французский полководец, коннетабль Франции, «второй человек королевства», вице-король Милана. 25
- Карл VIII (1470—1498) — король Франции с 1483 г. 152
- Колиньи — см. Шатийон Гаспар IV, граф де Колиньи.
- Кольбер Жан-Батист (1619—1683) — ярый противник суперинтенданта Николя Фуке, немало способствовавший его аресту и разоблачению, министр финансов при дворе Людовика XIV. 12—13, 17, 158, 207, 281
- Комартен Луи Франсуа Лефевр де (1624—1687) — советник парижского парламента, интендант Шампани, друг кардинала де Реца. 219, 225
- Конде Луи II Бурбон, герцог Энгиенский, принц де Конде (1621—1686) — великий французский полководец, известный под именем Великий Конде. 166, 167, 260
- Корбинелли — итальянец, живший в Париже, знаток философии, большой эрудит, друг мадам де Севинье, едва ли не ежедневно навещавший ее, неоднократно бывавший в ее поместье Ливри. Одним из первых оценил ум и литературную одаренность мадам де Севинье. 35, 36, 184, 185, 205, 209, 213, 217—220, 222, 223, 256, 267, 269
- Корнель Пьер (1606—1684)) — французский драматург, создатель французской трагедии. Член Французской академии. 75, 123, 124, 140, 143, 145, 150, 282, 286, 289
- Король Жан, Иоанн II Добрый (1319—1364) — второй король Франции из дома Валуа. 106

- Креки Франсуа де (1625—1687) — маршал Франции, соперник де Тюренна. 117, 132, 152, 153, 233, 246, 250, 251, 260
- Куланж Генриетта де — сестра матери мадам де Севинье. 40, 149, 151, 160, 163, 170, 171, 173, 177, 282
- Куланж Кристоф де, аббат де Ливри (1607—1687) — дядя мадам де Севинье; после смерти брата и невестки в 29 лет стал опекуном Мари Рабютен-Шанталь; с 1650 г. занимался ведением ее дел. 40, 43, 44, 47, 79, 81, 87, 88, 89, 91, 94, 96, 100, 103, 108, 111, 112, 124, 135, 143, 144, 156, 159, 161, 163, 171, 174, 178, 179, 195, 219, 247, 255, 262, 268, 282, 285
- Куланж Мари-Анжелика, маркиза де (1643—1723) — жена кузена мадам де Севинье (сохранилось около полусотни писем маркизы). 42, 56, 75, 116, 120, 129, 135, 138, 147, 197, 198, 201, 209, 215, 218, 220, 223, 258, 271
- Куланж Мари де — тетя мадам де Севинье. 143
- Куланж Филипп II, маркиз де (1633—1716) — кузен и друг мадам де Севинье. 52, 56, 60, 103, 108, 114, 115, 119, 142—144, 175, 178, 179, 188, 192, 209, 215, 235, 243, 247, 255, 261, 262, 271
- Лавальер Луиза-Франсуаза де Лабом-Леблан (1644—1710) — герцогиня де Лавальер и де Вожур, фаворитка Людовика XIV. 55, 156, 220, 282
- Лаварден Филибер Эммануэль де (1617—1671) — епископ Манский. 62, 103
- Лаварден Шарль Анри (1644—1701) — наместник короля в Бретани, посол в Риме. 200, 234, 236, 245, 268, 273
- Ламус — аббат, дальний родственник аббата де Куланжа и мадам де Севинье, картезианец и знаток Декарта, он давал Франсуазе Севинье уроки философии. 79, 81, 82, 88, 90, 100, 102, 106, 108, 111, 112, 143, 178, 284
- Ланглад Жак де, барон де Сомьер (1620—1680) — секретарь герцога Буйонского, друг Ларошфуко. 55, 60, 133, 162
- Ланкло Нинон де (1615/1623—1705) — знаменитая куртизанка, писательница, хозяйка литературного салона. 63, 67, 282, 283
- Ларошфуко Франсуа (1636—1689) — писатель и философ-моралист, автор «Максим» и Мемуаров; при жизни отца носил титул князь де Марсильяк. 47, 55, 60, 62, 63, 68, 71, 76, 87, 99, 114, 117, 124, 125, 135, 136, 143, 154, 155, 165, 169, 171, 173, 192, 201, 202, 213, 219, 241, 244, 286
- Латрош Мари (урожд. Годе де ла Перьер) — близкая подруга мадам де Севинье. 47, 69, 75, 110, 136, 175, 177, 222, 223, 229, 283

- Латрусс, маркиз де — кузен мадам де Севинье. 115, 151, 156, 174, 180, 247, 255, 269, 271
- Лафайет Мари Мадлен де (урожд. Мари Мадлен Пиош де Ла Вернь; 1634—1693) — писательница, автор знаменитого романа «Принцесса Клевская» (1678). В детстве училась вместе с мадам де Севинье у писателя Менажа. 40, 47, 52, 54, 64, 67, 70, 71, 74, 77, 82, 99, 113, 127, 149, 156, 160, 163, 192, 197, 199, 213, 218, 219, 226, 227, 244, 286
- Лафейяд Франсуа, виконт д'Обюссон, герцог де (1625—1691) — маршал Франции, титул герцога получил после кампании на Крите. 109, 165, 246, 247
- Лафонтен Жан де (1621—1695) — знаменитый баснописец. 75, 79, 138, 140, 143, 286, 287
- Ле Телье Шарль Морис (1642—1710) — сын предыдущего, архиепископ Реймский. 45, 116, 125, 192, 196, 200, 216, 218, 243, 282
- Лебрен Шарль (1619—1690) — глава французской художественной школы эпохи Людовика XIV. 158
- Лозен Антуан Номпар де Комон, маркиз де Пегилен, герцог (1633—1723) — генерал-лейтенант королевской гвардии. В 1671 г. Лозен был арестован по приказу короля и заключен в Пиньероль (где находился в ту пору и Николя Фуке), провел там почти 10 лет. 42—45, 113, 114, 121, 285
- Лонгвиль Анна-Женевьеве де Бурбон, герцогиня де (1619—1679) — единственная дочь Анри II де Бурбона, герцога Конде, сестра великого Конде и герцога Конти. Она поддерживала тесные отношения с Ф. Ларошфуко. Ей посвящен роман Мадлен де Скудери «Клелия». 62, 130, 133, 167, 169, 171, 172, 173
- Лонгвиль Шарль Пари Орлеанский, герцог де (1649—1672) — сын предыдущей и Франсуа Ларошфуко; был убит при переправе через Рейн. 134, 165, 166, 167, 168, 169, 175, 176
- Лорен Филипп (1643—1702) — фаворит Месье, брата Людовика XIV. 132, 133, 136, 242, 260
- Лувуа Франсуа Мишель Ле Телье, маркиз де (1641—1691) — военный министр, член Государственного совета. 131, 153, 193, 196, 202, 207, 233, 250, 274
- Людовик Четырнадцатый (1638—1715) — король Франции (1643). 5, 9, 14, 23, 25, 29, 43, 49, 70, 72, 73, 99, 104, 106, 113—118, 122, 130—132, 141, 148, 151—154, 156, 159, 161, 162, 169, 172—174, 180, 187, 194, 199, 200, 203, 206, 207, 214, 223, 228, 230, 232, 233, 235, 236, 239, 245, 250, 285, 289, 293

- Люксембург Франсуа-Анри де Монморанси-Бутвиль, герцог де (1628—1695) — полководец, маршал Франции. 212, 215, 233, 259
- Люлли Жан-Батист (1632—1687) — придворный композитор. 159
- Мадемуазель — Анна-Мария-Луиза Орлеанская, герцогиня де Монпансье (1627—1693), дочь Гастона Орлеанского, активная участница Фронды, автор известных Мемуаров. 42—45, 49, 64, 67, 126, 214, 261
- Маран де — см. Монталэ Франсуаза-Шарлотта де, графиня де Маран.
- Марсель, граф — см. Вивонн-Мортемар Луи-Виктор де Роше-шуар.
- Марсильяк — см. Ларошфуко Франсуа.
- Маскарон — епископ Тюльский, известный проповедник. 54, 60, 65, 68, 128, 159, 249
- Медичи Екатерина (1519—1589) — королева Франции, дочь герцога Урбинского Лоренцо II де Медичи. 69
- Мем Мари де Ла Вале-Фоссе, маркиза д'Эверли (?—1650) — мать герцогини де Вивонн. 114
- Ментенон Франсуаза д'Обинье (1635—1719) — внучка Агриппы д'Обинье, вдова поэта Поля Скаррона, морганатическая жена Людовика XIV. 120, 121, 127, 135, 143, 147, 192, 197, 202, 277, 287
- Месье — см. Орлеанский Филипп.
- Миньяр Пьер (1612—1695) — художник, оставивший множество портретов придворных Людовика XIV; ему предположительно принадлежит портрет дочери мадам де Севинье Франсуазы, хранящийся в музее Карнавале. 258
- Моденская принцесса — см. Эсте Мария Беатриса Элеонора д'.
- Мольер Жан Батист Поклен (1622—1673) — великий французский драматург-комедиограф, актер, реформатор сцены. 78, 81, 135, 140, 217, 283, 286
- Монако Катерина-Шарлотта, принцесса де, урожденная де Грамон (1639—1678) — сестра графа де Гиша. 162, 199, 285
- Монбазон Луи де Роган, герцог (1568—1654) — пэр Франции, обер-егермейстер. 100, 120, 265
- Монгла Сесиль-Элизабет Юро де Шеверни, маркиза (1618—1695) — супруга маркиза де Монгла, главного гардероб-мейстера короля, любовница Бюсси-Рабютена. 36
- Монморанси Франсуа-Анри де, герцог Люксембургский (1628—1695) — маршал Франции. 39, 54
- Монталэ Франсуаза-Шарлотта де, графиня де Маран (1633—1718) — сестра Луизы де Лавальер, известная интриганка,

любовница принца де Конде и др. Мадам де Севинье называла ее злая фея Мелузина или «эта Маран». 136, 162, 168, 207, 210, 287

Монтеспан Франсуаза Атенаис де Рошешуар де Мортемар (1641—1707) — фаворитка Людовика XIV. 55, 121, 156, 223, 228, 282, 287

Монтиньи — аббат, архиепископ Леонский. 105, 107

Монтозье Шарль де Сент-Мор, маркиз, впоследствии герцог де (1610—1690) — воспитатель дофина, сына Людовика XIV. 119

Монфокон де Виллар Николя (1635—1673) — дворянин, священник, масон, мистик, философ, разбойник; автор прославившей его книги «Граф де Габалис, или Беседы о тайных науках». 101, 153, 284

Навай Филип де Монто де Бенак де (1619—1684) — известный французский военачальник второй половины XVII в., маршал, пэр Франции. 133, 233

Невер — см. Манчини Филипп, герцог де Невер.

Нейшез Жак де — см. Шалон Жак де Нейшез.

Николь Пьер, аббат (1625—1695) — известный моралист и богослов-янсенист; его главный труд: «Essais de morale» (1671) — собрание небольших рассуждений о вопросах этики и религии; пользовался покровительством герцогини де Лонгвиль, после ее смерти (1679) был вынужден покинуть Францию. Впоследствии его работы были почти забыты, кроме эссе «Des moyens de conserver la paix avec les hommes». 81, 84, 88, 105, 107, 108, 126, 139, 284

Нинон — см. Ланкло Нинон де.

Оранский Вильгельм III, принц (1650—1702) — правитель Нидерландов, король Англии (под именем Вильгельм III) и король Шотландии. 203, 250, 258, 275

Ориген из Александрии (ок. 185 — ок. 254) — раннехристианский богослов. 102, 264

Орлеанская Елизавета (1646—1696) — герцогиня Алансонская, младшая сестра мадемуазель де Монпансье, жена герцога Луи-Жозефа де Гиза. 49, 74

Орлеанский Гастон, герцог (1608—1660) — младший сын Генриха IV и Марии Медичи, титуловался «Монсеньор». 42, 43, 119, 193

Орлеанский Филипп I Французский, герцог Анжуйский, Месье (1640—1701) — младший брат Людовика XIV. 132, 133, 152, 169, 214

Ормессон д'Оливье III Лефевр (1616—1686) — занимал ряд государственных должностей, сыграл важную роль в процессе Николя Фуке. Он спас обвиняемому жизнь, раскрыв заговор против него и отказавшись голосовать за смертную казнь, что стоило ему отставки. 11, 19, 22—25, 27, 28, 30

Оттобон, кардинал — см. Александр VIII.

Палатинская принцесса Анна Гонзага (1616—1684) — супруга Эдварда Палатинского, внука английского короля Якова I; в молодости была связана с герцогом де Гизом, своим кузеном, и даже вступила с ним в тайный брак. В начальный период правления Людовика XIV ей принадлежал один из наиболее блестящих салонов. 151

Паскаль Блез (1623—1662) — французский математик, физик, религиозный философ и писатель. 86, 105, 107

Пеке Жан — знаменитый анатом и врач, приверженец Н. Фуке, оставшийся ему верным. 29, 30, 31, 32, 114, 178

Пелисон-Фонтанье Поль (1624—1693) — писатель, представитель направления галантной литературы, секретарь Н. Фуке, чья опала привела к аресту и тюремному заключению Пелисона (1661—1665). Впоследствии занял должность королевского историографа. 134, 213

Плесси Дю, мадемуазель — см. Дю Плесси.

Плесси-Лианкур Габриэль (?—1672) — жена герцога Франсуа V де Ларошфуко, мать писателя Франсуа де Ларошфуко. 155, 286

Поменар, маркиз де — друг мадам де Севинье. 95—97, 115, 124, 284

Помпонн Симон Арно де (1618—1689) — друг Фуке, занимал, по протекции последнего, ряд важных государственных должностей. В период суда над Фуке Помпонн находился в своем имении под домашним арестом. 5, 6, 8, 10, 13, 20, 22, 24, 27, 31, 73, 104, 106, 123, 128, 132, 150, 151, 165, 190, 192, 193, 197, 201, 203, 204, 209, 212, 215, 216, 228, 230, 231, 234, 236, 242, 243, 251, 260, 261, 276, 277, 284

Понкарре Пьер Камю де, аббат Сен-Трожан (?—1684) — исповедник Людовика XIV, друг кардинала де Реца и мадам де Севинье. 97, 149, 193, 260

Пюссор Анри — статский советник, дядя Кольбера. 8, 15, 19, 22, 23, 25, 30

Рабле Франсуа (1494—1553) — знаменитый писатель, крупнейший представитель гуманизма во Франции. 84

Расин Жан Батист (1639—1699) — французский драматург, чьи трагедии являются вершиной французской драматургии XVII в. 68, 101, 122, 124, 145, 285, 286

Реймский архиепископ — см. Ле Телье Шарль Морис.

Рец Жан-Франсуа Поль де Гонди (1613—1679) — кардинал, архиепископ Парижский, автор знаменитых Мемуаров, постоянный противник Ларошфуко. 134, 140, 142, 211, 216, 217, 219, 225, 236, 248, 282, 284

Рец Поль-Маргарита де Гонди — племянница кардинала и дочь герцога де Реца. 42

Роган Маргарита, герцогиня де (1617—1684) — жена герцога А. Рогана-Шабо. 42, 200, 245

Роган Луи, принц де, герцог де — см. Монбазон Луи де Роган.

Рошфор Анри-Луи д'Алуаньи, маркиз де (?—1676) — маршал Франции. 233, 246

Рюйтер Михаил Адрианзон (1607—1676) — нидерландский адмирал, неоднократно побеждавший превосходящего по силам противника. В частности, 22 апреля 1676 г. он с небольшими силами атаковал многочисленный флот французского адмирала Дюкена в Катанском заливе. 270, 275

Севинье Анри, маркиз де (1623—1651) — муж Мари Рабютен-Шанталь, умер от ран, полученных на дуэли с шевалье д'Альбре. 39, 63, 283

Севинье Франсуаза — см. Гриньян Франсуаза-Маргарита.

Севинье Шарль (1648—1713) — сын мадам де Севинье. В 1684 г. женился на Жанне-Маргарите де Морон, дочери советника парламента Бретани. В 1703 г. отказался от поста лейтенанта короля в Бретани. Вместе с женой он поселился в Париже в предместье Сен-Жак. 67, 78, 79, 81, 82, 84, 87, 88, 124, 144, 149, 150, 162, 165, 166, 169, 172, 180, 191, 195, 205, 207, 212, 215, 216, 218, 225, 239, 243, 250, 258, 259, 266, 283

Сегре Жан Реньо (1624—1701) — секретарь г-жи де Монпансье, затем г-жи де Лафайет. 120, 138

Сегье Пьер (1588—1672) — сподвижник Ришельё, канцлер Франции, меценат и библиофил. 14, 128, 158, 281

Сегье Шарлотта (1623—1704) — младшая дочь Пьера Сегье, в первом браке герцогиня де Сюлли, во втором герцогиня де Вернейль. 48, 106, 158, 199, 243

Сен-Жермен д'Ашон Жак, маркиз де — деятель Фронды. 67

Сен-Сиран аббат, Жан Дювернье де Оран (1581—1643) — один из основных деятелей янсенизма. 106

Сент-Эньян Франсуа де Бовилье, граф, впоследствии герцог де Сент-Эньян (ум. 1679) — видный придворный, поэт. 14

Скаррон г-жа — см. Ментенон Франсуаза д'Обинье.

Скюдери Мадлен де (1607—1701) — французская писательница, представительница галантной литературы. В салоне мадам Рамбуйе ей дали прозвище Сафо. В ее собственном салоне с 1652 г. собиралась интеллектуальная верхушка парижского общества. 11, 281

Тассо Торквато (1534—1595) — итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». 33, 81, 82, 84, 86, 88, 91, 97, 264, 281, 282

Тианж Габриэль, маркиза де (1643—1693) — старшая сестра маркизы де Монтеспан. 70, 156, 202, 217, 277

Тюренн Анри де ла Тур д'Овернь, виконт де (1611—1675) — выдающийся полководец, наставник Людовика XIV по военным вопросам. 117, 152—154, 162, 163, 168, 207, 223, 232—236, 238, 240—246, 248, 250—253, 255—257, 259, 262, 263

Фиеск Жилонна де Аркур, графиня де (1619—1699) — дочь Жака II д'Аркура, маркиза де Бёврона, статс-дама Великой Мадемуазель; вместе с ней принимала участие в событиях Фронды, а потом сопровождала ее в изгнании. 153, 291

Флешье Валентен Эспри (1632—1710) — проповедник, архиепископ Нима. 249

Фонтевро Мари-Мадлен Габриэль Аделаида де Рошешуар де Монтемар (1645—1704) — аббатиса с 1670 г. 49, 97, 258, 261

Франциск I (1494—1547) — король Франции с 1515 г. 76

Франциск Сальский (1567—1622) — католический святой, епископ Женевский. Известен своими трудами о духовной жизни, в особенности «Введением в благочестивую жизнь». 8, 126

Фуке Мари (урожд. Мари де Мопу; 1590—1681) — мать Никола Фуке. 6, 7, 9, 20, 29, 30, 31

Фуке Мари-Мадлен (урожд. де Кастиль-Виймарель; 1633—1716) — супруга Никола Фуке, мать пятерых его детей. По завершении судебного процесса Мари-Мадлен около 10 лет провела в ссылке. Свидание с мужем она получила лишь через 15 лет, их детям было запрещено появляться при дворе при жизни Людовика XIV. 20, 26, 29, 30, 40

Фуке Никола (1615—1680) — генеральный прокурор, суперинтендант финансов, отставлен от должности и арестован в 1661 г., большой друг мадам де Севинье. 5—13, 15—26, 29—33, 35, 40, 71, 98, 281, 282, 285, 286, 289

Фуко — секретарь суда на процессе над Никола Фуке. 23, 29

- Шалон Жак де Нейшез (1591—1658) — епископ, родственник Бюсси-Рабютена и мадам де Севинье. 35
- Шамийяр Ги де (1624—1675) — интендант, генеральный прокурор. 281
- Шанмеле Мари (1642—1698) — французская актриса, первая исполнительница ролей в трагедиях Ж. Расина. 143, 145, 283
- Шаро Арман де Бетюн, герцог де (1641—1717) — зять Николя Фуке. 29, 30, 31, 141
- Шаро Мари — дочь Фуке, жена герцога де Шаро. 9, 29, 30, 31, 141
- Шеврез Мари де Роган Монбазон, герцогиня де (1600—1679) — подруга и доверенное лицо Анны Австрийской, участница заговоров против Ришелье и Фронды. 207
- Шомбер (Шомберг) Фредерик-Арман (1615—1690) — губернатор Лангедока, маршал Франции, родственник кардинала де Реца. 133, 154, 210, 233
- Шон, герцог де — см. Альбер Шарль Эйи д'.
- Шуазель Александр — см. Дю Плесси Александр де Шуазель.
- Эльбёф Карл II Лотарингский, герцог д' (1596—1657) — участник заговоров герцога Орлеанского, губернатор Пикардии. 242, 252, 253
- Эсте Мария Беатриса Элеонора д' (1658—1718) — жена герцога Йоркского, будущего короля Англии Якова II. 194
- Эффиа Жан Куафье де Рюзе д' (1628—1698) — брат маркиза Сен-Мара. 16, 263
- Юзес — архиепископ. 39, 116, 123, 141, 157, 161, 162
- Юксель Мари ле Байель, маркиза д' (1626—1712) — во втором браке супруга Луи Шалона дю Бле, маркиза д'Юкселя, отличавшаяся красотой и блестящим умом. 168, 193
- Юмьер — маршал. 152, 153
- Ян III Собеский (1629—1696) — польский полководец, великий гетман коронный (1668), король польский и великий князь литовский (1674). 203, 287

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА	5
Примечания	281
Указатель	288

Мадам де Севинье

М 13 Письма / Пер. с фр. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. — 304 с.

ISBN 978-5-389-02586-8

Пожалуй, самым знаменитым за всю историю французской литературы произведением эпистолярного жанра являются «Письма» мадам де Севинье. После смерти мужа, убитого на дуэли, молодая маркиза посвятила себя воспитанию детей. А когда любимая дочь отправилась вслед за мужем на юг Франции, в Прованс, мать, не в силах смириться с разлукой, принялась писать ей длинные письма, рассказывая обо всем, что происходило в Париже: о политических процессах, придворных интригах, театральных премьерах, о дорожных тяготах, последних модах и прическах. Не случайно на этих страницах мелькают королевские фаворитки и военачальники, аббаты, министры, мушкетеры, философы, куртизанки, Людовик XIV, Фуке и д'Артаньян, Нинон де Ланкло и Луиза Лавальер, герцог Ларошфуко, Корнель, Мольер, Лафонтен. Маркиза де Севинье была знакома решительно со всеми!

До нас дошло свыше тысячи ее писем, и они до сих пор поражают остроумием, искренностью, непринужденностью. Французский язык под пером мадам де Севинье стал необыкновенно выразительным, живым, изящным и при этом удивительно естественным. «Мадам де Севинье — первая во всем своем столетии по эпистолярному стилю, — воскликнул Вольтер, — даже пустячки она излагает с грацией невероятной!»

Избранные письма мадам де Севинье публикуются по русскому изданию 1903 г.

УДК 82/89

ББК 84.4 Фр

Литературно-художественное издание

**МАДАМ ДЕ СЕВИНЬЕ
ПИСЬМА**

Ответственная за выпуск Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Ольга Иванова
Корректоры Светлана Федорова, Елена Павлова
Верстка Алексея Соколова

Подписано в печать 25.11.2011. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂
Печать офсетная. Гарнитура «Петербург». Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 12,69. Заказ № 4756.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
196105, г. Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных издательством материалов
в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел: (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс: (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01
E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Сайты в интернете:

www.azbooka.ru
www.atticus-group.ru

КАКВ815001R

